

Валерий Ильин

Археология детства

Психологические механизмы
семейной жизни

Москва
Независимая фирма «Класс»
2002

УДК 615.851
ББК 53.57
И 49

Ильин В.А.

И 49 Археология детства: Психологические механизмы семейной жизни — М.: Независимая фирма “Класс”, 2002. — 208 с. — (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 104).

ISBN 5-86375-047-2

Эта книга адресована всем, у кого была, есть или будет семья. А также всем, кто сам был ребенком, у кого были, есть или будут дети. Потому что наше детство и отношения в родительской семье могут быть как причиной серьезных проблем, так и основной опорой и источником ресурсов во взрослой жизни. Вот почему так важно знать основные этапы жизни семьи и психологические особенности различных периодов детства, чтобы предупредить возможные ошибки и исправить уже совершенные. Идеи классиков западной психотерапии Э. Берна, В. Сатир, Э. Эриксона, Дж. Морено и др. не только мирно соседствуют в этой книге с воззрениями видных представителей отечественной религиозно-философской мысли И.А. Ильина, П.А. Флоренского, В.В. Зеньковского, но и образуют с ними некое единство, систему. Систему, адаптированную к современной российской действительности, ярко проиллюстрированную примерами из терапевтической практики автора и широко известными сюжетами мировой литературы. А также весьма доступно изложенную.

Книга представляет интерес не только для практикующих психотерапевтов, но и для социологов, культурологов и других специалистов.

Главный редактор и издатель серии Л.М. Кроль
Научный консультант серии Е.Л. Михайлова

ISBN 5-86375-047-2 (РФ)

© 2002 В.А. Ильин
© 2002 Независимая фирма “Класс”, издание, оформление
© 2002 Е.Л. Михайлова, предисловие
© 2002 Е.А. Кошмина, дизайн обложки

Исключительное право публикации на русском языке принадлежит издательству “Независимая фирма “Класс”. Выпуск произведения или его фрагментов без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Я должен был больше места посвятить отцу: я реализую в жизни то, к чему он стремился, к чему так мучительно много лет подряд тяготел мой дед. А мать? Как-нибудь после. Я и мать, и отец. Я это знаю и поэтому многое понимаю.

Януш Корчак. Из дневника

Перед вами простая и местами веселая книжка о том, что иметь детей не так страшно, как нам рассказывали. Источники ее — прежде всего работы Эрика Эриксона и русских христианских философов — прекрасны и признаны в мире. Жанр я бы определила так: психологическая публицистика. Тема — вечная. Перо у автора — легкое. Чего еще желать?

Личное — очень личное — и внятно заявленное отношение автора ко всему на свете мило сердцу уже хотя бы тем, что позволяет с его оценками в чем-то и не соглашаться. Это и вправду ценно, ибо на вечную тему семьи и детей уже высказались все кому не лень, а споры — как и на любую подобную тему — практически бесконечны. Никто в этом вопросе не нейтрален, никто не свободен от собственного опыта — даже “проработанные” профессионалы. Автор откровенно пристрастен: восхищается, ворчит, иронизирует, сердится. А читатель тем самым волен что-то принять к сведению, в чем-то усомниться, а прямые оценки разделить, проигнорировать или оспорить, это уж кому как нравится. Получается, что читатель по отношению к тексту может быть активен и свободен — это ново и здорово.

...И все же: о чем эта книжка, кроме уже ставшего общим местом утверждения относительно важности раннего детского опыта, кроме стертого повторами “родом из детства”? Какие тени и отражения мелькают между строк, какой невысказанный вопрос витает в воздухе? Мне кажется — и это тоже совершенно личное мнение, — что внутренняя “пружина” и подтекст книги выросли из одного феномена современной российской культуры, имеющего отношение далеко не только к родительско-детским отношениям. Я имею в виду переживание отсутствия — зияния, просто-таки черной дыры на месте настоящей “отцовской фигуры”. Тоску по ней. Надежду на ее обретение не в семье, так в профессии, в книгах, в духовном опыте. Но без достойной ролевой модели даже искать — ох как трудно. Хоть совсем не становись взрослым. Не потому ли наши преуспевшие мужчины вне зависимости от возраста все равно похожи на важничавших подростков, а слово “авторитет” стало нуждаться в комментариях — мол, не в том смысле, а в обычном, прямом...

Почему папы никогда нет дома? Почему учитель — по большей части дуболом-военрук или вечно пьяненький “трудолик”? Почему так часто бывает стыдно за власть предержавших — может, и хотелось бы уважать и верить, но ведь не таким же! И на кого же стоит походить, “когда вырастешь”? Если на Брюса Уиллиса, явно симпатичного автору, то это еще очень и очень ничего. Кстати, где вы в последний раз встречали фразу “Твой отец гордился бы тобой”? Правильно, в “Гарри Поттере”. Приехали...

Автор представляет себе “правильную” семью и роль мужчины в ней, как будто достаточно слегка отодвинуть “теток” и “мамочек” — и отец сам поймет, как он важен, чего лишился сам и чего лишает ребенка. Если, к примеру, мужчина участвует в школьных делах сына, он тем самым объявляет их важными, мужскими. Если нет — сами понимаете, чье это хозяйство и где оно сидит у подрастающего мужичка вместе с Марь Ивановой и ее требованиями про “поля в четыре клеточки”. В этом есть, что называется, правда жизни: чтобы поднять, следует смиренно нагнуться. И жестокий парадокс: превращаясь в ответственность, власть теряет блеск, а для того ли ее брали? Достаточно ли просто дать отцу подобающее место и уважение — не знаю. Заниматься с ребенком и быть в курсе его жизни и учебы — это ведь не только хотеть, это еще и уметь надо. А откуда ему это уметь? Уж не говоря о том, что это бывает скучно, тяжело и часто не ко времени. А главное — не будет “правильно понято” по-настоящему значимым окружением. Не семьей.

Автор, между прочим, подал личный пример: взял и написал книжку про детей и семейные дела. А они в нашей вечно воюющей патриархальной культуре по умолчанию считаются второсортными, то есть женскими — по сравнению с чемоданами компромата, ночными клубами, думской грызней, нефтяной трубой, зачисткой мятежных аулов, “звездными войнами” медиамагнатов, чемпионатом по футболу, дорогими машинами, галстуками от Армани и другими Настоящими Делами. Вот написал бы про политический пиар или приемы соблазнения, как делают иные литературно одаренные коллеги, так были бы ему почет и уважение, тиражи и поклонники! Но у него, похоже, позиция. Для него, похоже, этот разговор про детство и жизненные циклы действительно важен и серьезен. И этот выбор — знал ведь, что делает, — вызывает уважение. А кроме того...

Если вынести за скобки мое с автором давнее знакомство и старинную симпатию к его профессиональным исканиям, а заодно и вообще все личное, литературное и даже научно-популярное, само появление этого текста можно робко расценить как некий симптом. Не начал ли пробиваться росток идеи осмысленного, человеческого отцовства — в широком смысле, не только биологического, конечно...Того, которого так давно и трагически не хватает в современной российской культуре и истории. Суррогатов которого “ищут пожарные, ищет милиция” — кто в горних высях, а кто в придуманной дворянской родословной или пластиковых корпоративных модельках: лидер, команда... “Ищут давно и не могут найти...” Но если что-то очень нужно, а найти готовым не получается, оно обязательно появится: созреет, родится, будет выращено. Хотелось бы надеяться на лучшее и на новое, и не только для семьи и детей...

Так вот, в этой неоднозначной книге масса нового, начиная с самого ее жанра и заканчивая попыткой в который раз увязать Восток и Запад, прямым обсуждением христианского взгляда на семью, интереснейшими наблюдениями за современными подростками, анализом привлекательности тоталитарных сект, примерами из практики автора.

Как и другие популярные книги по психологии, ее будут читать в основном женщины. А жаль.

Екатерина Михайлова

ОТ АВТОРА

Сказки счастливые и не очень

“Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему”, — так или примерно так начал свой знаменитый роман Лев Толстой. Далее граф пошел излюбленным путем всех великих и не очень великих писателей мира — ярко и подробно нарисовал мрачные коллизии жизненной драмы отдельно взятой несчастливой семьи. С незапамятных времен мировая литература, начиная с Гомера и кончая авторами современных детективов, отдает дань семейным несчастьям. Правда, довольно часто в художественных произведениях, особенно в сказках, после всевозможных неприятностей дело кончается свадебным пиром: “И стали они жить-поживать, да добра наживать”.

Не знаю как вам, а мне порой хочется узнать, что же произошло дальше. Как все-таки стали “поживать” герои? Какого именно “добра” они нажили? Сколько, например, у них родилось детей? Как и кто их воспитывал? Рассказывали ли им родители о тех испытаниях, которые пришлось пережить в молодости? А если вдруг, скажем, через десять лет совместной жизни принцу, ставшему к тому времени королем, довелось задержаться на охоте?.. Что переживала его супруга? Может быть, она просто ждала, зная, что в лесу можно заблудиться, но сильный и опытный король обязательно найдет дорогу и вернется к ней? Может быть, она проплакала всю ночь, думая о могучем и страшном колдуне, который, по слухам, обитает в этом лесу? А может быть, ей не давала заснуть мысль о юной красавице-принцессе из соседнего замка? Рассказала ли она супругу при встрече о своих чувствах, страхах, сомнениях? Как отреагировал король? Как он вообще относится к своей жене спустя десять лет после свадьбы? Доверяет ли он ей? Делится ли с ней своими проблемами? Может быть, он, например, считает, что государственное управление — “не бабское дело”? А как думает об этом королева?

Вопросы, вопросы... По-моему, их хватит не на один роман. И ответы вопреки тому, что декларировал Лев Толстой об одинаковости семейного счастья, в каждом таком романе будут разные.

Между тем почему-то никому не приходит в голову просто для разнообразия написать хотя бы захудалый рассказ о жизни семьи счастливой. Может быть, все дело в законах драматургии и счастье действительно всегда банально — одинаково? Может быть, это просто неинтересно?

Рискну предположить, что писатели не желают (а может быть, и не могут) писать романы о счастливых семьях по крайней мере по трем причинам. Во-первых, им не так-то легко найти в реальной жизни повод для вдохновения. Подумайте: много ли вы знаете по-настоящему счастливых семей?

Вторая причина вытекает из первой. Коль скоро (не буду кокетничать и прямо об этом скажу) несчастливых семей и, как следствие, несчастливых людей на этом свете гораздо больше, чем счастливых, обращаться к их чувствам и переживаниям, очевидно, выгодно с точки зрения популярности. (Как психолог и в каком-то смысле писатель утверждает: каждому, кто берется за перо, не безразлично, “как его слово отзовется”).

В-третьих, любой, даже самый великий автор — такой же человек, как большинство из нас. То есть выросший, скорее всего, в семье несчастливой. Между тем создаваемые им миры и герои есть отражение его личностного восприятия мира. Его чувств, иллюзий, фантазий. В каком-то смысле слепок его жизни, его семьи. Или, говоря языком психологии, его личностные проекции. И это замечательно. В противном случае вместо “Илиады” и “Одиссеи” мы, весьма вероятно, имели бы трактат Гомера о коллективном бессознательном, а вместо “Анны Карениной” — сценарный анализ ее родительской семьи. Однако побочный эффект такого положения дел проявляется в уже отмеченном мною засилии семейных несчастий в литературе.

Однако при ближайшем рассмотрении все истории о семьях несчастливых, опять-таки вопреки Льву Николаевичу, при всем многообразии исторических эпох, фактологии, литературных стилей, оказываются в общем-то похожи, если не сказать банальны.

Как правило, все сводится к известному треугольнику: красивая женщина — несчастная или считающая себя несчастной в браке, супруг, по-своему к ней сильно привязанный, герой-любовник. В зависимости от конкретного произведения каждая из этих типичных ролей может нести самую разную эмоциональную и нравственную нагрузку. Так, образ героини варьируется от инфантильной жертвы несчастных обстоятельств (донна Анна в “Маленьких трагедиях” Пушкина) до бесстыдной и меркантильной хищницы (леди Винтер в “Трех мушкетерах”). В качестве обманутого супруга встречаются и безукоризненно порядочные, искренне любящие мужчины (боярин Морозов в “Князе Серебряном” А.К. Толстого) и бесчестные проходимцы (сэр Персиваль Глайд в “Женщине в белом” У. Коллинза). Герой-любовник с одинаковым успехом бывает и рыцарем без страха и упрека (тот же князь Серебряный), и бесстыдным и

безответственным эксплуататором женских чувств и слабостей, каковым, в сущности, является Вронский в той же “Анне Карениной”.

Картина, естественно, дополняется другими участниками представления — завистниками, недоброжелателями, сводниками, моралистами и т.п.

Но смысл всего крутится вокруг исполнителей базовых ролей. Отношения же последних, при всей разнице антуража и человеческих качеств, сводятся к стандартному “танцу”. Каждый движется по замкнутому кругу, выступая то в роли насильника, то в роли жертвы, то в роли спасителя. Часто персонажи проходят такой круг несколько раз. При этом они всегда получают определенный психологический и социальный выигрыш: герой-любовник — подтверждение (явное или опосредованное) статуса “избранника судьбы” и, как следствие, повышение собственной значимости, подкрепляемое реакцией окружающих — восхищением, завистью, ревностью и т.п. Женщина же убеждается в том, что она — “прекрасная принцесса, плененная драконом”. Причем, если первая часть данного вывода представляет бесспорную ценность, наверное, для любой дамы по причинам вполне очевидным, то и вторая его половинка, не столь, быть может, привлекательная на неискушенный взгляд, влечет за собой определенные бонусы: постоянный (пусть даже и не вполне здоровый) интерес общества, право на сочувствие и внимание, а главное — служит отличной приманкой для героев самого широкого диапазона бесстрашия и безупречности, готовых, по законам жанра, прийти на помощь несчастной жертве чудовища. Само же “чудовище”, сиречь обманутый супруг, также получает свою долю “сокровищ”, а именно: моральное оправдание практически любого своего поведения по отношению к жене и детям, плюс все то же сочувствие и внимание — по крайней мере части социального окружения. (Для всех перечисленных базовых ролей возможны любые иные варианты выигрыша, в том числе и сугубо материального порядка.)

С другой стороны, все в этом мире имеет свою цену. И за полученное удовольствие приходится платить. Поэтому любая история о несчастной семье кончается либо фарсом, как, скажем, в семействе Лоханкиных из “Золотого тельца” И. Ильфа и Е. Петрова, либо трагедией, как в произведении графа Л.Н. Толстого.

При этом все взрослые люди — участники несчастного действия взяли у жизни кредит счастья (как они его понимали) и расплатились по своим долгам. В конце концов, это их право.

Но в истории семьи Карениных, как и во многих других подобных историях, даже если они оканчиваются не столь ужасно, есть “один, который не стрелял...” Я имею в виду семилетнего Сережу — сына Карениных. Он единственный во всей этой истории, кто по-настоящему вызывает сочувствие — во всяком случае, у меня. Как и миллионы других детей, выросших или растущих сегодня в несчастливых семьях, Сережа ничего не выиграл, он только потерял. Он — реальная жертва. Взрослые втянули его в свои игры, сделали заложником своих отношений, мифов, иллюзий, не спрашивая его согласия и даже, по большому счету, не думая о нем. Его вынудили платить по чужим счетам. Платить страшную цену. Впрочем, еще более страшную расплату персонажи “Анны Карениной” уготовили другому ребенку, о котором, каюсь, чуть было не забыл. Если Сереже Каренину предостоят нелегкая жизнь без матери, в эпицентре нездорового интереса соседей, под прессом отцовского деспотизма, многократно усиленного переносом на сына отношения к родившей его женщине, то ребенка, которым забеременела Анна от Вронского, лишили даже такой жизни. Его, еще не родившегося, в буквальном смысле швырнули под поезд.

Я не знаю, состоит ли в этом самая страшная несправедливость нашего мира или же, наоборот, в этом заключена какая-то высшая, сверхчеловеческая правда, но детям не дано выбирать свою судьбу. Их судьба определяется в семье. Семья для ребенка — это некий дар свыше. Это даже не лотерея. Это предопределение, изменить которое он (по крайней мере до тех пор, пока не вырастет и не обретет какую-то меру самостоятельности) не в силах.

Впрочем, очень многие люди не в силах изменить это предопределение на протяжении всей своей жизни. Став взрослыми, они создают собственную семью “по образу и подобию” той, в которой родились и выросли. Они передают предопределение своим детям. И беда, если такое предопределение — не благословение доброй феи, а проклятие злой волшебницы...

Каждый психотерапевт, даже если он не работает с семьями, может засвидетельствовать: первопричина насилия, самоубийств, наркомании, пьянства, разрушенной карьеры, неудачной семейной жизни, душевных расстройств и, наконец, даже многих соматических заболеваний кроется в таком “проклятии”, полученном в детстве.

Воистину: “Мир не только строится в детской, но и разрушается из нее; здесь прокладываются не только пути спасения, но и пути гибели”¹.

Не случайно И.А. Ильин, являющийся, по-моему, одним из самых тонких и глубоких исследователей этой проблемы, сравнивал семью со своеобразной живой “лабораторией

человеческих судеб”. При этом он отмечал, что “...в лаборатории обычно знают, что делают, и действуют целесообразно, а в семье обычно не знают, что делают, и действуют, как придется”².

Добавлю от себя, что как в лаборатории, так и в семье все происходит в соответствии с определенными закономерностями, механизм которых действует и оказывает влияние на происходящее вне зависимости от участников процесса. Их можно знать или не знать, считаться с ними или нет, но они так или иначе влияют на результат.

Исследователи, проводящие научный эксперимент, как правило, с такими закономерностями знакомы и в своей деятельности их учитывают. Действующие лица в “лаборатории человеческих судеб” очень часто по самым разным причинам эти закономерности либо игнорируют, либо вовсе о них не подозревают.

Кроме того, в науке лабораторный эксперимент потому и называется “лабораторным”, что он проводится в специальных условиях, позволяющих минимизировать реальные потери в случае неудовлетворительного результата или, не дай Бог, катастрофы. Даже при проведении так называемых полевых испытаний предусматриваются специальные меры безопасности. Скажем, новый самолет поднимает в воздух экипаж, состоящий не просто из опытных летчиков, а из испытателей — людей, специально подготовленных для действий в экстремальных ситуациях, осознающих степень риска и тяжесть возможных последствий.

Взрослые же в своих семейных лабораториях ставят опасные, зачастую смертельные эксперименты сразу, что называется “в живую”. Образно говоря, они отправляют в рейс не испытанный, часто вообще не пригодный для полета самолет, предварительно набив его ничего не подозревающими пассажирами. Эти пассажиры — их дети.

Здесь я должен сделать принципиально важное, на мой взгляд, отступление. За свою, увы, уже не такую короткую жизнь и не такую уж маленькую (слава Богу!) психотерапевтическую практику я не встречал родителей, которые бы *сознательно* желали зла своим детям или хотели сделать их несчастными.

Это делает меня оптимистом в отношении будущего. Еще больше оптимизма придает обстоятельство, что в жизни мне встретилось много замечательных женщин — жен, матерей (состоявшихся и потенциальных), несущих истинную любовь и подлинное человеческое тепло. Во избежание двусмысленности хочу заметить: когда я говорю “замечательная женщина”, то имею в виду “моя любовница”. Кроме того, я знаю по крайней мере нескольких мужчин по-настоящему сильных и надежных.

Теперь вернемся к предмету нашего разговора. Причина распространенности “семейных проклятий” кроется, на мой взгляд, не в злой воле огромного большинства людей, а в том, что, желая сделать для своих детей “как лучше”, родители делают пресловутое “как всегда”. То есть *неосознанно* воспроизводят по отношению к ребенку и друг к другу те нездоровые, я бы сказал, нечеловеческие отношения, которые они усвоили, будучи детьми, в семье своих родителей.

В этой книге мне хочется показать, как, в какие моменты, под воздействием каких сил формируются в семье механизмы, делающие людей несчастливymi. Я хочу предложить вам взглянуть на жизнь человека и, может быть, на вашу собственную жизнь через призму семьи и постараться понять законы, по которым формируется и живет в семье человеческая личность. Кроме того, я рискну предложить вашему вниманию некоторые способы сделать реальные шаги к тому, чтобы изменить свою жизнь, если вы ощущаете потребность в таких изменениях.

Я не страдаю манией величия в ее крайних проявлениях и потому не ставлю своей целью сделать то, что не удалось ни И.А. Ильину, ни В. Сатир, ни Э. Берну, ни многим другим более опытным и, наверное, куда более талантливым, чем ваш покорный слуга, людям — избавить человечество от проблемы несчастливых семей. Но если кто-то, прочитав эту книгу, почувствует желание быть чуть-чуть внимательнее к своим близким, встать на какой-то момент на их точку зрения в семейном конфликте или просто спросит себя: “Насколько я хорош(а) как отец, муж, жена, мать, и если действительно хорош(а), могу ли стать еще лучше?” — то вы тем самым убедите меня, что кусок жизни, отданный настоящей работе, прожит не зря.

По ходу изложения я постараюсь избавить вас от психологизмов и профессионального жаргона, но без некоторых специальных терминов, увы, не обойтись. Вот я прочитал написанное и уже наткнулся на “базовые роли”, “проекции”, “сознательно”, “неосознанно”. Придется объясниться. В конце концов, коллеги и те, кто уже знаком со всеми этими терминами, могут просто перевернуть страницу.

Несколько слов о психоанализе и кое о чем еще

Начну, пожалуй, с главного. Все современные психологические школы так или иначе исходят из того, что человеческое сознание, психика или, если хотите, душа — дело не в

терминах (лично мне ближе последнее) — состоит как бы из двух частей. Светлое поле — те знания, способности, потребности, чувства, желания и т.д., которые осознаются человеком в данный момент и которые он, следовательно, может контролировать и использовать. Осознанные потребности и желания он может *сознательно* — *то есть руководствуясь своей доброй волей* удовлетворять или оставлять без внимания. В отношении их у человека имеется *свобода выбора*.

Те же качества и потребности личности, которые остаются в темных областях, так сказать, тайниках души, оказываются вне нашего контроля. Они объективно существуют, но мы о них как бы не знаем. “Как бы” потому, что они порой дают о себе знать в снах, смутных влечениях, беспричинных на первый взгляд переживаниях. Оставаясь вне нашего контроля, они зачастую влияют на нашу жизнь вопреки нашей воле. Мы не можем воспользоваться теми ресурсами и возможностями, о которых не имеем ясного представления, даже если они у нас есть. Мы не можем свободно выбирать, стоит ли удовлетворять потребность, о которой не подозреваем. Но если такая неосознанная потребность или желание существует, то она начинает самореализовываться, влияя неявным для нас образом на наше поведение. Иными словами, человек не имеет возможности выбора по отношению к неосознанной части своей личности. *И чем больше эта часть, тем менее человек свободен в принятии решения, в выборе жизненного пути.* Именно в темных закоулках души человека гнездятся порой драконы. И эти драконы, о присутствии которых он не подозревает, временами прорываются наружу и овладевают человеком, превращая его в чудовище. В этих же закоулках скрываются и проклятия, программирующие человека на поведение, делающее его несчастным. В свое время К.Г. Юнг предложил прекрасную, на мой взгляд, модель, иллюстрирующую сознательное и бессознательное. Он представил человеческую душу в виде шара, плывущего в космической темноте. На поверхности шара горит фонарь. Пространство, освещенное им, и то, что в этом пространстве находится, — и есть светлое или ясное поле сознания. То же, что погружено во мрак, является подсознанием. Образ шара не случаен. Каким бы ярким ни был фонарь, всегда останется темная область на противоположной стороне шара. Каким бы совершенным, духовно и психически здоровым ни был человек, что-то внутри себя он все равно не будет осознавать. Но чем ярче горит свет в душе человека, тем полнее он может использовать ресурсы своей личности, а, следовательно, тем полнее реализовывать себя в жизни. Чем ярче этот поистине фаросский свет, тем шире свобода выбора человека, тем в большей степени он обладает свободой воли — пожалуй, главным качеством, отличающим его от животных.

Еще одно понятие, без которого не обойтись, — это идентичность. Ведущий авторитет в данной области Э. Эриксон характеризовал ее как “*субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности*”³, переживаемое личностью. Это нечто, что соединяет прошлое и будущее, воспоминания и мечты, внутренний и внешний мир отдельного человека в единую вселенную. Причем каждый элемент этой вселенной, будучи частью единого целого, сохраняет свою уникальность и неповторимость. Родоначальниками современного понимания идентичности Эриксон считает “двух бородатых патриархов” — У. Джеймса и З. Фрейда. Не оспаривая данное утверждение, я позволю себе привести в дополнение к определению Э. Эриксона цитату из труда о. Павла Флоренского, посвященного истории философии и, в частности, соотношению единичного и общего:

“Слезы и улыбки, радость и горе, грехи и подвиги отдельного человека не “похожи” друг на друга и не объединяются ни в каком “вообще”; но они не суть простое неупорядоченное, необъединенное, некоординированное множество, а суть именно энергии одного лица, суть едино в лице, и в них, в этих многовидных энергиях, познается... единая духовная мощь лица”⁴.

Осознание личностью всех собственных многообразных проявлений как действия единого центра, “единой духовной мощи”, о которой говорит о. Павел, своей, если угодно, “самости” я бы и назвал ощущением идентичности.

Уф! Кажется, с основами психоанализа покончено. Надеюсь, я вас не слишком утомил. Теперь еще чуточку терпения. Надо сказать пару слов о ролях и сценариях.

Разновидностей ролей в жизни существует великое множество. В книге речь идет главным образом о ролях психологических. Под ними понимается то актуальное состояние души, в котором пребывает человек в конкретный момент своей жизни или которое чаще всего проявляется в отношениях с конкретным человеком. Психологическая роль может соответствовать или не соответствовать требованиям реальной ситуации. Иными словами, психологическое состояние, а, следовательно, реакции и поведение человека могут быть адекватны или неадекватны тому, что происходит на самом деле. Поясню на примере. Скажем, руководитель, проводящий совещание сотрудников (социальная ситуация “начальник —

подчиненный”), может выступать как заботливый или же строгий и требовательный отец семейства, как деловой и объективный взрослый человек или как, скажем, капризный ребенок. Все это роли психологические, отражающие его актуальное состояние. Я не случайно упомянул, что в одной и той же ситуации человек может вести себя как родитель, как взрослый или как ребенок. Вообще-то разновидностей психологических ролей тоже существует великое множество (например, упомянутые выше насильник, спаситель, жертва). И столь же много их классификаций. Но для простоты изложения в дальнейшем — за исключением случаев, оговоренных особо, — я буду придерживаться модели, предложенной Эриком Берном.

Он говорил о том, что в душе каждого человека живут как бы три субличности: родитель, взрослый и ребенок (дитя). Отсюда название: РВД-модель. В каждый момент своей жизни индивид пребывает в одном из этих состояний “Я” — эго-состояний. И тогда он чувствует, мыслит и действует в рамках преобладающего эго-состояния. Функциональное содержание этих состояний может быть описано следующим образом.

Р (“Родитель”) — источник социально-нормативной информации, содействующей преемственности поколений. Это состояние “Я” включает в себя социальные установки и стереотипы поведения, усвоенные из внешних источников, преимущественно от родителей и других авторитетных лиц. Это могут быть:

- а) совокупность полезных, проверенных временем правил и руководств;
- б) определенный набор предрассудков и предубеждений.

В процессе общения Р-позиция обычно проявляется в критичном, оценочном поведении по отношению к другим, в менторских, “отеческих” высказываниях и замечаниях, а также в оказании покровительства, защиты, в протекционизме.

В (“Взрослый”) — основа реалистического поведения. Ориентированное на сбор и анализ объективной информации, это состояние организовано, активно, разумно, адаптивно и характеризуется действиями на основе хладнокровной оценки ситуации и бесстрастных рассуждений.

Д (“Дитя”) — эмоционально-непосредственное начало в человеке. Оно включает в себя все импульсы, естественно присущие ребенку (изобретательность, любознательность и доверчивость, но также капризность, обидчивость и др.). Д-позиция включает укоренившийся в структуре личности ранний детский опыт взаимодействия с окружающими, способы реагирования и установки, принятые по отношению к себе и другим: “Я — хороший” или “Я — плохой”, “Другие — плохие” или “Другие — хорошие”. Внешне это состояние выражается в следующих формах:

- а) как детски непосредственное отношение к миру — творческая увлеченность, наивность гения;
- б) как архаичное детское поведение — упрямство, злость, обидчивость, легкомыслие.

Э. Берн ввел также понятие “жизненного сценария”. Согласно его подходу, драма жизни начинается с момента рождения человека. Сценарий записывается в эго-состояние Ребенка через общение между родителями и ребенком. По мере роста дети приучаются играть различные роли и неосознанно ищут тех, кто играет дополнительные роли. Когда они становятся взрослыми, то исполняют свои сценарии в контексте того социального окружения, в котором живут. Сценарии могут быть конструктивными, деструктивными или непродуктивными, то есть никуда не ведущими. Семейный сценарий содержит установленные традиции и ожидания для каждого члена семьи, которые успешно передаются из поколения в поколение.

Помимо личных сценариев, которые формируются в детстве в результате непосредственного влияния членов семьи, Э. Берн отдельно выделяет понятие “эписценария” для описания сценариев, которые передаются в оформленном виде из поколения в поколение, “как горячая картофелина”. Как правило, это и есть то самое “семейное проклятие”, и если ничего не предпринять, оно может воспроизводиться снова и снова. Дальше мы увидим, как и почему это происходит.

На этом мне хочется закончить с теорией и вернуться к предмету нашего разговора — к жизни человека в семье. Но прежде чем в семье родится первый ребенок, должна родиться сама семья. Итак, с чего же все начинается?

Глава 1
ВЕЛИКИЕ СУМАСШЕДШИЕ
Крымская прелюдия,
или Один день из жизни отдыхающих

Все началось как обычно. В августе 1999-го я отдыхал в Бательмане, в Крыму. Я не оригинален: мне нравятся море, солнце, красивые пейзажи, хорошие вина и вкусные блюда. Кроме того, мне нравятся женщины со светлыми волосами — здесь я тоже не оригинален. В тот август все на побережье отвечало моим неоригинальным вкусам: по утрам солнце заливало расплавленным золотом водную гладь, вечером окрашивало вершины гор в цвета мечты. В ресторанчике прямо на берегу до утра разливали вполне приличную “Массандру” и изумительно готовили свежую рыбу.

Утром на пляже, а вечером в этом замечательном заведении собирались очаровательные дамы. Среди них встречались блондинки. Чего еще желать? Мне было хорошо.

Однако ко всему, в том числе и к хорошему, в конце концов привыкаешь. После двух недель отдыха меня всегда начинает сначала почти незаметно, а затем все сильнее и сильнее тянуть домой и — о ужас! — даже на работу. Подозреваю, что в этом я тоже не оригинален. И вот когда до отъезда оставалось дня три и тяга к родному очагу и групповой психотерапии приобрела выраженный характер, я увидел ЕЕ!

Болтаясь на надувном матрасе метрах в пятидесяти от берега с закрытыми глазами, я решал сложную задачу: как скоротать время, оставшееся до отправления поезда “Севастополь — Москва”. Удовлетворительное решение не находилось. Вспомнив золотое правило, часто выручающее в трудных ситуациях: “Неважно, что мы будем делать завтра, важно, что мы будем делать прямо сейчас!” — я, было, уже развернулся к берегу, чтобы отправиться спать до обеда...

Набежавшая волна швырнула мне в лицо пригоршню соленых брызг. Я протер глаза и увидел плывущую навстречу незнакомую блондинку. Сам не знаю почему, поравнявшись с ней, я спросил какую-то дежурную глупость. Что-то вроде: “Девушка, не Вы ли одолжили мне вчера в душе шампунь?” Блондинка широко распахнула огромные голубые глаза и... И тут я увидел, что в глазах этих утонуть куда легче, чем в Черном море и даже в Тихом океане, что блондинкой ее сделала природа, а не парикмахерская, что у нее изумительный овал лица, а фигура могла бы вдохновить Родена на создание скульптуры юной весны. Передо мной была если не сама Афродита, только что родившаяся из морской пены, то ее первородная дочь.

Из моей головы моментально исчезло все связанное с отъездом домой, работой и прочей чепухой. Неземная красота морской царевны заслонила весь остальной мир.

Блондинка широко распахнула огромные голубые глаза и... видимо, тоже увидела что-то не совсем обычное. В общем, мы отправились осматривать подводный грот...

Наверное, каждому хотя бы раз в жизни приходилось испытывать самому или наблюдать со стороны нечто подобное. Когда по каким-то необъяснимым причинам, пусть на самом деле красивая и очаровательная женщина (а должен заметить, что Вера — так зовут блондинку моего романа — объективно очень красивая девушка и замечательный, легкий человек), но все же одна из многих, становится для мужчины Богиней, достойной поклонения, и когда по тем же или несколько иным, необъяснимым причинам пусть на самом деле интересный (между прочим, я за метр девяносто ростом, знаю массу забавных пустяков и немного разбираюсь в кое-каких серьезных вопросах), но опять-таки один из многих, не менее достойных, мужчина становится для женщины героем, заслуживающим особого внимания, — законченные романтики назовут это чудом. Полные прагматики — больной фантазией. Но реальность явления не смогут отрицать ни те, ни другие. Оно внезапно и непредсказуемо. Поэтому не всегда и не всюду герои и богини находят друг друга.

Если в обратившемся к ней мужчине женщина ни сознательно, ни на уровне подсознания не видит ничего похожего на своего героя, то на вопрос: “Не Вы ли одолжили мне шампунь?” она, скорее всего, просто ответит: “Нет, не я” — и поплывет дальше.

Если в плывущей навстречу женщине мужчина не находит ничего, что напоминало бы его богиню, он, возможно, скажет что-то умное или отметит про себя ее хорошую фигуру, но вряд ли обратится к ней с идиотским вопросом.

В случае же, когда герой и богиня узнают друг друга (сначала, как правило, на уровне смутного, почти неосознанного ощущения), они, скорее всего, отправятся в совместное плавание на поиски достопримечательностей и приключений. В ходе этого путешествия первое впечатление либо получает все новые и новые подтверждения и перерастает в уверенность, либо наступает разочарование у одного из партнеров или же у обоих.

Если мужчина и женщина более-менее синхронно обрели уверенность, что она действительно богиня, а он — истинный герой, они могут принять решение продолжить совместное плавание уже по морю житейскому. В этом случае дело кончается тем самым свадебным пиром, о котором пишут в сказках. Но точнее было бы сказать, что пиром дело только начинается.

***Мифы и реальность,
или Какое отношение имеет поэзия
“медового месяца” к прозе семейной жизни***

Далее следует “медовый месяц”. Я не думаю, что по срокам понятие это следует воспринимать буквально. Мне кажется, что медовый месяц продолжается до тех пор, пока каждый из молодоженов продолжает пребывать в уверенности, что его партнер — воплощенное совершенство. Это специфическое состояние души и непосредственно связанный с ним период семейной жизни в западной психологии нередко называют “crazy” — помешательство. Оно по-своему очень точное: представления об избраннике или избраннице у индивида, пребывающего в таком состоянии, действительно сильно идеализированы, искажены и зачастую имеют мало общего с реальным человеком. Такая искаженность образа проявляется в отношениях, действиях и поступках, часто не адекватных реальности. Состояние это есть крайнее проявление того, что И.А. Ильин очень точно называл “любовью инстинкта”. По его определению, “...любовь инстинкта ищет того, что данному человеку субъективно нравится, с тем чтобы потом слепо идеализировать это нравящееся и без всякого основания приписывать ему в воображении все возможные совершенства... Формула этой любви приблизительно такова: “Этот предмет мне нравится, значит, ему должно быть присуще всякое совершенство; мил — значит хорош; *по милу хорош...*”¹ “Само собой разумеется, — добавляет мыслитель, — что за этим ослеплением, за этой наивной идеализацией следует в большинстве случаев раннее или позднее разочарование”². И это неизбежно. Как бы глубоко ни погрузился человек в состояние влюбленности, в конце концов он замечает, что предмет его обожания и живущий рядом с ним подлинный супруг суть очень разные персонажи.

И первое их сравнение бывает, как правило, не в пользу реальной личности. Мужчина вдруг начинает замечать, что по утрам облик его сказочной принцессы не столь безусловно прекрасен, как в день их встречи. Что в критические дни у нее портится характер, что готовить любимое блюдо супруга для нее не самая большая радость в жизни, что дорогие подарки она, оказывается, любит получать не только в день помолвки и свадьбы, что партнеры мужа по преферансу не кажутся ей самыми желанными гостями в доме. Кроме того, совсем некстати выясняется, что мать принцессы — сушая ведьма, любимое занятие которой — совать свой нос в чужие дела.

В какой-то момент мужчина может почувствовать себя обманутым и преданным: он хотел видеть рядом с собой Прекрасную Даму, а она, словно по какому-то злему волшебству, обернулась вдруг заурядной мещанкой. Не слишком красивой, не особенно умной, слегка алчной и недостаточно любящей. Если мужчина в данной ситуации поведет себя чисто по-женски и вместо того, чтобы постараться проверить свои новые впечатления, оценить обстановку с учетом вновь открывшихся обстоятельств и понять, какие шаги следует предпринять, погрузится с головой в эмоции и начнет получать мазохистское удовольствие от осознания себя жертвой, то дело плохо. Место восторженного романтика в его душе немедленно займет озлобленный прагматик. Последний немедленно отбросит дурацкую романтическую мысль о злых чарах как причине метаморфоз, произошедших с принцессой, и придет к ясному логическому выводу о том, что никакой принцессы, как и волшебства, не было вообще. Любому взрослому человеку прекрасно известно, что ничего подобного на свете не бывает. Зато встречаются, и очень часто, искусные обманщицы, всеми правдами и неправдами старающиеся охмурить простодушных героев с презентабельной внешностью и хорошей зарплатой. Вывод ясен: продолжать отношения с подобной особой невозможно. И если уж не разводиться в одночасье, то можно хоть повнимательнее оглядеться вокруг. На работе столько молодых сотрудниц. Если не безусловно честных и порядочных, то уж по крайней мере по-настоящему красивых...

Женщина с течением времени тоже узнает кое-что новое о своем идеальном герое. Прежде всего она убеждается, что ничто человеческое даже герою не чуждо. В частности, герой может испытывать неуверенность, колебания и — о, ужас! — даже страх в самые жизненно важные моменты — например, когда нужно поставить перед шефом вопрос о прибавке к жалованию. Он забывает (если вообще считает нужным) мыть за собой чашку, оставляет пепельницу, полную окурков, не воспринимает всерьез ее подруг и не любит бывать в гостях у ее мамы. Наконец, эти зверюиды — его друзья с их гнусной привычкой каждую неделю (ладно

бы только под Новый год!) собираться в бане. В последний раз благоверный там так нагрузился, что улетел по пьяни в Питер вместо какого-то Павлика. А, может, и не по пьяни вовсе. Говорят, до свадьбы у него там была любовница.

Сделав все эти открытия, женщина, в свою очередь, начинает чувствовать себя преданной и обманутой. Герой без страха и упрёка оказался самым обыкновенным мужиком, который вряд ли мог бы послужить моделью для статуи юного Аполлона на римском форуме. Слегка неопрятным. Временами безалаберным и пошловатым. Недостаточно внимательным. Не способным полностью удовлетворить даже материальные запросы супруги. Не говоря уже о том, что вопреки заверениям и клятвам о “любимой” и “единственной” он каждую субботу предпочитает ей компанию собутыльников и банных шаек.

Если наша дама окажется не в состоянии на какое-то время абстрагироваться от чувства обиды и “праведного” гнева в адрес “обманщика” и взглянуть на положение вещей более-менее трезвым взглядом, то дело опять-таки плохо. Голова человека не может оставаться без работы, даже во время сна. Поэтому пока женщина полностью погружена в эмоции, ее мозги вместо осознания реальности и поиска адекватной реакции будут заниматься работой разрушительной. Например, без конца прокручивать воспоминания о том, как мама предупреждала, что прекрасные принцы и чистая любовь — это романтические бредни сопливых школьниц. Реальность же — это бесчестные проходимцы, шастающие по свету в поисках смазливых наивных девочек, обеспеченных жилплощадью. Вывод: никакой любви со стороны супруга не было с самого начала. Было притворство и обман. Продолжать прежние отношения с подобным типом просто унижительно. С разводом, наверное, стоит повременить, но имеет смысл оглянуться вокруг. Может быть, на горизонте и не видно настоящих принцев, но заметен кто-то более обеспеченный...

Так мало-помалу, по мере того как молодые узнают истинное лицо друг друга, семейная идиллия, освященная свадебным пиром, медленно, но верно перестает быть таковой. Если оба или хотя бы один из супругов твердо и безоговорочно занял позицию несчастной жертвы обмана и предательства, то идиллия превращается в ад.

Философия, найденная на помойке

Более того, очень часто бесконечное смакование темы обмана и предательства приводит людей к выработке особой жизненной философии. Помоечной философии. Я называю так философию, в буквальном смысле найденную на помойке. Изобрести ее очень просто — так же просто, как найти мусорный контейнер в большом городе. Такой контейнер можно обнаружить практически на каждом углу. Если немного порыться в мусорном баке, то очень легко набрать любое количество фактов, неопровержимо свидетельствующих: в этом мире помойка существует. В зависимости от индивидуальных предпочтений и вкусов исследователя содержимого контейнера факты эти могут иметь любой размер, цвет и запах. Такое богатство выбора нередко подталкивает любителя ковыряться в отбросах жизни к соблазнительному в своей простоте выводу — весь мир, в сущности, одна большая помойка. Применительно к конкретной ситуации, связанной с крушением идеального образа возлюбленной, помоечная концепция разочарованного мужчины сводится обычно к формуле: “Все женщины — стервы”. Чувствующая себя обманутой и преданной, представительница прекрасного пола может прийти к противоположной максиме: “Все мужчины — сволочи”.

Возможно, кому-то мои рассуждения о помоечной философии покажутся слишком прямолинейными и чересчур упрощенными. Поверьте, я был бы искренне рад согласиться со скептиками. Однако, если вы внимательно посмотрите вокруг, то скорее всего обнаружите, увы, немало людей, строящих свою жизнь в соответствии с подобными представлениями о мире. В этом, не побоюсь показаться патетичным, причина многих трагедий. Можно ли не то что бы жить счастливо, а хотя бы просто жить на помойке?

И все-таки люди живут, точнее сказать, существуют, исповедуя принципы: “Все женщины — стервы”, “Все мужчины — сволочи”, “Все продавцы — жулики”, “Нет в жизни счастья” и так далее. Этому же они учат своих детей. Кое-кто идет еще дальше и начинает проповедовать принципы помоечной философии с институтских кафедр и страниц популярных изданий...

Как я уже сказал, такой подход к жизни часто является крайним, наиболее чудовищным результатом завершения медового периода в жизни молодоженов при абсолютной фиксации супругов на обманутых ожиданиях, подлинных или мнимых разочарованиях.

Шанс

Если же супруги способны и хотят хотя бы на время отойти от такой позиции, у них появляется уникальный шанс идти дальше по жизни не с фантомом, порожденным собственной фантазией, а с живым человеком из плоти и крови. Этот шанс может так и остаться

неиспользованным, но он есть. И когда люди, расставшиеся со своими иллюзиями, принимают решение воспользоваться таким шансом (а это бывает очень непросто), они оказываются на пороге великих возможностей. В идеальном случае мужчина может увидеть, понять, почувствовать, что вместо достойной обожания и восхищения, но в чем-то неживой, если хотите, спящей принцессы, рядом с ним вдруг оказалась

Красивая и неброская,
Наивная и искушенная,
Близкая и недоступная,
Простая и хитроумная,
Издерганная и грустная,
Шальная и терпеливая,
Смешливая и серьезная,
Задорная и счастливая
ЖЕНЩИНА!

Она *живая* и, следовательно, в отличие от сказочной принцессы, несовершенна. Она *живая* и, следовательно, в отличие от сказочной принцессы, не может оставаться вечно молодой. Но именно потому, что она *живая*, с ней хорошо не только отдыхать и развлекаться. С ней хорошо не только на светских раутах и в постели. С ней хорошо ЖИТЬ!

В свою очередь, и женщина может вместо растаявшего, как чудесный сон, идеального героя обнаружить на его месте человека, который умеет доставлять радость, который дает ей возможность чувствовать себя женщиной. В отличие от идеального героя, он несовершенен и делает это не 24 часа в сутки. Но он умеет и хочет это делать именно *для нее* так часто, как может. Он несовершенен, и поэтому порой может быть вспыльчивым, занудным, усталым, неразговорчивым или, наоборот, неугомонным до надоедливости. Но он же умеет быть внимательным и уважительным к тому, что происходит *с ней*. В отличие от идеального героя, он *живой*, и поэтому способен разделить боль, поддержать, понять, простить. Он *живой*, и потому даже в лучшие свои минуты не является материализованным воплощением силы, находчивости, мужского обаяния, подобным Джеймсу Бонду. Но именно потому, что он *живой*, на него, в отличие от агента 007, можно положиться на протяжении не одной только ночи или одной серии, а на протяжении всей ЖИЗНИ!

Когда и если в жизни мужчины и женщины происходит нечто подобное, миру является великое чудо: любовь чувственная воссоединяется с любовью иного порядка. Я бы назвал ее Любовью зрячей, если хотите, духовной. Любовью с открытыми глазами. (В этом смысле любопытен тот факт, что очень часто влюбленные, пребывающие в состоянии “crazy”, целуясь, закрывают глаза.) Любовь же зрячая как бы говорит другому человеку: “Я люблю тебя не за то, что ты мне нравишься. Я люблю тебя за то, что ты такой, какой есть и никакой другой. Я люблю не только твои прекрасные глаза, но и твои шрамы и морщины”.

По И.А. Ильину, формула этой любви выглядит примерно так:

“...Этот предмет хорош (может быть, даже совершенен); он *на самом деле* хорош, не только для меня, но и для всех; он хорош — объективно он остался бы хорошим или совершенным и в том случае, если бы я его не увидел или не узнал, или не признал его качество; я слышу в нем дыхание и присутствие Божественного Начала — и потому я не могу не стремиться к нему; ему — моя любовь, моя радость, мое служение... Выражая это русской простонародной поговоркой, можно сказать: “Не по милу хорош, а по хорошу мил”³.

Другое определение совершенной любви как формы взаимоотношений между людьми принадлежит Э. Фромму:

“Есть лишь одна форма близости, которая не тормозит развития личности и не вызывает противоречий и потерь энергии, — это зрелая любовь; этим термином я обозначаю полную близость между двумя людьми, каждый из которых сохраняет полную независимость и в каком-то смысле отделенность. Любовь поистине не вызывает конфликтов и не приводит к потерям энергии, поскольку она сочетает две глубокие человеческие потребности: в близости и в независимости”⁴.

Семья, живущая зрячей любовью, имеет реальную возможность вписать в книгу жизни историю семьи счастливой. Это ни в коем случае не означает, что она не столкнется со всем тем, о чем пойдет речь в последующих главах.

Но каждый последующий кризис станет для нее не причиной краха, а возможностью открыть новые горизонты. Точно так, как это имело место в случае с “кризисом прозрения”.

Увы, далеко не все, если не сказать, очень немногие семьи переживают окончание медового месяца таким образом.

Как уже говорилось, медовый месяц завершается в момент прозрения даже одного из партнеров, вне зависимости от того, какую позицию займут и какое решение примут супруги. Вместе с ним завершается и большое количество браков, превратившихся в ад. Но многие такие браки по самым разным объективным и субъективным причинам сохраняются. В этом случае, если с течением времени ничего не меняется, они неизбежно превращаются в очередную историю о несчастливой семье со всеми ее атрибутами и персонажами.

О том, что состояние влюбленности является во многом самообманом и разрушение этого самообмана часто влечет за собой большие проблемы, человечество узнало не вчера. И в разных культурах издавна существовали различные методы, направленные на предупреждение или по крайней мере минимизацию вредных последствий самообмана влюбленных.

Так, в России, согласно православной традиции, издревле было принято получать на брак благословение духовника. Жених и невеста отправлялись либо к священнику, являвшемуся духовным отцом одного из них, либо к особо известному своим духовным авторитетом батюшке — например, к старцу. Именно духовник по церковным правилам давал, так сказать, “добро” на брак. Действие это — не просто дань традиции. В нем заложен глубокий сакральный и практический смысл. Ибо предполагается, что, давая благословение или отказывая в нем, духовник руководствуется не собственными знаниями или опытом, а волей Божьей, которая открывается ему как священнику и подвижнику во время молитвы. Всеведущий же Господь, естественно, может указать, способны ли будущие супруги любить друг друга такими, какие они есть на самом деле и, следовательно, может ли быть возможный брак счастливым, а значит, богоугодным по окончании медового месяца.

В более прагматичной и во многом отошедшей от традиций и норм изначального христианства Западной Европе и Америке широкое распространение получил так называемый брачный контракт. Являющийся продуктом переговоров юристов, представляющих потенциальных супругов, и регулирующий прежде всего имущественные и финансовые отношения в будущей семье, он, тем не менее, призван создать, так сказать, правовую базу функционирования семьи по завершении медового месяца.

Если бы люди всегда следовали этим или другим подобным правилам, то жизнь на планете Земля протекала бы несколько иначе. Если бы все влюбленные советовались со своими духовниками и неуклонно следовали их советам и если бы все юристы, ведущие переговоры об условиях брачных контрактов, честно стремились к достижению справедливого и взаимовыгодного соглашения, то многие известные литературные истории, скорее всего, остались бы вовсе не рассказанными либо претерпели бы кардинальные изменения. Более того, весьма вероятно, что в таком случае на свете было бы куда меньше разочарований и несчастливых семей. Следовательно, было бы меньше несчастливых детей, а это дорогого стоит. И все же...

Я ни в коем случае не призываю не ходить к духовникам и ничего не имею против заключения брачных контрактов. И все же мир влюбленных при всем его несовершенстве, зачастую приводящем к трагедиям, при всей его ослепленности, наивности, зыбкости, не нуждается, на мой взгляд, в изменениях. Без медового месяца блаженного ослепления из жизни мужчин и женщин, возможно, исчез бы риск отвержения, разочарования, крушения надежд. Но вместе с ними, весьма вероятно, исчезли бы красота и поэзия. Тот, кто никогда не бросается очертя голову со скалы в море, не тонет и не калечится. Но он и не летает...

Более того, в мире, отказывающем в праве на существование любви чувственной, ослепляющей, не найдется места и любви зрячей, любви Божественной. Ведь “духовная любовь совсем не исключает инстинктивную или чувственную любовь. Она не отрицает ее, а только прожигает ее Божиим лучом, очищает, освящает и облагораживает. Инстинкт, примирившийся с духом, участвующий в *его* видении и в *его* радовании, не перестает быть инстинктом и не отрекается от чувственной, плотской любви... Сила инстинкта и сила духа сочетаются, чтобы не разлучаться; и тогда чувственная любовь становится верным и точным знаком духовной близости и духовной любви. “Мил” и “хорош” соединяются: и инстинкт получает полную свободу считать свое субъективное “нравится” духовно неосшибочным. “Небо” как бы сходит “на землю”; или, вернее, дух является в инстинкте, и акт инстинкта становится духовным событием...”⁵.

Слава Богу, что в жизни мужчины и женщины бывает “медовый период”! Слава Богу, что он рано или поздно заканчивается!

Глава 2 ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА. КРИЗИСЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Что об этом думают семейные терапевты

Мы рассмотрели то, как начинается семья и как влияет на нее первый кризис — кризис прозрения. Как уже было сказано, многие молодые семьи не сохраняются дольше, чем длится “медовый период”, и с его окончанием заканчивается история жизни такой семьи. Другие семьи, преодолев первое серьезное испытание, переходят на качественно новый уровень взаимоотношений между супругами. Третьи останавливаются на некотором компромиссном варианте — сохраняют брак, но при этом остаются и неизжитые проблемы, связанные с крушением идеального образа возлюбленного. Такие семьи несут в себе зародыш несчастливой жизни и большую вероятность полного крушения брака в будущем (вне зависимости от того, состоится ли формальный развод).

Однако на жизненном пути *каждую* семью, в том числе и ту, в которой супруги любят друг друга за то, что “по хорошу мил, а не по милу хорош”, поджидают и другие испытания. Семейные психологи и психотерапевты, в зависимости от своего подхода, говорят о разном количестве семейных кризисов. Скажем, Вирджиния Сатир выделяет десять таких критических точек.

1 Первый кризис: зачатие, беременность и рождение ребенка.

1 Второй кризис: начало освоения ребенком человеческой речи.

1 Третий кризис: ребенок налаживает отношения с внешней средой (идет в детский сад или в школу).

1 Четвертый кризис: ребенок вступает в подростковый возраст.

1 Пятый кризис: ребенок становится взрослым и покидает дом.

1 Шестой кризис: молодые люди женятся, и в семью входят невестки и зятья.

1 Седьмой кризис: наступление климакса в жизни женщины.

1 Восьмой кризис: уменьшение сексуальной активности у мужчин.

1 Девятый кризис: родители становятся бабушками и дедушками.

1 Десятый кризис: умирает один из супругов.

Другой американский семейный психотерапевт, Ричард Б. Остин, выделяет пять стадий семейной жизни:

1 Первая стадия — влюбленность.

1 Вторая стадия — принятие ответственности и заключение контракта.

1 Третья стадия — появление детей и проблемы карьеры.

1 Четвертая стадия — дети оставляют родительский дом.

1 Пятая стадия — старение.

Каждая из этих стадий заключает в себе специфические проблемы, которые могут стать причиной семейного кризиса.

Я не случайно предлагаю именно эти две классификации. Во-первых, они принадлежат замечательным мастерам семейной терапии с огромным практическим опытом. Вирджиния Сатир в представлении не нуждается. Сотни семей не только в США, но и во всем мире смогли изменить свою несчастливую жизнь благодаря этой удивительной женщине. Доктор Остин не так известен в нашей стране. Тем не менее он неподражаемо работает с проблемами семьи и мужеско-женских отношений вообще. Говорю об этом со всей ответственностью, поскольку он был одним из моих учителей.

Во-вторых, обе классификации хороши по-своему. Предлагаю посмотреть на наиболее типичные подводные камни реки семейной жизни через призму классификации Ричарда Остина. В дальнейшем, когда речь пойдет о формировании человеческой личности в семье, мы обратимся по мере надобности и к Вирджинии Сатир.

Принятие ответственности

Итак, первую стадию по Остину — стадию влюбленности, связанные с ней проблемы и завершающий ее кризис мы рассмотрели в предыдущей главе. Далее следует стадия принятия ответственности и заключение контракта (не путать с брачным контрактом!). Многих, наверное, слегка шокирует слово “контракт” применительно к семейным отношениям. Мне оно тоже не особенно нравится. Тем не менее “из песни слова не выкинешь”. Даже когда у людей открылись глаза и они начинают любить друг друга зрячей любовью, остается еще очень много нерешенных вопросов личностного, материального и бытового порядка. Каждый супруг должен принять на себя свою долю ответственности за их разрешение. Если этого не происходит, то проблемы остаются нерешенными и начинают медленно (а иногда и быстро), но верно отравлять жизнь. Даже такая мелочь, как не вымытая вовремя тарелка или не выброшенная

пепельница, могут порой произвести эффект внезапно разорвавшейся бомбы. А ведь если каждый из супругов будет пребывать в убеждении, что тарелка — это ответственность другого, то она, скорее всего, останется невымытой. Вы скажете, что пример надуманный? Вспомните: когда в вашей семье последний раз возникал конфликт по такому или иному, столь же “значительному” поводу? Если вы затрудняетесь припомнить нечто подобное, примите мои искренние поздравления: похоже, в вашей семье, по крайней мере на сегодняшний день, все более-менее в порядке.

Поверьте, я не шучу и не ерничаю. Серьезные конфликты, скрывающиеся до поры “под ковром”, так сказать, в семейном бессознательном, чаще всего прорываются наружу именно в мелочах. По той простой причине, что мелочам уделяют меньше всего внимания. Их не контролируют именно потому, что они мелочи. Хотя, казалось бы, очевидно: если мы не можем договориться в мелочах, как мы договоримся по крупным вопросам?

Вот, например, один из них, всегда стоящий перед семьей на стадии принятия ответственности: кто должен обеспечивать материальное благополучие семьи? Станный вопрос, скажете вы: конечно же, мужчина! Исходя из культурных и исторических стереотипов, такой ответ действительно подразумевается. Но мне в психотерапевтической практике приходилось встречать женщин, полностью обеспечиваемых мужьями и чувствующими при этом дискомфорт и недовольство. Получая от своих супругов крупные суммы в безотчетное распоряжение, они чувствовали себя зависимыми. Результат такой зависимости — до поры, до времени подавляемое чувство раздражения и протеста против мужа. Такое раздражение очень понятно. Ведь в каком-то смысле эти женщины оказались, по существу, в положении содержанки. Думаю, вы согласитесь, что далеко не каждая женщина согласна быть содержанкой даже у богатого, обаятельного и доброго мужчины. В какой-то момент накапливающееся (порой годами) раздражение прорывается наружу. У ничего не подозревающего супруга этот бунт вызывает вполне очевидное недоумение, обиду и возмущение: “Я работаю с утра до ночи, чтобы удовлетворить все ее мыслимые и немыслимые запросы. Какого черта ей еще нужно?”. Как видим, даже очевидные ответы на жизненно важные вопросы бывают не столь очевидны.

Упаси Бог, я не призываю к тому, чтобы женщина взяла на себя в семье роль добытчицы, а мужчина стирал пеленки и нянчил детей. В душе я жуткий консерватор и терпеть не могу писательницу Машу Арбатову и ей подобных. Но вопрос о вкладе супругов в материальное обеспечение семьи, безусловно, требует разделения ответственности не в соотношении 100 к 0, а в каком-то другом.

Поэтому нужен контракт, а лучше сказать, договор. Заключению договора предшествуют переговоры. Чтобы они были эффективными, прямыми и честными, их участникам необходима максимально полная информация о намерениях, возможностях и потребностях друг друга. Люди, освободившиеся от фантазий медового периода совместной жизни, как бы заново встречаются друг с другом. Надо познакомиться поближе. Человек, который любит другого с открытыми глазами и имеет честные намерения, не обязан и не может постоянно угадывать желания своего партнера. Угадывать желания — работа брачного афериста. Самый простой способ узнать о другом человеке то, что тебе неизвестно или в чем ты сомневаешься, — спросить его об этом. И если стороны, ведущие переговоры о коммерческой сделке, имеют право не предоставлять полную информацию друг другу, то в семейных переговорах желателен прямой и ясный ответ на вопрос, даже если он почему-то неудобен или неприятен для одного из супругов.

Выше я уже упомянул о семейном бессознательном. Это не просто метафора. Ведь семья — живой организм. Она рождается, живет, умирает. Это организм одушевленный, он имеет *живую душу*. И точно так же, как в человеческой душе, в ней горит некий фонарь, освещающий какую-то часть того, что в этой душе есть, — и хорошего, и не очень, и, может быть, совсем плохого. Но если это плохое высвечено, извлечено из тьмы, то с ним можно что-то делать. Его можно изменять, приспосабливать к какой-то полезной работе, с ним можно, в конце концов, бороться. Во всяком случае, оно попадает под контроль семейного разума и уже не может самовластно контролировать жизнь семьи, отравлять ее.

Стало быть, все, что сказано в первой главе о светлом и темном поле в душе человека, во многом применимо и к душе семейной. Чем ярче светит фонарь, тем лучше. Способ усилить его свет — задавать вопросы, отвечать на них и внимательно эти ответы слушать.

После того как все (на момент заключения договора) неясности прояснены и недоговоренности проговорены, супруги могут *осознанно* решить, какую степень ответственности по тому или иному вопросу каждый из них готов взять на себя. Количество таких вопросов и их содержание в каждой семье может быть разным. Но есть некоторые

вопросы, встающие перед каждой молодой семьей. Мы уже рассмотрели один из них — о наполнении семейного бюджета. Другой, не менее важный и тесно с ним связанный — в какой пропорции делится право и ответственность этим бюджетом распоряжаться. Во многом это вопрос о власти. Если в нем нет полной ясности, разрушительных землетрясений в семейном мире не избежать. Другой очень серьезный аспект вопроса о власти — в каких сферах семейной жизни (когда в результате обсуждения не удалось достичь соглашения) решающим будет мнение мужа, а в каких — жены. Может быть, разумно, если при покупке автомобиля окончательное решение останется за мужчиной, а при выборе обстановки для спальни — за женщиной? Хотя вполне допускаю, что некоторые пары придут к прямо противоположному выводу. Весьма желательно, на мой взгляд, достичь ясного соглашения по вопросам о том, как часто супруги собираются навещать родителей, должны ли они проводить все выходные и праздничные дни вместе, как часто они готовы принимать гостей, есть ли у них потребность проводить какое-то время с друзьями отдельно друг от друга. Это список вы можете продолжить сами. И не забудьте про посуду!

Рождение ребенка

Вернемся к доктору Остину. Третья стадия жизни семьи согласно его классификации — рождение детей и связанные с ним проблемы карьеры. Собственно о детях, их воспитании и жизни в семье нам еще предстоит большой разговор. Здесь же отмечу, что с появлением первого ребенка мы, рассматривая семью, имеем дело уже с принципиально новым организмом. Некоторые психологи считают, что только с рождением ребенка можно говорить о семье в полном смысле этого слова.

В христианской традиции деторождение на протяжении веков считалось высшим предназначением семьи.

Это действительно большое счастье. Я помню, как один зарубежный коллега, работая с семейной парой, чувствующей себя глубоко несчастной из-за того, что их ребенок родился с физическим недостатком, просто рассказал о сотнях семей в богатой и благополучной Америке, готовых отдать все на свете ради того, чтобы Бог послал им *любого* ребенка.

Вместе с тем, как это ни банально, появление детей в семье — еще и большая дополнительная ответственность. Это совершенно новая жизненная ситуация, требующая нового взгляда на семью и семейные проблемы.

Все, о чем шла речь выше, относится, в сущности, к мужеско-женским отношениям. Теперь на них накладываются отношения родителей и детей. Но дело не только в этом. Ребенок уже в момент своего появления на свет является в полном смысле этого слова человеком. Да, беспомощным, да, целиком зависимым от родителей, но человеком. Таким образом, в жизнь двоих входит третий. А это по определению непросто и чревато кризисом, даже если ребенок любим и желанен. Ведь превращение диады в триаду неизбежно влечет за собой не только изменение привычного жизненного уклада, но и перестройку очень многих сложившихся отношений.

С появлением ребенка женщина просто физически не сможет уделять мужчине внимание в том объеме, в каком тот получал его раньше. Семье, скорее всего, придется на какое-то время отказаться от ставших привычными способов проведения досуга и развлечений. Неизбежно перераспределение ответственности между супругами.

Что бы там ни говорили поклонники эмансипации, мир сотворен таким образом, что большая часть забот, непосредственно связанных с рождением и первыми годами жизни ребенка, ложится на плечи матери. Даже если мужчина присутствует при родах, рождает все равно женщина. Она же кормит, согревает, баюкает.

Поэтому мужчина должен принять на себя какую-то часть работы по обеспечению жизни семьи, относившуюся к сфере ответственности его супруги в то время, когда их было двое.

Еще одна преимущественно женская проблема, связанная с деторождением, — проблема карьеры. Даже если ребенок рожден в наиболее подходящий с этой точки зрения момент, даже если ради него не пришлось жертвовать образованием, диссертацией, назначением на интересную и многообещающую должность, все равно на какое-то время женщина оказывается выключенной из профессиональной и частично из социальной жизни. Волей-неволей сужается круг ее общения. Даже если это осознается и принимается женщиной, на подсознательном уровне все равно остается для нее потенциальным источником стресса. Отсюда могут возникать неадекватные реакции, повышенная раздражительность, направленная на супруга. От мужчины, который теперь не только муж, но и отец, в этот период жизни, как, пожалуй, ни в какой другой, требуется *внимание и понимание*.

Еще один аспект, который очень часто бывает связан с влиянием деторождения на женскую карьеру, — это дедушки и бабушки. Дедушки и бабушки бывают, конечно, разные, но большинство из них ждут — не дождутся рождения внуков, безумно радуются их появлению на свет и наперебой предлагают свои услуги по уходу и присмотру за ними (во всяком случае бабушки). Воспользоваться их услугами — большой соблазн, особенно для молодых супругов.

Однако нужно иметь в виду, что большинство бабушек и некоторые дедушки в качестве платы за свои услуги претендуют на право быть верховными арбитрами в том, как воспитывать внуков, чему и как их учить, чем кормить и во сколько укладывать спать. Когда такое происходит и родители ребенка с этим гласно или негласно соглашаются, то можно не сомневаться: очередная мина под семейное благополучие успешно подведена. Она рванет, возможно, не сегодня, а через пару лет. А, может быть, через пять, но рванет обязательно.

Я не предлагаю внести в Государственную Думу законопроект, запрещающий бабушкам и дедушкам видеться со своими внуками, любить их и заботиться о них. Я только хочу еще раз подчеркнуть, что ребенок — неотъемлемая часть той и только той семьи (в узком смысле этого слова), в которой он рожден. Он ее радость, ее гордость, ее счастье и ее ответственность. И если по каким-то объективным или субъективным причинам ребенок окажется вырван из нее — физически или психологически — раньше, чем это определено логикой жизни, то это даже не ампутация, а несчастный случай. Семейный организм становится калеккой, а порой и просто не выживает.

Дети покидают родительский дом.

Кризис взросления

Следующая стадия жизни семьи связана со взрослением детей и началом их самостоятельной жизни вне родительского дома. Как протекает процесс роста и взросления, мы увидим далее во всех подробностях. Сейчас же остановимся на специфических проблемах, возникающих во многих семьях, когда ребенок вырастает и начинает самостоятельную жизнь.

Взрослые, духовно и психологически зрелые люди, какими, по идее, являются мужчина и женщина, создавшие семью и родившие ребенка, отдают себе отчет в том, что весь смысл жизни ребенка в родительской семье заключается в подготовке его к жизни взрослой. Жизни свободного и независимого человека, который самостоятельно строит свое будущее. И отделение или, как говорят психологи, сепарация его от родителей есть закономерный итог процесса взросления. Это как бы сигнал родителям о том, что их миссия выполнена.

Однако даже по-настоящему зрелые люди, отпуская дочерей и сыновей в мир взрослых, нередко испытывают тревогу за то, как сложится их жизнь, насколько успешно они справятся с задачами и трудностями, с которыми неизбежно столкнутся. Но зрелые люди доверяют своим детям. Они верят, что те готовы и могут успешно пройти свой жизненный путь даже в дремучем лесу кошмарной российской действительности. Они знают также, что всегда могут прийти на помощь сыну или дочери, когда те их об этом попросят, и сделать то, что в их силах и возможностях.

В отличие от таких людей очень многие родители по тем или иным причинам не могут обрести доверие к собственным детям. Они не в силах признать тот факт, что в определенный момент перед ними уже не мальчик, но мужчина, не девочка, а взрослая девушка. Для таких родителей момент, когда дети покидают их дом, может стать настоящим кошмаром. Причем этот кошмар преследует их с момента рождения ребенка. Самая распространенная вариация на тему такого кошмара, высказываемая, в отличие от многих других, вслух — страх перед армией.

Практически от всех моих знакомых женщин, являющихся счастливыми мамами мальчиков, неоднократно приходилось слышать что-то вроде: “Я с ужасом жду, когда ему исполнится восемнадцать. Не дай Бог, заберут в армию”. И это при том, что ребенку едва исполнилось десять, а то и шесть лет.

Я категорически отрицательно отношусь к современной российской армии. К тому, что в ней происходит. К тем, кто ею командует. И прямо говорю: если бы сегодня у меня был восемнадцатилетний сын, я бы сделал все возможное, чтобы его от этой армии “отмазать”.

Но вчитайтесь еще раз внимательно в приведенную выше очень типичную фразу. Армия армией, а мама-то с ужасом ждет, когда сыну исполнится восемнадцать. *Она боится, что мальчик станет взрослым.*

Я хочу обратиться ко всем мамам, у которых растут мальчики и которые не хотят, чтобы их сыновья служили в нынешней российской армии. Спросите себя, почему на *самом деле* вы этого не хотите? Потому что там отвратительно кормят? Потому что там скотские, во многом напоминающие зону, условия жизни? Потому, наконец, что это два драгоценных года жизни, угробленных неизвестно за что и ради чего? Только ли поэтому? А может быть, потому, что вы считаете своего мальчика слишком хрупким и слабым для того, чтобы справляться с

трудностями? Тогда вы оказываете ему дурную услугу: трудности подстерегают людей не только в армии. Ими полна жизнь человека.

Спросите себя: чего вы на *самом деле* боитесь? Того, что риск погибнуть или остаться калекой в физическом и/или психическом смысле в сегодняшней российской армии объективно очень велик? А может, причина вашего страха в том, что вы считаете своего сына не способным защитить себя и выжить, а значит, победить в экстремальной ситуации? Если это так, вы оказываете ему еще одну дурную услугу. Жизнь полна экстремальных ситуаций. И сталкиваются с ними люди не только в темных подворотнях, облюбованных наркоманами, но и в благообразной тиши банковских контор.

Постарайтесь быть до конца честными, отвечая на мои вопросы. И может быть, вы найдете повод задуматься.

Ведь подлинный кошмар жизни заключается в том, что, не замечая мужчину в уже бородатом и имеющем собственных детей мужике, а в замужней женщине — взрослого человека, родители, всю жизнь со страхом ждущие совершеннолетия своих детей, по существу, бывают правы.

Ведь, страстно желая, чтобы дети как можно дольше оставались под их опекой, они подсознательно, а иногда и осознанно делают все возможное, чтобы ребенок всю свою жизнь в психологическом и духовном плане оставался ребенком. Причем ребенком, зависимым от них. В результате этих усилий в жизнь вступают слабые, инфантильные мужчины и духовно и личностно незрелые, не способные на серьезные отношения женщины. Даже физически покидая свою родительскую семью, они в психологическом смысле продолжают оставаться ее составной частью.

Если, говоря о семье, по каким-то причинам полностью или частично утратившей связь с ребенком в раннем возрасте, я уподобил ее организму, перенесшему тяжелую, возможно, не совместимую с жизнью травму, то семью, в которой не произошла сепарация взрослых детей от родителей, я бы сравнил с уродливым мутантом — результатом опытов какого-то бездарного мичуринца.

Поэтому задача супругов не только подготовить детей к уходу из семьи, но и принять эту ситуацию, даже если она переживается как потеря. Это отнюдь не конец жизни, это ее продолжение.

Старение и смерть

И все-таки земная жизнь человека конечна. А следовательно, конечна и жизнь семьи. В какой-то момент супруги и их семейная история вступают в закатную пору. Последнюю стадию семейной жизни Ричард Остин так и обозначил: старение.

Если семья более или менее успешно преодолела все кризисы, о которых говорилось выше, и достигла этого периода, уже можно говорить о том, что брак состоялся. Однако супругам предстоят последние нелегкие испытания в их совместном путешествии по реке жизни. Люди не так уж часто разводятся, прожив друг с другом не один десяток лет, вырастив детей и дождавшись внуков. Но даже после “серебряной свадьбы”, не говоря уже о “золотой”, в супружеских отношениях случаются разочарования, кризисы и конфликты.

Начну с простого и очевидного. В какой-то момент наступает физиологическое угасание супругов. В результате из их жизни уходит счастье чувственной любви, уходит та радость, которую они дарили друг другу. Если они не любили друг друга любовью духовной, любовью с открытыми глазами, с которой начинается счастливая семья, то у них возникают большие проблемы.

Впрочем, простите, я погорячился. Если семья просуществовала без такой любви до сих пор и не распалась на более ранних этапах, то ничего принципиально нового не произойдет. Эта семья, скорее всего, уже давно несчастна, и в ее истории, по всей вероятности, было немало реальных и потенциальных любовных треугольников. Супруги просто получают дополнительные аргументы для продолжения своих игр, вот и все.

Более серьезно складывается ситуация для супругов, любящих друг друга по принципу “по хорошу мил”. С одной стороны, любовь зрячая, духовная, на которой строится их совместная жизнь, есть надежный залог того, что они успешно справятся и с этой трудностью, даже если один из них заметно моложе другого. В то же время ситуация объективно сложная для обоих. И опять-таки требует взаимных усилий, повышенного внимания и понимания по отношению друг к другу. Но все же их шансы не просто сохранить брак, а продолжать оставаться счастливыми, очень велики. Ведь помимо соединяющей силы любви на помощь придет накопленный за годы жизни опыт совместного решения “неразрешимых” проблем.

Это что касается физиологии. Теперь перейдем к более тонким материям. Наверное, всем живым людям присущ страх смерти. Понятно, что на закате жизни он обостряется. А

люди, живущие под бременем страха, не могут быть счастливы по определению. В крайних случаях такой страх может превратиться в кошмарное ожидание чего-то неотвратимого и ужасного.

Нередко он усугубляется “синдромом пенсионного возраста” — ощущением своей социальной ненужности. Это особенно актуально для нашей действительности, в которой “забота” о пенсионерах стала притчей во языцех.

Кроме того, у пожилых людей начинает сужаться круг общения. Постепенно начинают уходить из жизни старые друзья и знакомые... Может быть, по вполне объективным причинам реже становятся встречи с детьми...

Создатель групповой психотерапии и психодрамы Джейкоб Морено ввел в психотерапевтический обиход понятие “социальной смерти”. Это состояние, когда все социальные связи человека в силу каких-то обстоятельств прерываются, и он остается один. Смерть социальная нередко влечет за собой смерть физическую. И все-таки именно страх физической смерти является, пожалуй, ключевой проблемой людей и семей преклонного возраста.

Боязнь страны, откуда ни один

Не возвращался...

Не случайно Шекспир говорит именно о стране. Ведь смерть сама по себе не несет ни боли, ни страданий. Многие люди, пережившие клиническую смерть, рассказывая о своем состоянии, отмечают, что момент смерти сам по себе даже незаметен. Но вот что ждет нас в той самой “стране”...

У человека в зависимости от его взглядов, убеждений и вероисповедания могут быть различные представления об этом. Но самое страшное — неизвестность. Хотя неизвестность применительно к смерти — вещь весьма условная. Практически все религии ставят во главу угла понятие загробной или посмертной жизни души. Люди, не исключая и тех, “...кто ни во что не верит, даже в черта назло всем”, обычно имеют хотя бы поверхностное представление об учении о загробной жизни, соответствующем религиозной традиции, господствующей в обществе, в котором они живут.

Более того, труды таких ученых, как Р. Моуди, Э. Кюблер-Росс, К. Осис, М. Сабом и многих других, исследовавших состояние клинической смерти, дают фактические данные, в какой-то степени подтверждающие факт бессмертия души. Некоторые исследователи на основании этих работ прямо утверждают: “То, что раньше знала и говорила нам Церковь, теперь во многом, можно сказать в основном, подтверждается наукой”¹.

Если вы атеист, я не ставлю своей целью доказать, что вы заблуждаетесь. Я не хочу вести и богословские споры, если ваше вероисповедание отличается от моего. Я не собираюсь излагать здесь христианское учение, в которое верю, о грехе, искуплении, посмертном воздаянии и воскресении. Это давно сделали отцы Церкви и куда лучше, чем мог бы сделать я.

Но для предмета нашего разговора мне представляется принципиально важным отметить сам факт бессмертия души или по крайней мере наличия у большинства людей подсознательной веры в это бессмертие. Только с этой точки зрения, на мой взгляд, становится до конца понятным страх смерти. Только с этой точки зрения можно добиться того, чтобы он не отравлял завершающие главы книги нашей земной жизни.

В этом смысле последняя стадия человеческой и семейной жизни есть не ожидание конца, а возможность привести дела в порядок, подготовиться к жизни вечной. Еще раз повторюсь: если вы не христианин и, быть может, человек вовсе неверующий, не поймите это как указание немедленно идти креститься. Просто примите данную точку зрения как одну из возможных и на какой-то момент бросьте взгляд на старение и старость под таким углом.

Люди и, соответственно, семейные пары, принимающие такую точку зрения, на закате жизни оказываются не в трагическом тупике, а получают новый уникальный шанс в жизни.

Для них свободное время, появившееся после ухода на пенсию, — не утомительное и тоскливое безделье, свидетельство их ненужности, а возможность сделать то, что не доделано, исправить то, что нуждается в исправлении, завершить отношения, которые нужно завершить, и создать новые. Для супругов, любящих друг друга зрячей, духовной любовью, это возможность вновь уделять друг другу максимум внимания и проводить друг с другом максимум времени. В каком-то смысле это еще одна возможность пережить медовый месяц, но уже с человеком, которого знаешь и любишь большую часть своей жизни.

Для людей, принимающих такую точку зрения, физиологическое угасание, связанное со старостью, — это не лишение всех радостей жизни, а уход из нее страстей, дающий возможность обратиться к главному — к себе, к своей душе и, наконец, к Богу.

Люди, стоящие на такой точке зрения, получают “мужество принять, то, что нельзя изменить, силу изменить то, что можно изменить, и способность отличить одно от другого”.

Правда, даже той семье, которая именно таким образом подходит к проблеме старости, предстоит пережить еще один очень тяжелый, наверное, последний в истории их семьи кризис. В памяти человечества сохранились предания, повествующие о парах, ушедших из жизни так же, как они жили, — вместе. В реальной жизни, увы, обычно бывает иначе. В какой-то момент один из супругов, если не происходит внезапной остановки сердца, начинает реально умирать. Наступает так называемый терминальный этап человеческой жизни. У многих людей на этом этапе страх смерти обостряется с новой силой.

Доктор Э. Кюблер-Росс выделяет пять стадий терминального этапа и пять соответствующих психологических состояний.

Первая стадия — *отрицание*, неприятие самого факта: “Нет, это еще не конец, не может быть, что уже все”. В глубине души человек уже осознал, но сознание еще цепляется за надежду: “А вдруг...”.

Вторая стадия — *протест*: “Почему именно сейчас, почему именно я? Это несправедливо!”. В таком состоянии, близком к отчаянию, человек бывает крайне гневен и раздражителен. Гнев его может быть адресован врачам, родным, Господу Богу, всему сущему.

Третья стадия — *просьба об отсрочке*. Человек в какой-то степени уже смирился с неизбежным, но хочет получить еще немного времени... На этой стадии очень многие приходят к Богу. Мне лично неоднократно приходилось слышать о людях, всю жизнь проживших атеистами и буквально в последние дни обратившихся к религии.

Четвертая стадия, уже предшествующая смерти, — депрессия: “Теперь уже все равно...”. Нередко умирающий в такой момент не хочет никого видеть.

Пятая стадия — окончательное *принятие*: “Теперь уже скоро, и пусть будет...” Душа смиряется, и человек обретает покой.

Терминальный процесс — всегда тяжелое испытание для близких умирающего, и в первую очередь, естественно, для другого супруга.

Особенно тягостны вторая и четвертая стадия. Вторая — по вполне очевидным причинам. Четвертая — потому, что воспринимается как внезапное ухудшение душевного состояния человека после того, как он вроде бы принял свою участь (третья стадия).

Но именно на этом, последнем этапе земной жизни как никогда важно чувствовать присутствие близкого человека. Лично мне (я, наверное, снова не оригинален) не хотелось бы умирать на больничной койке. Мне также не хотелось бы, чтобы в моем некрологе значилось: “Сгорел на работе”. Я бы хотел умереть среди близких людей, но именно живых людей, имеющих право на свои чувства: на боль, страх, обиду, равно как и на сочувствие, любовь, сострадание.

Мне кажется, что тому из супругов, кому предстоит проводить свою половину и жить дальше, очень важно сделать две вещи: *проститься и простить*. И сделать это по возможности еще в присутствии того, кто отходит в мир иной. Проститься важно для обоих. Это дает возможность жить тому, кто остается, а тому, кто умирает, — умереть со спокойной душой. Не менее важно простить. На казенных траурных митингах принято говорить, обращаясь к покойнику: “Простите нас”. На самом деле не менее важно простить и ушедших. Хочу заметить: очень часто за горем оставшихся жить скрывается гнев в адрес умершего: “Как ты мог меня оставить?!” Уход подсознательно воспринимается как предательство. Возможно, первой вашей реакцией в мой адрес после этих слов будет: “Да он ненормальный!” И все же поверьте: много раз, работая с людьми, потерявшими близких, я убеждался, что за горем скрываются обида и гнев. Поэтому повторюсь: важно не только проститься, но и простить.

Заканчивая разговор о смерти, позволю себе привести описание того, как переходят в мир иной люди, имеющие “мужество принять то, что нельзя изменить, силу изменить то, что можно изменить, и способность отличить одно от другого”, взятое из “Ракового корпуса” Солженицына:

“...Но вот сейчас, ходя по палате, он (Ефрем Поддубев) вспоминал, как умирали те старые в их местности на Каме — хоть русские, хоть татары, хоть вотяки. Не пыжились они, не отбивались, не хвастали, что не умрут, — все они принимали смерть спокойно. Не только не оттягивали расчет, а готовились потихоньку и загодя, назначали, кому — кобыла, кому жеребенок, кому зипун, кому сапоги. И отходили облегченно, как будто просто перебирались в другую избу”...

Итак, мы с вами поговорили обо всех пяти стадиях семейной жизни по доктору Остину. Прошли через медовый месяц, прозрение и заключение семейного договора, появление детей.

Пережили их уход из дому, старение супругов и умирание одного из них как финал семейной истории.

Настал момент обратиться к формированию в семье человеческой личности. Итак, начинается новая жизнь. Начинается она в момент зачатия...

Глава 3 ОТ ЗАЧАТИЯ ДО РОЖДЕНИЯ Когда и сколько?

Многие пары, собираясь стать папами и мамами, задаются вполне логичными вопросами: сколько детей должно быть в “идеальной” семье? Какой момент совместной жизни оптимален для рождения ребенка? Разные семьи по-разному отвечают на эти вопросы. Некоторые люди рассуждают примерно так: “Сначала надо устроиться в этой жизни. Наладить быт. Решить проблемы карьеры. Обзавестись собственным домом, автомобилем, счетом в банке, и вот тогда... Но все равно не больше двух”. Очевидно, в глубине души они рассчитывают не на столь уж крупный счет в банке. Нередко пары, руководствующиеся подобными соображениями, так и умирают бездетными.

Другие высказывают зачастую прямо противоположную точку зрения: как Бог даст. Вообще-то я не имею ничего против того, чтобы полагаться на волю Божию. Между прочим, мне не раз приходилось слышать от многих священников, что если *Бог дает* чете ребенка, то Он дает и средства на его воспитание. Но я категорически против, когда под “волей Божьей” на самом деле подразумевается неумная похоть, безответственность и неряшливость в отношениях. В этом случае на свет Божий появляются один за другим никому не нужные, точнее, не нужные своим родителям дети, растущие в ужасных условиях и нередко становящиеся беспризорниками, жертвами наркоманов и сутенеров.

Я убежденный противник аборт, за исключением случаев, когда эта отнюдь не простая, не безобидная и не безболезненная операция делается по ясным медицинским показаниям и иного выхода просто нет. Я решительно отказываюсь понимать тех мужчин, которые, узнав, что женщина беременна, прямо толкают ее на аборт или просто, как говорится, исчезают с горизонта. В конце концов, Бог с ними, с соображениями нравственного, религиозного и иного высокого порядка. Оставим в покое даже элементарную человеческую порядочность. Но должно присутствовать в мужчине, если он, конечно, мужчина, хотя бы уважение к самому себе. Ведь о каком самоуважении можно говорить, если он спит с женщиной, которая ему настолько безразлична и, более того, отвратительна, что, дабы избежать “осложнений” с ней, он готов на убийство собственного ребенка? С таким же успехом подобные люди могли бы использовать не по прямому назначению, скажем, замочные скважины. Можно ли назвать мужчину мужчиной, если он, определенно не желая в данный момент иметь детей от данной женщины, не может принять мер безопасности? Это скорее пятнадцатилетний подросток, перевозбудившийся оттого, что впервые в жизни увидел живьем обнаженное женское тело. То же, между прочим, в равной степени относится и к женщине. Ведь сегодня любая девочка, ложась в постель с мужчиной, прекрасно знает, что от любви “могут случиться дети”.

Несколько слов именно для девочек или для совсем молодых женщин. Коль скоро это случилось и вы узнали в самый неподходящий момент, что беременны, обязательно поставьте в известность героя своего романа (вообще говоря, он имеет на это право) и обратите внимание на *второе чувство*, которое мелькнет в его глазах. (Первое чувство при таком сообщении у любого мужчины — чаще всего удивление и некоторая растерянность.) А вот второе чувство точно покажет, кто ваш герой на самом деле. Если это радость и гордость, то перед вами Мужчина, достойный любви при всех недостатках, которые у него, естественно, имеются. Если же в глазах мелькнет страх, то, как ни больно признать, вы имеете дело с животным. Причем не со львом, тигром или даже крокодилом, а с мелкой шкодливой обезьяной.

Теперь не только о девочках, но вообще о женщинах, столкнувшихся с нежелательной беременностью. Выше я уже говорил, что терпеть не могу феминисток. Я категорически против тех, кто утверждает, что решение делать или не делать аборт — прерогатива исключительно женская. Жизнь, зачатая вдвоем, — ответственность двоих. И отец ребенка, пусть даже еще не родившегося, имеет такое же право голоса при решении его судьбы, как и мать.

Но я, повторюсь, также против того, чтобы на свет появлялись нежеланные и не любимые родителями дети. Поэтому я решительно отказываюсь понимать тех противников аборт, которые требуют запретить *любые* противозачаточные средства и использование презервативов готовы объявить детоубийством.

Но вернемся к вопросу о том, когда и сколько. Мне представляется, что мудро поступают семейные пары, принимающие окончательное решение по этому вопросу на второй стадии семейной истории. Когда глаза открыты, когда супруги избавились от иллюзий своего медового периода, приобрели некоторый опыт совместной жизни, но в то же время когда вся жизнь еще впереди. Вопрос о том, когда и сколько, может быть важной частью семейного договора. Именно на этой стадии семейной жизни наиболее велика вероятность принятия

ответственного и реалистичного решения. Каким конкретно будет это решение, естественно, зависит от индивидуальности супругов. Тут не может быть рецептов. Каждая семейная пара уникальна.

Четыре принципа семейного воспитания

Позволю себе привести несколько общих принципов, безусловно важных, с моей точки зрения, для формирования полноценной личности и счастливой жизни ребенка в семье. Семья должна, во-первых, стать для ребенка естественной школой духовной любви. Той самой “любви с открытыми глазами”, которая любит реального человека таким, какой он есть, а не таким, каким нам хочется видеть его в своих фантазиях. Любви, способной на сострадание, терпение, сочувствие, служение и самопожертвование. Человеку, не имевшему возможности наблюдать и получать такую любовь в детстве, бывает крайне трудно научиться ей впоследствии.

Во-вторых, семья призвана передать ребенку религиозную, культурную, историческую и национальную традицию. То, что касается традиции культурной и исторической, думается, ни у кого не вызовет вопросов. На традициях же религиозной и национальной остановимся чуть подробнее.

Мы живем в стране, история и культура которой — нравится это кому-то или нет — неотделима от христианства и православной Церкви. Я помню, как удивительная женщина и замечательный специалист из США, доктор Иви Лотце в начале нашего знакомства сказала: “Когда мне предложили обучать российских специалистов, я сильно колебалась. Я думала: чему я, представитель страны, недавно отметившей двухсотлетие своей истории, могу научить людей, родившихся и выросших в стране тысячелетней христианской культуры?”. Не устаешь удивляться тому, как значение тысячелетней христианской культуры для России и отдельной человеческой личности, столь очевидное для представительницы далекой Америки, совершенно игнорируется многими людьми, в России родившимися и выросшими! Говоря о религиозной традиции, я не имею в виду, что обязанность каждой семьи — отправить своего ребенка в церковно-приходскую школу. Крещение и воцерковление — вопрос личных убеждений каждого. Но предоставить возможность ребенку приобщиться к христианству хотя бы на описательном, так сказать, историографическом уровне семья, живущая в России, полагаю, должна. Дело тут не только в достижении определенного духовного и культурного уровня. Важно, чтобы человек уже в самом раннем возрасте почувствовал свою принадлежность к чему-то неизмеримо большему, сильному, надежному, чем родительская семья. Уходящему корнями в глубь веков и простирающемуся в бесконечность. Ощутил себя частью этого могучего организма. Уже упоминавшийся классик американской психологии Э. Эриксон считал религию институтом, который “...на протяжении всей человеческой истории боролся за утверждение базисного доверия...”¹. Под базисным доверием в данном контексте понимается доверие к миру. О нем мы подробно поговорим в следующей главе. Здесь же отметим, что его наличие или отсутствие во многом определяет судьбу человека. Кстати сказать, значение религиозной традиции для жизни семьи отмечается и современными российскими исследователями. Так, В.Н. Дружинин, говоря об “идеальной” семье, определяет ее как “нормативную модель семьи, которая принимается обществом, отражена в коллективных представлениях и культуре общества, в первую очередь (курсив мой — В.И.) религиозной”².

То же самое в полной мере относится и к национальной традиции. Можно не любить власть, которая в данный момент существует в нашей стране. Я, например, ее не люблю. Можно видеть пороки, присущие, быть может, значительной части нашего народа. Возмущаться ими или скорбеть о них. Но не любить *саму* страну или презирать *весь* народ — значит превратиться в крохотную щепку, несущуюся в потоке жизни, и во многом утратить доверие к самому мирозданию, к миру, в котором ты живешь.

В-третьих, семья должна дать ребенку чувство внутренней свободы и одновременно научить его тому, что оно неотделимо от ответственности. Только целиком принимая ответственность за свои поступки и, следовательно, идя на *осозанный* риск, он может стать подлинным хозяином своей жизни.

В-четвертых, семья должна воспитать в ребенке здоровое чувство частной собственности и привить практические навыки хозяйствования и построения собственного благополучия, когда он станет взрослым. Под здоровым чувством частной собственности я понимаю в первую очередь способность человека ценить не столько принадлежащее ему имущество и другие материальные ценности (хотя и это важно), сколько собственные способности, профессиональные навыки, время и труд. И открыто и честно требовать адекватную плату за реально сделанную работу.

Это то, что касается принципов. Кроме них, при решении вопроса о рождении детей в идеале стоит учитывать нюансы, связанные с профессиональной карьерой женщины. Если

студентка третьего курса выходит замуж и счастлива в браке, то упаси ее Бог тянуть с первенцем до того момента, пока она напишет докторскую диссертацию или станет руководителем крупной компании. Но до окончания института, может быть, повременить стоит? Даже если супруг в состоянии удовлетворить все материальные запросы семьи и с удовольствием это делает.

Те пары, которые принимают решение родить ребенка в соответствии с принципами, изложенными выше или иными, но главное — осознанно и ответственно, тем самым ограждают свою семью от многих неприятностей. Но если уж “так получилось” и должен родиться малыш, так сказать, незапланированный, то, по-моему, единственно разумной и человеческой реакцией на это известие будет не решение проблемы, как лучше от него избавиться, а работа над тем, как организовать жизнь семьи, чтобы он вырос здоровым и счастливым.

Что следует иметь в виду будущим мамам

И вот наступает момент, когда женщина узнает, что она беременна, и сообщает об этом своему супругу. Новая жизнь только-только зародилась, но она уже начинает оказывать непосредственное влияние на весь семейный уклад и на каждого супруга. Сколько молодых женщин, начавших курить еще на школьной скамье вопреки проповедям педагогов и родительскому гневу, моментально отказываются от сигарет без всяких “Никотенелов” и психотерапевтов, как только узнают, что беременны! Те из них, кто был равнодушен к пиву или чему-нибудь покрепче, моментально превращаются в убежденных трезвенниц. А как заботливы и внимательны становятся будущие папы! Порой они забывают не только про еженедельные бани, гаражные дела и партнеров по преферансу, но и прекращают проводить на дому производственные совещания!

Таким образом, ребенок, еще не родившись, начинает воспитывать своих родителей. И в большинстве случаев, а если ребенок желанен, то и всегда, люди в результате такого воспитания становятся лучше, человечнее. Их жизнь приобретает дополнительный смысл. Следует иметь в виду, что влияние ребенка на родителей не заканчивается с его рождением, а наоборот, усиливается. “Справедливо будет сказать, что ребенок точно так же контролирует и воспитывает свою семью, как и она его”³.

Но и родители, в свою очередь, начинают влиять на будущую жизнь ребенка еще до его появления на свет. Хорошо известно, что младенец в утробе матери составляет симбиоз с ее телом. Он образует с ней функциональное органическое единство. Поэтому ребенок воспринимает не только пищу, которой она питается, не только кислород, которым она дышит, но и ее переживания, чувства, эмоции.

Не буду подробно распространяться, что будущей маме не показаны не только любые наркотики (алкоголь и никотин к ним относятся), но и кофеин, и большинство химических препаратов. Поэтому любые, даже самые привычные и обыденные лекарства в этом состоянии не стоит принимать, не посоветовавшись с врачом.

Всем хорошо известно, что будущей маме вредно волноваться. Будущие папы, как я уже заметил, обычно стараются... Но данное обстоятельство стоит учитывать как главное и принимая решение о том, когда женщине идти в декретный отпуск. А это делается не всегда. Особенно в нашей социальной реальности, где декретный отпуск зачастую означает увольнение. Причем такое положение вещей можно наблюдать в первую очередь на работе, считающейся престижной и высокооплачиваемой. Поэтому многие женщины предпочитают не прерывать свою профессиональную деятельность, что называется, до последнего.

Вообще-то, если беременность протекает без осложнений и женщина не занимается укладкой шпал или ремонтом мостовых кранов, то это, в общем, нормально. Если она экстравертированная личность, то есть пополняет свои энергетические ресурсы извне, в общении и взаимодействии с другими людьми, то ее пребывание в коллективе, на мой взгляд, даже полезно.

Но если работа связана с высокими психологическими нагрузками, стрессами, постоянными выбросами адреналина, лучше уйти в декрет как можно раньше. То, что вы потеряете в зарплате, в противном случае вы просто не отнесете потом врачам и психологам, которые будут лечить вашего ребенка, а, возможно, и вас самих. То, чего вы не сможете добиться из-за потери времени, вы добьетесь потом, используя то время, которое вы потратили бы на визиты все к тем же врачам и психологам.

Каждая женщина, особенно та, которой предстоит стать матерью первый раз в жизни, так или иначе готовится к этому событию. Одни посещают пренатальных психологов (психологов, изучающих психику человека на эмбриональной стадии развития), делают специальную гимнастику или просто усиленно изучают соответствующую литературу. Другие советуются с родственниками и знакомыми, имеющими необходимый опыт. Но есть и такие,

кто ищет всевозможные “альтернативные способы” рождения детей. И здесь я позволю себе немного побыть “старым ворчуном”. Молодых читателей, опухших от родительских нравоучений, прошу не пугаться. Это ненадолго.

***Батюшка бес и матушка ведьма, или Несколько слов
о нетрадиционных способах принятия родов***

В свое время мне довелось работать в Центре реабилитации жертв нетрадиционных религий и тоталитарных сект, организованном Московской Патриархией. За три года работы я неоднократно сталкивался со страшными результатами “достижений” всевозможных знахарей, народных целителей и просто колдунов, в том числе на ниве акушерства и гинекологии.

К сожалению, находятся семейные пары, которые вместо того чтобы почитать то, что пишут обо всем этом, может быть, не всегда гладко и увлекательно, но зато честно и искренне православные священники, предпочитают изучать (тоже, между прочим, не Бог весть как ладно скроенные) рекламные посулы и наукообразные “откровения” современных повитух.

Где только они не предлагают рожать! Просто на дому, в ванне, в море, в лесу — лишь бы не в роддоме. При этом, крича на каждом углу о “не имеющем аналогов в мире уникальном подходе”, обожают ссылаться на исторический опыт и пресловутые народные традиции.

Да, при Иоанне Грозном роды в России принимали повитухи. Но при царе Иване не было родильных домов... В сущности, повитуха тех времен — это акушер, прекрасно знакомый с достижениями тогдашней медицины и огромным опытом практической работы.

Современная же повитуха — это очень часто сорокалетний мужик, изгнанный в свое время за неуспешность из какого-нибудь технического вуза, не состоявшийся как личность и профессионал и сублимирующий таким образом жажду власти и манию величия. Или истеричная дама, неудавшаяся актриса, пытающаяся добиться вождя эстрадного успеха “нетрадиционными методами”.

Я не гинеколог и не берусь описывать, к каким последствиям для физического здоровья матери и ребенка могут привести роды в антисанитарных условиях под “чутким руководством” всевозможных шарлатанов. Хотя очевидно, что последствия могут быть самыми трагическими. Но даже если в этом смысле все прошло гладко, то вероятность психической травматизации и женщины, особенно рожавшей впервые, и младенца очень велика.

Приверженность к экстремальным видам спорта, связанным с высокой степенью риска для жизни, в некоторых случаях трактуется как сублимация подсознательной тяги к самоубийству. Что в таком случае скрывается в подсознании женщины, собирающейся рожать в экстремальных условиях? Может быть, прежде чем принять такое решение, стоит сходить к психоаналитику?

Завершая монолог “старого ворчуна”, хочу напомнить всем любителям новых идей и народных традиций известную народную мудрость: “От добра добра не ищут”. Миллионы детей во всем мире каждый год благополучно появляются на свет в родильных домах. Может быть, это тот самый случай, когда стоит поверить народной мудрости?

Кстати, о родильных домах. Почему-то у нас до сих пор категорически отказываются сделать то, что практикуется во многих странах уже давно, — дать возможность отцу ребенка присутствовать при родах. Вряд ли нужно доказывать, насколько важно для женщины присутствие близкого человека в этот и психологически, и физически тяжелый для нее момент. Мужчины, для которого бесконечно дороги и она сама, и тот, кто должен появиться на свет. Правда, будущие папы (я говорю это на случай, если вдруг наше медицинское начальство предоставит им такую возможность, а также для пап, живущих по принципу: “У нас ничего нельзя, но если очень хочется, то все можно”) должны иметь в виду одно обстоятельство. Роды могут быть тяжелым испытанием для женщины и представляют собой малоэстетичное зрелище, исходя из привычного понимания эстетики. Поэтому, принимая решение присутствовать при них, объективно оцените свои силы. Если вдруг вас одолеет страх или отвращение, вы вряд ли сильно облегчите жизнь вашей жене.

Ну вот, мы как-то незаметно дошли до родов. Но прежде чем двинуться дальше, поговорим еще об одной приятной и очень ответственной проблеме, которую мамы и папы решают обычно еще до того, как дитя появится на свет. Я имею в виду вопрос о том, как назвать ребенка.

Магия имени

В самом начале, говоря о психологических терминах, я упомянул имя Э. Берна и введенное им понятие сценария. Так вот, Берн и ряд других психологов считают, что имя может оказать существенное влияние на жизненный сценарий и, следовательно, на судьбу человека. В свое время в США даже вышла книга “Не называйте так своего младенца”. В ней приводится

ряд распространенных американских имен и дается описание соответствующих им типов личности. Такая книга о русских именах, возможно, еще ждет своего часа.

Согласно теории Берна, имена могут оказывать влияние на формирование сценария одним из четырех способов: целенаправленно, по несчастию, из-за небрежности или легкомыслия и по неизбежности.

1. *Целенаправленно.* Это тот случай, когда родители осознанно выбирают имя, вкладывая в него своего рода напутствие или указание ребенку, каким он должен стать и на кого быть похожим. Типичный пример, характерный для нашей культуры, — широко распространенная, особенно в недавнем прошлом, традиция называть новорожденного в честь человека великого или считавшегося таковым. Сюда же Э. Берна относят имена, полученные мальчиками в честь отца, а девочками в честь матери. Применительно к нам я бы сделал одну существенную оговорку. В российских семьях дети нередко получают имена своих предков, особенно бабушек и дедушек. И очень часто это оказывается не целенаправленным, осознанным актом со стороны родителей, которые, поступая таким образом, вовсе не имеют в виду, что ребенок должен быть похож на своего предка, а данью привычке и семейной традиции. В этом случае полученное таким образом имя может лечь в основу неудачного сценария. По-настоящему же целенаправленно данное имя чаще всего ложится в основу хорошего сценария. Ведь, как я уже говорил, мало кто из родителей сознательно желает зла своему ребенку. Правда, бывают и исключения. Это происходит в том случае, когда целенаправленно давая ребенку имя человека, чей жизненный путь кажется им достойным подражания, родители не задумываются о том, насколько действительно хорош такой сценарий для их сына или дочери. Скажем, если верующие родители называют мальчика в честь святого мученика, то применительно к современной жизни велика вероятность, что он не станет святым, но зато станет мучеником.

2. *По несчастию.* Имеется в виду несчастный случай. Это происходит, когда, присваивая красиво звучащие имена, родители совершенно не думают о том, что может произойти дальше. Например, Джульетта — очень красивое имя... Менее абстрактный пример — случай, когда дети переезжают в другую местность или оказываются в иной языковой среде. Когда я служил в советской армии, к нам в часть из тогда еще Татарской АССР прислали паренька по имени Илдус. Я не помню точного перевода его имени с татарского, но это что-то очень красивое, связанное со звездами. Надо сказать, что в интернациональном коллективе советской воинской части у всех проявлялись способности к иностранным языкам. Поэтому первую букву в красивом имени Илдус моментально заменили на “Я”. Для тех, кто не служил в советской армии и не имел иной возможности познакомиться с основами татарского языка, поясню, что “ялда” на этом языке означает мужской детородный орган. Типичный несчастный случай...

3. *Из-за небрежности или легкомыслия.* Уменьшительно-ласкательные формы имени и ласковые прозвища. Когда родители называют так своих детей, они, естественно не думают, что эти прозвища останутся с ними на всю жизнь. В действительности часто получается иначе. Вспомните Кису Воробьянинова.

4. *Из-за неизбежности.* Это относится к фамилиям. У родителей в этом случае меньше свободы выбора, хотя при заключении брака имеются два исходных варианта. Некоторые фамилии в силу сложившихся в обществе или определенной социальной группе стереотипов воспринимаются как неблагозвучные.

На эту тему существует анекдот о том, как в армии старшина знакомится с новобранцами.

— Как ваша фамилия, товарищ рядовой?

— Орлов!

— Молодец, орлом будешь летать!

— А ваша?

— Генералов!

— Молодец! Генералом станешь!

— А ваша?

— Козлов...

— Ну, ничего, ничего...

В подобных случаях, по мнению Берна, “человек ощущает нечто вроде проклятия предков, из-за которых ему со дня рождения суждено быть неудачником”⁴.

Между прочим, нечто подобное во влиянии имени на последующую судьбу человека задолго до Берна усматривали некоторые представители русской религиозно-философской традиции. Так, еще в начале 1920-х годов, о. Павел Флоренский в своем труде по ономотологии отмечал:

“...Общечеловеческая формула о значимости имен и связи с каждым из них определенной духовной и отчасти психофизической структуры, устойчивая в веках и народах, ведет к необходимому признанию, что в убеждениях этого рода действительно есть что-то объективное и что человечество, всегда и везде утверждая имена в качестве субстанциальных сил или силовых субстанций или энергий, имело же за собою подлинный опыт веков и народов...”⁵.

Он же, говоря о функциях имени по отношению к своему носителю, выделял две: так сказать, номинальную и сакральную.

“Во-первых, оно *представляет* своего носителя, указывая, кто есть некто, и затем, что есть он. Во-вторых, оно *противопоставляется* своему носителю, влияя на него — то как предзнаменование грядущего, то как орудие наговора, то, наконец, как орудие призвания...”

Таким образом, имя оказывается alter ego своего носителя — то духом-покровителем его, то существом, одержимым враждебными силами и потому губительным”⁶.

Кому-то все сказанное об именах, возможно, покажется или надуманным, или отдающим мистикой. На мой взгляд, никакая идея или теория, касающаяся человека, его жизни и отношений с другими людьми, ни в коем случае не должна абсолютизироваться. То, что оказывается верным применительно к миллионам людей, может оказаться совершенно неприменимым к отдельной конкретной личности. Не случайно К.Г. Юнг, истолковавший за свою практику примерно 80000 сновидений, учил своих последователей тому, что они должны изучить все, что возможно, о символах и их значении и... забыть все это, как только начинают новую работу с реальным человеком. По словам Юнга, “индивидуальное — вот единственная реальность”⁷.

И все же, прежде чем назвать ребенка в честь его дедушки, подумайте о том, начало какого сценария вы можете заложить, сделав это. Может быть, дедушка был очень энергичным и целеустремленным человеком, многого добился в жизни и умер, не дожив до пятидесяти, от рака или неудачной хирургической операции? Может быть, он был очень добрым и отзывчивым, но слишком мягким человеком и прожил жизнь под каблуком своей жены? А может быть, дедушка имел все задатки талантливого художника, но по каким-то причинам ничего не добился на этом поприще и по сей день ищет утешения в бутылке?

Сделайте такой анализ по возможности спокойно и объективно, прежде чем принять решение о том, как вы назовете своего будущего ребенка. Просто так. На всякий случай...

Глава 4
ГОД ПЕРВЫЙ
*Скрытый смысл первого крика,
или Краеугольный камень
в фундаменте жизни*

Итак, свершилось. Ребенок сделал первый шаг в самостоятельную жизнь. Он извещает об этом мир своим знаменитым первым криком. Разные мыслители зачастую высказывали диаметрально противоположные мнения о том, что хочет выразить дитя этим криком.

Например, Гегель толковал первый крик человеческого существа как выражение его высшей природы, его власти над внешним миром. С другой стороны, Э. Фромм утверждал:

“В момент рождения ребенок испытывал бы страх смерти, если бы милостивая судьба не предохранила его от всякого осознания тревоги, связанной с отделением от матери и прекращением внутриутробного существования”¹.

С этой точки зрения первый крик может быть истолкован как знак тревоги и протеста против того, что ребенок призван в этот мир со всеми его тревогами, страданиями и горестями.

То, чем на самом деле окажется этот крик — восторгом победителя или воплем несчастной жертвы, во многом определится еще до момента рождения. Но, разумеется, в еще большей степени жизнь человека зависит от того, с чем он столкнется, появившись на свет. В этом смысле первый год жизни во многом становится определяющим.

“...Из всех существ человек рождается наиболее слабым, оставаясь долгое время совершенно беспомощным”². Хотя симбиоз младенца с телом матери разрывается в момент рождения, он продолжает еще долгое время целиком существовать за счет нее. И именно от матери зависит, какой опыт извлечет и чему научится ребенок на первом году своей жизни.

По мнению Э. Эриксона, этот опыт влияет на всю последующую жизнь человека:

“Фундаментальной предпосылкой ментальной витальности (душевной жизнеспособности — *В.И.*) является *чувство базового доверия* — формирующаяся на основании первого года жизни установка по отношению к себе и миру. Под “доверием” я подразумеваю собственную доверчивость и чувство неизменной расположенности к себе других людей”³.

Иными словами, отношение окружающих, в первую очередь матери, к нему самому, его потребностям, его желаниям запечатлется в душе ребенка с первых дней его жизни. Если он получает тепло, ласку, заботу, то формируется образ мира безопасного, открытого и заслуживающего доверия. В противном случае мир для детской души становится источником угрозы и дискомфорта.

В соответствии с этими впечатлениями первого года жизни человек впоследствии строит свои отношения с другими людьми и с жизнью вообще.

Более того, поскольку на ранней стадии развития ребенок еще не может делать различия между “Я” и “Ты”, между собой и матерью, между собой и другими людьми, не может осознать свою самость, он воспринимает себя абсолютно тождественным миру. По словам Дж. Л. Морено, “первые дни жизни младенец ощущает все предметы и людей как сосуществующие с ним, принадлежащие ему, или себя как сосуществующего с ними или принадлежащего к ним”⁴. Он есть мир, и мир есть он. И, следовательно, если мир хорош и заслуживает доверия, то хорош и заслуживает доверия и он сам. Если же мир плох и доверия не заслуживает, то, естественно, плох и не заслуживает доверия и сам ребенок.

На первом году жизни закладывается базис не только отношения к миру, но и — что не менее важно — отношения к себе.

Люди, у которых базисное доверие успешно сформировалось, во взрослой жизни представляют собой тип личности, открытой для прямых, искренних и честных отношений с другими. Готовой к сотрудничеству, надежной и не боящейся идти на оправданный риск.

Дефицит же базового доверия порождает впоследствии личность замкнутую, отчужденную, не способную к серьезным отношениям, живущую не в ладах как с окружающими, так и с самим собой. В крайних случаях — склонную к психотическим проявлениям. Мало того, забегая вперед, скажу, что такие люди очень тяжело поддаются психотерапевтическому воздействию по очевидной причине: они не в состоянии доверять терапевту.

Как же протекает процесс формирования доверия миру? От чего он зависит?

Как вы пеленаете своего младенца?

Процесс формирования базового доверия

Уже упоминавшийся Дж. Л. Морено характеризовал первый год жизни человека как своего рода матрицу его социального развития. “В этой матрице... переживание совместного бытия, совместного чувствования и совместного действия становится глубинным

переживанием тождественности новорожденного с миром и образует основу для последующего доверия к собственному бытию”⁵.

Имеется в виду совместное бытие в первую очередь с матерью. Основная потребность младенца в первые месяцы жизни — потребность в пище. Мать — естественный, Богом данный источник ее удовлетворения. Но она не просто дает пищу, она доставляет удовольствие ребенку. Он обладает врожденной способностью сосать материнскую грудь. Он еще плохо различает предметы, не способен сфокусировать свой взгляд на чем-то конкретном, слабо различает отдельные звуки, и грудь матери — единственная по-настоящему осязаемая реальная вещь, которая существует для новорожденного в мире. В каком-то смысле она для него — весь мир. Материнская грудь также необходима младенцу, как и молоко. Именно из того, насколько своевременно, с каким чувством, с каким настроением мать подносит дитя к своей груди, складываются в душе маленького человека самые первые образы того мира, в котором ему предстоит жить.

Образно говоря, “в этот момент ребенок живет и любит через свой рот, а мать живет и любит через свою грудь, выражая мимикой, позой тела готовность сделать все необходимое для ребенка”⁶.

Нередко можно услышать мнение, особенно от женщин, что любая из них, даже если ребенок не был желанным, с его появлением на свет автоматически превращается в любящую мать и делает все для того, чтобы дитя чувствовало себя хорошо и комфортно. Если говорить об осознанном поведении женщины, это, наверное, во многом верно. Но вот что касается бессознательного...

Младенец крайне уязвим и незащищен в первый год своей жизни. Поэтому одним из распространенных и традиционных представлений является убежденность в необходимости держать его туго спеленутым практически все это время. Я не думаю, что найдется много матерей, всерьез опасющихся, что в противном случае ребенок произвольным движением ручки выковыряет себе глаз. Но существуют иные, более реалистичные объяснения необходимости именно такого подхода. Скажем, от многих женщин приходится слышать, что если младенца не спеленать, то этими самыми произвольными движениями во время сна он может напугать себя, в результате чего проснется и начнет плакать. Вполне логичная позиция. Но что стоит за ней? Я хочу спросить молодых мам, разделяющих данное убеждение: чего вы на самом деле боитесь? Того, что ваш младенец, испугавшись, получит психическую травму? Того, что он не будет высыпаться и вырастет физически слабым? А, может быть, вы опасаетесь неудобства, связанного с тем, что вам придется прервать телефонный разговор с близкой подругой и отправиться укачивать крикуна?

Если вы придерживаетесь той точки зрения, что грудного ребенка надо кормить строго по часам, задайте себе вопрос: почему вы ее придерживаетесь? Потому что так делала ваша мама? Потому что маленького человека надо с пеленок приучать к определенному режиму жизни? Потому что в противном случае он не получит необходимого количества калорий в нужное время и опять-таки вырастет слабым или не вырастет вовсе? А может быть, дело в том, что вам так удобно? Постарайтесь быть честными перед собой, отвечая на эти вопросы. Ведь именно из неосознанных мотивов складываются почти незаметные нюансы отношений матери и младенца, которые делают мир ребенка либо комфортным и заслуживающим доверия, либо неудобным и угрожающим.

Скажем, пеленать можно по-разному. Можно сделать это таким образом, что младенец будет чувствовать тепло и защищенность, подобно тому, как это было в материнской утробе, где он, между прочим, обладал известной свободой движений. Но можно сделать и так, что несчастному будет казаться, будто единственная цель всего сущего — расплющить и уничтожить его маленькое незащищенное тельце.

Еще несколько слов о бесах

К слову, о пеленании. В предыдущей главе я набросал портрет современной бородатой повитухи, проповедующей “альтернативные” роды. Как правило, этим дело не ограничивается. Сразу же за появлением младенца на свет Божий вступают в дело “альтернативные” методы оздоровления и закаливания. Вообще-то не очень понятно, зачем “оздоравливать” здорового ребенка. Впрочем, это я придираюсь. Требовать логической последовательности от “знаменитых народных целителей” не приходится. Важно, что “оздоровительные процедуры” сводятся, как правило, к выкручиванию суставов новорожденного в соответствии с “народными традициями”, заложенными в свое время Малютой Скуратовым, подбрасыванию несчастного к потолку и чуть ли не подвешиванию его за ноги. На фоне же наиболее “продвинутых” рекомендаций по “закаливанию” действия лиц, допрашивавших в свое время генерала Карбышева, могут показаться едва ли не гуманными. Мне бы хотелось спросить поклонников

подобных “систем”: каким, по-вашему, может воспринимать мир грудной младенец, которого папа использует вместо гимнастической гири? Прошу прощения у читателей, но, право же, так и подмывает сказать такому отцу: “Лучше бы ты, дурак, почаще носил на руках свою жену!”

**Самый простой способ сформировать
чувство базового доверия у ребенка —
доверять ему самому**

Вернемся к тому, как неосознанные мотивы или ошибочные установки могут влиять на поведение женщины, ухаживающей за своим ребенком традиционными, принятыми среди вменяемых людей средствами. Например, кормить ребенка по часам можно тоже разными способами. Можно в определенное время просто предложить ему грудь, и если он от нее откажется, уважительно отнестись к его нежеланию есть. Есть и спать — единственные виды деятельности, вполне доступные организму человека в первые недели его жизни. Поэтому, если ребенок не болен, его отказ означает только одно: в данный момент он *объективно* не нуждается в пище, для того чтобы нормально расти и развиваться. В таком возрасте люди еще не умеют притворяться, лукавить и лгать. Они обучаются этому позже. Поэтому, не принимая грудь, малыш совершенно честно сообщает: “Мама, я сыт и сейчас не хочу есть”. Отчего бы ему не поверить?

К сожалению, многие мамы все-таки не верят. Они считают, что накормить надо во что бы то ни стало. В результате материнская грудь из источника пищи и удовольствия превращается в нечто огромное и страшное, забивающее рот и не дающее дышать.

Несколько слов о детском крике. Кормящей маме в любом случае, даже при самом заботливом и внимательном супруге, необходимо помимо ухода за младенцем делать еще какую-то работу по дому, и развлекаться, и, наконец, просто отдыхать. Если она лишится всего этого, то вряд ли сможет любить дитя духовной, зрячей любовью. Она может превратиться в верную рабыню привередливого господина и будет молить Бога, чтобы господин поскорее вырос. Рабы, даже самые преданные, по определению не способны любить своих повелителей той любовью, которой по-настоящему хорошая мать любит своих детей. А если в семье растет еще один ребенок...

В связи с этим возникает законный вопрос: должны ли родители немедленно реагировать на каждый крик грудного ребенка? И как именно реагировать? Крик и плач — это единственный способ заявить о себе миру, доступный человеку на первом году жизни. Послать сообщение о своих желаниях, потребностях, ощущениях, о том, что он жив, в конце концов. Да, младенцы, как правило, плачут, если они голодны, если у них болит животик, если их слишком туго спеленали и в других случаях, когда испытывают какой-то дискомфорт. Но часто они неистово кричат и для того, чтобы их взяли на руки и покачали или просто посидели рядом с их кроваткой.

Если вы помните, доктор Морено называл состояние первого года жизни человека матрицей его социального развития. Это проявляется, между прочим, и в том, что многие младенцы, по-видимому, рожденные экстравертами, с первых дней не терпят одиночества. Они настойчиво требуют постоянного присутствия рядом матери или другого человеческого существа, даже когда спят. Это не блажь, а реальная потребность таких детей. Это то, что им важно получать для того, чтобы воспринимать мир как заслуживающий доверия. Поэтому их потребность должна удовлетворяться настолько полно, насколько возможно в условиях конкретной семьи. Но это совершенно не означает, что жизнь семьи должна свестись к круглосуточной вахте возле трехмесячного любителя больших компаний.

Хороший выход из этой на первый взгляд неразрешимой дилеммы находят родители (я знаю таких), которые доверяют своим детям. Они не борются с потребностями своих детей, но и не приносят себя в жертву этим потребностям. Попросту говоря, не имея возможности на данном этапе своей семейной жизни часто бывать в гостях, они приглашают друзей к себе. И принимают ребенка, коль скоро он этого хочет, в компанию. Конечно, коллективное исполнение взрослыми рок-н-ролла “Lusting Hollywood” вокруг колыбели вряд ли понравится даже самому экстравертированному младенцу. А вот спокойная беседа взрослых ему не только не мешает заснуть, но, наоборот, способствует крепкому сну, особенно если ребенок сыт и действительно хочет спать.

Кстати, по мнению некоторых специалистов, дети кричат еще и потому, что это объективно необходимо в процессе развития для тренировки легких⁷. Такой крик не только не является сигналом бедствия, требующим немедленной реакции со стороны родителей, но, наоборот, свидетельствует о том, что ребенок здоров и полон сил.

Короче говоря, дать малышу на первом году жизни максимум заботы, любви, внимания, необходимых для формирования у него базового доверия к миру, не означает бросать все и вся и мчаться сломя голову на любой его писк.

Язык детского плача

Важно научиться понимать этот своеобразный язык плача и крика. Уже с самых первых дней плач ребенка, точно так же, как и речь взрослого человека, имеет различную эмоциональную окраску, в зависимости от того, о чем пытается поведать миру младенец. Женщине при обучении этому языку часто приходит на помощь материнский инстинкт. Но даже молодые мамы, родившие первенца, частенько испытывают затруднения. Еще сложнее папам. Для овладения этим искусством необходимо прежде всего подавить в себе естественный порыв немедленно бежать к дитяти при первых звуках его плача. Дайте ему возможность поплакать пусть совсем короткое время, внимательно вслушайтесь в тон его голоса. Постарайтесь понять, о чем этот плач. И потом действуйте. Один из специалистов по семейному воспитанию предлагал родителям, прежде чем подойти к плачущему ребенку, постоять и понаблюдать за ним минут пять, оставаясь вне поля его зрения, чтобы дожидаться первой, пусть небольшой паузы в плаче. И постараться осмыслить не только причину слез, но и то, почему плач прервался.

Такой опыт кажется мне полезным еще и потому, что он позволяет соотнести тон и силу детского плача с мимикой младенца, которая уже с двухмесячного возраста достаточно выразительна, а иногда и раньше. Это существенно облегчает понимание состояния ребенка и того, что, собственно, он хочет сообщить.

Подобная работа, естественно, потребует определенных усилий. Однако, если ее проделать, то она не только облегчит жизнь родителей, но будет полезна и младенцу, позволяя ему получать именно то, в чем он на самом деле нуждается, и воспринимать мир как заслуживающий доверия.

Первая жизненная задача: потреблять и присваивать.

Чему и как учатся при этом наши дети

Однако даже самым творческим и спонтанным родителям все равно придется считаться с тем, что на первом году своей жизни ребенок в основном продолжает играть ту роль, которую он усвоил в материнской утробе и которую некоторые психологи, быть может, несколько резко и неблагозвучно, но очень точно характеризуют как “роль паразита в теле матери”⁸. В первые месяцы после появления на свет малыш по-прежнему остается паразитом в том смысле, что он может только потреблять, не будучи пока в состоянии ничего дать взамен, кроме самого факта своего существования. В этом заложен глубокий нравственный смысл — “в принятии того, что ему дается, в обретении способности заставить кого-то сделать для него то, что он хочет, младенец также развивает необходимые основы, чтобы самому превратиться в дающего”⁹.

Вначале способ потребления практически исчерпывается процессом кормления и получения удовольствия от контакта с материнской грудью и сосания. Но уже скоро малыш обретает способность фокусировать свой взгляд на определенном предмете, выделяя его из окружающего, различать конкретные звуки. С этого момента он начинает “потреблять” все, что оказывается в поле его зрения, — с помощью глаз и ушей. То, что потребляется таким способом, не менее важно для формирования образа мира, заслуживающего доверия, чем ощущения, связанные с кормлением грудью. Иными словами, актуальным становится то, что младенец видит вокруг себя чаще всего. Открытые, улыбающиеся лица или мрачные, вечно чем-то озабоченные физиономии? Что он обычно слышит? Нормальную человеческую речь со всем присущим ей богатством оттенков и интонаций и здоровый жизнерадостный смех? Или неразборчивое двусмысленное бормотание и гневные крики? И это касается не только обращения непосредственно к ребенку, но и того, как взрослые, в первую очередь, естественно, родители общаются друг с другом.

Постепенно начиная двигаться и понемногу овладевая хватательными движениями, ребенок принимается “присваивать” различные предметы, пытаясь их брать и удерживать. Это всегда чревато неудачами. Таким образом формируется первый опыт проживания неудач. От реакции родителей на падение и слезы при первых самостоятельных попытках встать во многом зависит, как человек в дальнейшем будет воспринимать неудачи, неизбежные в жизни любого баловня судьбы. Как страшную катастрофу, ставшую закономерным итогом чрезмерно рискованной попытки сделать что-то? Как подтверждение собственной слабости, никчемности и неполноценности? Или же как возможность извлечь полезный опыт из провала и предпринять новый шаг?

С появлением первых молочных зубов ребенок начинает пытаться не только хватать, но и жевать, а следовательно, кусать все, до чего может дотянуться. В том числе и материнскую грудь. Это еще один важный момент первого года жизни. На стадии кусания специалисты рекомендуют продолжать кормление грудью. Однако мать должна без гнева и негодования, но ясно и настойчиво дать понять малышу, что он причиняет ей боль. Скажем, отнимая у него свою грудь всякий раз, когда это происходит. Способ этот известен всем женщинам мира. Однако очень многие мамы, жалея своего маленького, быстро сдаются и терпят боль, лишь бы тот не умер с голоду. По моему глубочайшему убеждению, *жалость не просто плохой помощник в воспитании детей и вообще в человеческих отношениях, а опаснейший яд, убивающий подлинную любовь*. Жалость унижает и жалеемого и жалеющего, превращая обоих из свободных творческих личностей, коими люди являются от рождения как вершина Божественного творения, в беспомощных калек.

Когда женщина начинает жалеть своего младенца и продолжает кормить его, терпя при этом довольно сильную боль, она тем самым оказывает ему очень плохую услугу.

Во-первых, она лишает ребенка возможности решить чрезвычайно интересную задачу: как, обладая зубами, научиться сосать мамину грудь таким образом, чтобы ее не отнимали. И дело тут не только в возможности для ребенка проявить свое творческое начало и свою спонтанность. (Спонтанность, по определению Морено, это способность находить адекватные способы реагирования на новые обстоятельства и новые способы реагирования на старые обстоятельства: «Индивид с высокой степенью спонтанности будет извлекать максимум из ресурсов, находящихся в его распоряжении, из интеллекта, памяти или навыков, и может оставить далеко позади обладателя лучших ресурсов, но наименьшим образом их использующего»¹⁰.) Решая эту задачу, маленький человек, в сущности, ищет ответ на куда более серьезный вопрос: как добиваться желаемого, считаясь при этом с интересами других. Как использовать по назначению имеющиеся силы и возможности, опять-таки не причиняя неоправданного ущерба другим людям. От ответа на эти вопросы, от решения, которое найдет ребенок, во многом зависит его поведение на протяжении последующей жизни.

Но даже это еще не все. В конце первого года жизни малышу предстоит пережить первый серьезный кризис — отрыв от материнской груди. Этот отрыв переживается как утрата. Утрата привычного способа получать материнскую любовь и ласку. Клиническая работа Э. Эриксона показывает, что уже на стадии кусания у ребенка возникает «некоторое чувство исходной утраты и предчувствие, что однажды его связь с матерью будет нарушена»¹¹.

С этой точки зрения, отнятие груди у младенца, когда он причиняет боль, в определенном смысле является и подготовкой его к преодолению кризиса. Это опыт, дающий ребенку ощущение того, что он и мать не единое целое, но два самостоятельных человеческих существа. Это опыт, с одной стороны подтверждающий его смутные опасения, но в то же время демонстрирующий при спокойном и настойчивом поведении женщины, что, отнимая у него *свою* грудь, мать не только никуда не исчезает из его жизни, но и продолжает любить его, ласкать, прижимать к себе, согревать.

Ребенку же такого опыта ребенок не получает, а весь предыдущий опыт его жизни свидетельствует о том, что мир, в котором он живет, не заслуживает доверия, то окончательное расставание с материнской грудью превращается в серьезную травму. Ее непосредственные последствия — состояние острой детской депрессии, а более отдаленные — депрессивная окраска всей последующей жизни человека. Происходит то, что в психоанализе принято называть «фиксацией на оральной стадии». В поведенческом плане такая фиксация выражается в том, что, постоянно испытывая подсознательную тоску по утрате материнской груди, ребенок, а впоследствии и взрослый человек все время ищет ее замещение. По достижении определенного возраста фиксация может принимать форму различных зависимостей, в частности, наркотической и алкогольной.

Если же развитие личности в течение первого года жизни протекало в целом нормально, то отрыв от груди, вопреки неизбежным переживаниям ребенка, лишь подкрепляет уже сформировавшееся чувство базового доверия. Ребенок убеждается, что и лишенный маминой груди он продолжает оставаться сытым, принимаемым и любимым. Более того, доверие приобретает для малыша качественно новый оттенок. Получив первый серьезный опыт того, что мать и он сам — разные человеческие существа и мир от этого не рухнет, что они могут жить и любить друг друга, оставаясь каждый самым собой, ребенок начинает доверять самому себе уже не как части мира, заслуживающего доверия в целом, но как индивидуальности.

«Доверие включает в себя не только то, что некто научается надеяться, полагаться на тех, кто извне обеспечивает его жизнь, но и доверие к самому себе, веру в способность

собственных органов справляться с побуждениями. Такой человек способен чувствовать себя настолько полным доверия, что обеспечивающие его жизнь окружающие не должны постоянно стоять при нем на часах”¹².

Завершая разговор о первом годе человеческой жизни, очень важном для ребенка и очень сложном для его родителей, я хочу привести слова доктора Дж. Добсона, обращенные к молодым мамам. С одним существенным, на мой взгляд, добавлением: я адресую их и молодым папам. От них тоже требуется немало заботы и терпения. “Будьте стойкими и выносливыми! Вы выполняете самую важную работу во всей Вселенной”.

Глава 5 ДО ТРЕХ И СТАРШЕ

*Новая жизненная задача:
учимся не только присваивать,
но и отдавать*

Итак, ребенок вступает в новый этап своей жизни. Он уже многое может и умеет. Он начал отделять себя от остального мира, различать “Я” и “Ты”, “мне” и “мое” и имеет сформировавшееся представление о том, каков этот внешний мир. Теперь ему предстоит осваивать непростую науку жить в этом мире уже в новом качестве — в качестве индивидуальности и самостоятельной личности. И первое, чему учится ребенок, уже умеющий присваивать, то есть *хватать и удерживать*, — это способности отпускать, то есть *отдавать что-то личное* миру.

В классическом психоанализе первичное формирование этого навыка соотносится с овладением ребенком процедурой очищения кишечника и мочевого пузыря и чувством удовольствия, связанным с этим процессом. Источником удовольствия служит как удовлетворение объективной потребности организма и, следовательно, избавление от напряжения и дискомфорта, так и похвала родителей, получивших своеобразный “подарок” за то, что ребенок хорошо и своевременно справился с важной задачей.

Я не являюсь сторонником ортодоксального фрейдизма и не хочу погружаться в глубины психоаналитических теорий, утягивая и вас за собой. Но вместе с тем, на мой взгляд, трудно не согласиться, что значение овладения контролем над процессами дефекации не исчерпывается формированием важной потребности “в принципе сохранять опрятность и по желанию выбрасывать то, что накопилось, — сменяющую произвольное задержание или освобождение от стула”¹. В способности удерживать внутри или отпускать в зависимости от своего желания и внешних обстоятельств продукты жизнедеятельности организма впервые реализуется автономная или, точнее, свободная воля ребенка. То есть воля, предполагающая наличие возможности реального, осознанного выбора. Но возможность выбирать и принимать решение проявляется не только в том, что касается горшка.

*“Нет!”, “Не хочу!”, “Не буду!”,
или Первые проявления
свободной воли и автономии*

Едва ли не каждая мать замечала, насколько непредсказуемым, с ее точки зрения, становится поведение сына или дочери в этом возрасте. То он настойчиво прижимается к матери в тот самый момент, когда на кухне убегает молоко. То, наоборот, когда мать хочет приласкать своего младенца, тот вдруг начинает вырываться и отталкивать ее. Вот он с увлечением играет самыми обычными, сто раз побывавшими у него в руках кубиками, и уложить его в кровать — совершенно невыполнимая задача. А иной раз его внимание невозможно привлечь самой яркой, только что купленной игрушкой. Папа, потративший на ее покупку немало времени и денег, бывает удивлен и даже разочарован...

Очень многие дети в возрасте от 15 месяцев до двух лет почти на любое предложение взрослых практически неизменно отвечают “нет”. “Пойдем гулять!” — “Нет!”. “Идем в ванну купаться!” — “Нет!”. “Поиграй немного один!” — “Ни за что!”. Я уже не говорю о реакции на предложение съесть кашу или пойти спать.

К этому добавляется навязчивое, прямо-таки маниакальное желание развалить, разобрать, сломать, разбить все, что только возможно, в доме, включая собственный нос.

К середине третьего года жизни при нормальном развитии ребенок овладевает активной речью, а к концу этого года уже может использовать сложные предложения. Таким образом, он получает в свое распоряжение не только новый эффективный способ сообщать родителям о своих чувствах, ощущениях, желаниях и намерениях, но и мощное средство, дающее дополнительные возможности претендовать на их время, внимание, терпение и кошелек. Не случайно В. Сатир отмечала момент овладения ребенком речью как кризисный период в жизни семьи.

Разные родители, естественно, по-разному пытаются справиться с возникающими трудностями. Супруги, любящие друг друга и своего ребенка исходя из принципа “по хорошему”, ищут причины, порождающие такое поведение малыша, относятся к ним с пониманием и уважением. Для них вопрос о том, как, считаясь с потребностями и чувствами ребенка, не позволить ему превратить дом и жизнь семьи в пандемонимум, становится совместным поиском решения трудной и интересной задачи. Возможностью проявить спонтанность и творческий подход. Эта задача может быть сформулирована следующим образом: как научить маленького человека, не ущемляя его свободной воли при принятии решения, считаться с другими людьми,

не пренебрегая при этом собственными интересами? Как заложить в формирующуюся личность азы понимания того факта, что любой по-настоящему *самостоятельно* сделанный выбор влечет за собой *личную* ответственность для того, кто этот выбор делает?

Я уже говорил, что для поиска эффективного решения необходимо понимать истинные мотивы, определяющие поведение ребенка в этом возрасте.

Давайте сразу договоримся: ни один малыш на свете в возрасте одного — трех лет, что бы он ни вытворял, не имеет сознательной цели расстроить маму, вывести из себя папу или довести до инфаркта бабушку. Не намерен он и умереть с голоду, когда отказывается от каши, не желает познакомиться с “прелестями” диатеза, когда требует конфет и не собирается свести счеты с жизнью, когда пытается засунуть пальцы в розетку.

Чего он действительно хочет, так это любым способом реализовать начавшуюся способность контролировать свой организм и происходящие в нем процессы. Способность и потребность не только присваивать что-то из внешнего мира, но и отдавать. Наконец, способность и потребность самому решать, что именно и когда присваивать и что именно и когда отдавать. Для обретения необходимого опыта и полноценного удовлетворения этих потребностей и реализации способностей необходимо изучить, исследовать мир. Теперь, когда выяснилось, что мир не идентичен ему самому, что это нечто *другое* и в большинстве случаев неизвестное, ребенку необходимо выяснить, как мир устроен. Ему также необходимо выработать способ взаимодействия с этим миром во всем его многообразии. Поскольку малыш еще не способен к восприятию абстрактных понятий, единственный доступный способ исследования — постижение всего и вся через чувственный эмпирический опыт, через личное *действие*.

Вот отсюда и берется категорическое “нет” в ответ на совершенно безобидное предложение пойти погулять. Ребенок ведет борьбу за свою автономию, за свое право выбора, являющееся совершенно необходимым условием для личных действий. Начинается эта борьба с отвержения чужого мнения, с отказа признавать внешний авторитет. Наталкиваясь на категоричное неприятие такого поведения со стороны родителей, ребенок не просто оказывается в условиях, неблагоприятных для обретения опыта, витально необходимого для формирования его личности. Если на данном этапе жизни “нет” маленького человека полностью игнорируется взрослыми, то мальчик или девочка могут извлечь для себя важный жизненный урок. Смысл этого урока сводится примерно к следующему: если хочешь быть хорошим, всегда нужно соглашаться с внешним мнением, особенно с мнением авторитетным. Приняв в раннем детстве такое решение, многие мальчики, радуящие родителей и учителей послушанием, не могут сказать “нет”, когда “старшие товарищи” предлагают им принять участие в краже или изнасиловании, либо просто покурить анаши в школьном туалете. А многие девочки, умиляющие родителей и их знакомых скромностью и покорностью, не могут сказать “нет”, когда взрослые дяди на дорогой машине предлагают им прокатиться на ночь глядя до ближайшего парка...

Кроме того, чувство протеста, все равно сохраняющееся за внешним послушанием ребенка, рвется наружу и ищет выход в неадекватных действиях и поступках. Именно такие дети долгое время *не желают*, как часто считают взрослые, а на самом деле *не могут* правильно пользоваться горшком, используя свои экскременты в качестве средства выражения протеста и агрессии. В более зрелом возрасте протест может принимать форму асоциального и, более того, преступного поведения.

Наверное, уже понятно и то, откуда берутся разбитые чашки, вазы и носы. Беря в руки дорогую и хрупкую вещь, ребенок пытается, во-первых, выяснить, что же на самом деле она собой представляет. На что годится? Стоит ли ее присваивать? Во-вторых, выпуская из рук вазу из английского фарфора, разумеется, таким образом, чтобы она упала на паркет, а не на мягкую подушку, малыш не только продолжает исследовать ее свойства, но и наблюдает, что вообще произойдет в жизни, если перестать *удерживать* данный предмет, то есть *отпустить, отдать* его.

Если в этот момент в комнату ворвется бабушка с веником и вместо того, чтобы использовать веник по назначению, то есть убрать осколки, “приласкает” им любимую внучку, то весьма возможно, что урок, который извлечет девочка из полученного опыта, будет звучать примерно так: “Уж если что-то попало к тебе, то ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не следует выпускать это из рук!” Вы никогда не сталкивались с людьми, руководствующимися в жизни подобными принципами? И как впечатление?

А что произойдет, если, войдя в комнату сына и увидев подаренную полчаса назад дорогую машину, превратившуюся (в который раз!) в груды “запчастей”, папа потеряет терпение, топнет ногой и даст звучный шлепок? Чему он тем самым научит ребенка?

Бережному отношению к своим вещам? А может быть, тому, что ребенок не имеет права распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению, в том числе опять-таки отдавать ее или, скажем, дарить? Может быть, урок, который извлечет мальчик, прозвучит примерно так: “Все, к чему я прикасаюсь, неминуемо превращается в ни на что не годный хлам”. Не отсюда ли берутся впоследствии многие мужские проблемы — от неспособности забить гвоздь до импотенции?

Что со всем этим делать?

“Но что же делать?” — спросите вы. Потакать всем детским капризам? Самим перебить в доме все, что бьется? Просто ни на что не обращать внимания?

Ответ вполне очевиден: конечно же, нет. Разумеется, универсальных рецептов на все случаи жизни не даст никто. Но я твердо верю, что, зная истинные причины поведения ребенка, доверившись своей спонтанности и креативности (способности творить и создавать нечто новое), запасшись толикой терпения и вооружившись здравым смыслом, каждая семья, в которой люди по-настоящему любят друг друга такими, какие они есть на самом деле, способна найти оптимальное решение, отвечающее уникальности данной семьи и конкретным условиям, в которых она живет.

Вместе с тем, я хочу поделиться кое-какими соображениями и привести некоторые примеры эффективного и полезного для *всей* семьи поведения взрослых.

В каких случаях в ответ на категорический отказ ребенка от чего-то или не менее категоричное требование стоит пойти ему навстречу, а когда нужно проявить твердость и настоять на своем? Мы договорились исходить из того, что во всех своих притязаниях и отказах ребенок не руководствуется соображениями злой воли и желанием причинить вред себе или окружающим. Поэтому все его “нет”, как и все его “хочу”, заслуживают нашего внимания и по возможности беспристрастного рассмотрения.

Проделайте такую работу. Обязательно вдвоем: во-первых, тем самым вы добьетесь большей объективности. Во-вторых, что очень важно для всего процесса семейного воспитания, сможете выработать единую позицию. В-третьих, вместе легче преодолевать возникающие “затыки”. В-четвертых, вы сможете разделить ответственность и время каждого из вас в соответствии с принятым решением.

Итак, начнем. Прежде всего целесообразно придерживаться стратегии, асимметричной стратегии ребенка. Если по изложенным выше причинам ребенок в этот период жизни строит свое взаимодействие с другими в логике “нет”, то взрослым имеет смысл исходить из логики “да”. Чтобы пояснить эту мысль, позволю себе небольшое отступление.

И как психотерапевту, и как социальному психологу, мне часто приходилось и приходится иметь дело с неспособностью людей по тем или иным причинам эффективно противостоять социальному давлению, проявлять твердость и жестко отстаивать свои интересы в ситуации манипулирования и т.п. То же самое часто приходилось слышать и от многих коллег. Не случайно неизменной популярностью пользуются тренинги самых разнообразных жанров, затрагивающие тему, которую условно можно обозначить “Как сказать “нет””. Одновременно бросается в глаза обстоятельство, на первый взгляд прямо противоречащее только что сказанному. Многие представители самых разных возрастных и профессиональных категорий — от студентов, изучающих психологию, до менеджеров и бизнесменов “кому за 30” — в ходе многих экспериментов (ролевых и организационных игр, тестов на спонтанность, опросов и т.д.) демонстрируют выраженную тенденцию к конкуренции и конфронтации в ситуациях социального взаимодействия, в ущерб сотрудничеству даже тогда, когда последнее не только возможно, но объективно является единственным средством удовлетворения собственных интересов. То есть предпочитают априорно, без внимательного изучения альтернатив действовать в логике “нет”. Весьма вероятно, что данный стереотип поведения является компенсацией психологических трудностей, возникающих при необходимости сказать “нет” в тех случаях, когда это объективно диктуется реальными обстоятельствами. Такое поведение само по себе с очевидностью может создавать проблемы. Не зря в последнее время наряду с упомянутыми тренингами, обучающими людей уверенно и твердо говорить “нет”, появились программы, не меньшее внимание уделяющие способности уверенно и ответственно говорить “да”. А теперь, имея все это в виду, вернемся к детским “нет”.

Выпишите на лист бумаги все наиболее типичные случаи, когда в ответ на свое требование вы получаете отказ. Прочитайте внимательно то, что у вас получилось. Прежде всего подумайте: а почему, собственно, в каждом конкретном случае вы хотите, чтобы ваш ребенок вел себя именно так, а не иначе? Чем вы на самом деле руководствуетесь, выдвигая то или иное требование? Заботой о безопасности малыша? О его здоровье? Может быть, мнением вашей матери или соседей? Просто своими желаниями (между прочим, вы имеете на них

право)? Может быть, вы делаете это потому, что вам так удобно (а это тоже немаловажно)? Повторю то, к чему уже не раз призывал вас: будьте честны перед собой, отвечая на эти вопросы. От этого (поверьте, я не преувеличиваю!) зависит судьба ваших детей. Отдайте себе и друг другу отчет в том, что по каким-то причинам, быть может, кажется вам неприятным или некрасивым. Помните: вы не на заседании родительского комитета и даже не на приеме у психоаналитика. Вы у себя дома. В своей семье. Прочитайте список еще раз. Какие “нет” вашего ребенка вызывают у вас наиболее сильную эмоциональную реакцию: неприятие, страх, возмущение? Остановитесь на таких моментах особо. Похоже, что именно тут дело не в объективной ситуации, а в ваших личностных особенностях и, быть может, даже проблемах. Обсудите это друг с другом.

Теперь сделаем следующий шаг. Сейчас, более или менее выяснив причины поведения ребенка, проанализировав наши собственные мотивы и по возможности объективно оценив реальные обстоятельства каждой типичной ситуации, мы можем сделать реальный выбор и принять ответственное решение: когда следует пойти навстречу ребенку, а когда настоять на своем.

Осталось договориться о том, как конкретно, какими, так сказать, техническими средствами реализовывать принятые решения и кто из супругов возьмет на себя ту или иную конкретную часть этой работы. При этом полезно иметь в виду, что многие детские “нет” при гибком, спонтанном и творческом подходе взрослых как бы взаимно поглощают друг друга и позволяют родителям добиться своего, сохраняя полное уважение к мнению ребенка. Ну, например, до боли знакомая мамам проблема с едой. Во многих семьях она превращается в подлинный кошмар. С другой стороны, как я уже говорил, на рассматриваемом этапе жизни ребенка даже предложение погулять встречает протест по той единственной причине, что оно исходит извне. Теперь представим, что вы предложили сыну или дочери пойти на улицу, вместо того чтобы давиться ненавистной кашей. Как, на ваш взгляд, он или она отреагирует? Услышите ли вы в ответ набившее оскомину “нет”? Позвольте еще один вопрос. Будет ли каша столь же отвратительной после часа, проведенного на свежем воздухе? Особенно если ваш ребенок уже овладел способностью активно двигаться? При таком подходе вы вместе с вашим ребенком достигаете взаимного выигрыша. Вы добиваетесь своего без ненужной нервоотрепки, экономя при этом время, которое другие родители тратят в аналогичных ситуациях на разговоры и уговоры, угрозы и умасливания. Ребенок тоже добивается своего, тем самым проявляя собственную автономию и получая от этого удовольствие!

Для того чтобы делать эти маленькие “фокусы”, здорово облегчающие жизнь, вам необходимы две вещи. Во-первых, способность и желание на какое-то время встать на точку зрения вашего малыша, чтобы понять, что, с его точки зрения, является наибольшим “злом”. Тогда вы сможете если не в любой ситуации, то достаточно часто предлагать ему *выбор* между “злом” крупным и “злом” минимальным, которое в такой ситуации перестает быть “злом” и выступает как желанное избавление. Во-вторых, вам придется отказаться от догм и правил, когда-то и почему-то вами усвоенных. Имейте в виду, что самые хорошие и проверенные правила были придуманы людьми. *Другими* людьми. Ваша же семья — это ваша семья, и ваши дети — это ваши дети. Не бойтесь экспериментов. Любой вменяемый врач-педиатр скажет вам, что с точки зрения здоровья и нормального физического развития ребенка абсолютно все равно, будет он завтракать в 8.00 или в 9.30. Будет он спать после обеда с двух до четырех или же с трех до пяти. От себя я бы даже добавил, что в этом смысле все равно, будет ли он вообще спать днем, но боюсь прослыть радикалом.

Все сказанное о работе над детским “нет” в равной степени относится и к тому, что делать с детским “хочу”.

Продельвая всю эту непростую работу, ни в коем случае не забывайте о себе. О своих привычках и потребностях. Как я уже сказал, вы имеете на них полное право. И, повторюсь, плюньте на авторитеты и мнение соседей. Доверьтесь собственному здравому смыслу.

В свое время одна женщина, прекрасная мать двоих замечательных детей, рассказала мне, как, живя в Западной Европе, она была шокирована тем, что родители там позволяют своим детям залезать на обеденный стол прямо в обуви. Всякий раз, принимая гостей, она испытывала затруднения, не зная, как поступить, когда начиналась детская возня на столе. Не знаю, как вы, а я, например, категорически не желаю обнаружить в своей тарелке с супом шнурки от кроссовок своего обожаемого чада, не говоря уже о носках его приятеля. И не имеет значения, где это происходит — в Москве, Берлине, Париже или Лондоне! Даже тот факт, что улицы “у них” убирают лучше и с экологией дело обстоит намного благополучнее, не убедит меня в обратном! Это тот самый случай, когда взрослые должны настоять на том, чтобы с их мнением в *их доме безусловно* считались, вне зависимости от того, что там принято у соседей,

какими бы достойными и замечательными людьми они ни были. Это один момент. С другой стороны, с точки зрения свободного от предрассудков здравого смысла, мне совершенно очевидно, что если двухлетний ребенок на протяжении целого дня ни разу не изъявил желания залезть на стол, под стол или в шкаф, то скорее всего, у него температура или болит живот.

Я сказал, что взрослые должны настоять на том, чтобы с их мнением безусловно считались. Теперь несколько слов о *возможных* способах настоять на своем в тех случаях, когда это *действительно* необходимо.

Дело сильно облегчается тем, что после полутора лет малыш уже в состоянии понять смысл целых предложений о событиях и явлениях, часто повторяющихся в его жизни. К двум годам он может воспринимать несложный сюжет на картинке и отвечать на вопрос: “Кто здесь нарисован?” и “Что происходит?”.

Таким образом, взрослые получают возможность не просто на чем-то настаивать, но и объяснять, почему они это делают. Наберитесь терпения и будьте настойчивы. Разговаривая с ребенком, обязательно займите такое положение, чтобы его глаза были на одном уровне с вашими. Начав ходить и научившись прямо держать свое тело, ребенок, как ни парадоксально это выглядит на первый взгляд, начинает острее ощущать свою уязвимость и зависимость в силу того, что получает возможность реально сравнивать размер и пропорции своего тела с телом взрослого человека. Поэтому очень важно донести до ребенка, что в каких-то вопросах он должен подчиняться вам не потому, что вы больше и сильнее, а потому, что вы любите его и заботитесь о нем. Важно, чтобы он воспринял подчинение не как ущемление его свободной воли, а как возможность использовать для собственного блага ваш опыт, ваши знания, ваши возможности. В этом случае подчинение воле родителей не снижает самоуважения, а наоборот, подкрепляет его. Ребенок убеждается в том, что он может контролировать свое тело и свою жизнь не только через способность настоять на своем, но и через способность принять чужую точку зрения. Он может что-то отдавать миру, не только выпуская чашку из рук, но и отдавая родителям какую-то часть контроля над своей жизнью.

Разумеется, не все можно объяснить маленькому человеку исключительно словами. Тут на помощь придут рисунки. Например, запрещая ребенку играть на кухне с острыми предметами, можно нарисовать картинку, изображающую, что происходит с детьми, нарушающими такой запрет. В любом случае, настаивая на чем-то, будьте терпеливы, тверды и последовательны. И обязательно убедитесь, что вы услышаны и поняты.

Коротко о преступлении и наказании

Часто молодые мамы задают вопрос: нужно ли и можно ли наказывать детей в этом возрасте? И если да, то как именно? Вопрос о наказании детей чрезвычайно серьезен. В этой главе мы с вами еще обсудим его подробно. Здесь же замечу: я *абсолютно* убежден, что наказание играет конструктивную роль в том и только в том случае, когда у ребенка совершенно ясно и четко сформировано представление о той или иной норме или правиле поведения, которые он должен соблюдать, и о том, какие именно санкции последуют в случае их невыполнения. Более того, он должен знать, почему именно, исходя из каких соображений и резонов следует подчиняться означенным правилам. Если вы твердо уверены в том, что изложенные принципы применительно к двухгодовалому ребенку соблюдены, то наказание можно использовать. В случае же отсутствия такой уверенности, на мой взгляд, лучше отнестись к факту неповиновения как к сигналу о том, что вы были недостаточно понятны, а может быть, недостаточно тверды и настойчивы, объясняя свои требования сыну или дочери. Я не буду распространяться о том, что наказание, коль скоро оно применяется, не должно быть жестоким или ущемляющим чувство собственного достоинства вашего ребенка. Это вполне очевидно.

Еще раз о том, как адекватно и продуктивно реагировать на “кризисные” ситуации

Теперь поговорим об исследовательской деятельности детей в возрасте до трех лет и о последствиях их научных изысканий для семейного покоя и бюджета. Начнем с уже знакомых нам английского фарфора и богемского стекла.

Вообще-то, уважаемые взрослые, это целиком и полностью ваша ответственность — держать ценные и хрупкие вещи подальше от юного натуралиста. Вы-то, в отличие от него, прекрасно осведомлены об их физических свойствах и рыночной стоимости. Поэтому супруги, выросшие в семьях, где жили кошки или собаки, оказываются гораздо лучше подготовлены к рождению первенца, чем молодые люди, никогда не сталкивавшиеся с проблемой ободранных обоев или изгрызенной обуви. Как видите, домашние животные приносят пользу и с такой неожиданной стороны. Но мы немного отвлеклись...

Как быть, если это все-таки свершилось? Вы вбегаете в комнату, привлеченные неожиданным грохотом, и вместо любимого сервиза видите на полу радужную гору осколков...

Прежде чем что-то сказать или сделать, глубоко вздохните. Подождите еще минуту. Дайте своему сознанию возможность освободиться от самой первой мысли: “Боже! Какой ужас! Я, наверное, сойду с ума, прежде чем он вырастет!”. Весьма возможно, на ее место придет несколько иная мысль: “Боже! Какое счастье, что телевизор был выключен, я услышала и успела вовремя!”. Возможно также, что место отчаяния и гнева займет радость от того, что вы действительно успели вовремя, прежде чем наш исследователь успел потоптаться на радужной куче босыми ногами или засунуть самый красивый осколок себе в рот.

Теперь вы способны воспринять ситуацию такой, как она есть на самом деле. А выглядеть она может примерно следующим образом. Вам пришлось пережить потерю. Быть может, даже трагедию. Не исключено, что вам придется оплакивать свою потерю. Говоря это, я не шучу и не ерничаю. Бывают по-настоящему дорогие вещи. Скажем, как память о ком-то или о чем-то. Это правда, правда жизни. Но это не вся правда. Другая ее часть заключается в том, что не произошло еще более страшного несчастья. А оно могло случиться, не приди вы вовремя. Это во-первых, во-вторых, семейные сцены и детские слезы не вернут к жизни погибшую вещь. Не облегчат вашу боль. Они, в конечном счете, только усилят ее.

Приняв ситуацию такой, как она есть, вы обретаете способность выразить ребенку свое огорчение и недовольство адекватным способом, не пугая и не оскорбляя его. Кстати, то, что крики и шлепки — не самый лучший способ действий, вовсе не означает, что, отказываясь от них, вы должны одновременно отказаться и от своих чувств и под маской беспристрастности скрывать от сына или дочери, насколько вы огорчены, расстроены или разгневаны.

Уберите осколки. Между прочим, если физическое развитие и моторные навыки ребенка позволяют и нет риска получить серьезную травму, обязательно сделайте это вместе с ним. В противном случае пусть он просто присутствует при уборке. Чуть позже спокойно, но настойчиво и твердо дайте ему понять, что он не должен подходить к шкафу, в котором хранятся хрупкие вещи. Как предлагалось выше, используйте рисунки, чтобы объяснить, почему нельзя этого делать.

Дела посудные — по преимуществу женские. Они касаются в первую очередь мам. Теперь перейдем к делам мужским и посмотрим, как ведут себя папы. Мы уже видели, как детская жажда познания иной раз превращает дорогостоящие игрушки в металлический хлам и что из этого выходит.

Итак, я обращаюсь к мужчинам: вы входите в детскую и видите, что ваш роскошный подарок выглядит как бесформенное нагромождение проводов, колес и чего-то не поддающегося идентификации. В углу валяется пульт дистанционного управления. Похоже, его пытались вскрыть, швыряя о стену. В довершение всего трехлетний сын истошно орет, успев рассадить руку в процессе изучения устройства сложного аппарата. Вполне понимаю вашу возможную реакцию. Ведь дело в конце концов не в материальных затратах. Во всяком случае, не только в них. Вы старались, хотели удивить и доставить радость. Вместо этого такое вот отношение и головная боль после работы.

Но давайте попробуем подойти к ситуации по-мужски. Спокойно, без излишних эмоций и скоропалительных выводов.

Прежде всего, коль скоро вы как глава семейства и взрослый ответственный человек считаете возможным делать своему совсем еще крошечному сыну двухсотдолларовые подарки, то это ваше личное дело и ваша же личная ответственность. Я даже не предлагаю выяснять, чем вы руководствовались при этом — двигала ли вами беспредельная любовь к ребенку, или тяга к самоутверждению, намерение продемонстрировать родственникам и знакомым, насколько вы успешный профессионал и заботливый отец, или подсознательное желание самому развлечься на досуге с радиофицированной моделью. Повторяю, в данном случае все это не столь уж важно.

По-настоящему важно, на мой взгляд, другое. Приняв решение сделать такой подарок, вы, опять-таки как мужчина и зрелый человек, должны быть последовательны до конца. Я имею в виду, что, даря что-то кому-то, вы добровольно отказываетесь от всех прав на эту вещь, какой бы ценной она ни была, и целиком передаете их новому владельцу, как бы мал он ни был. Другое дело, как человек разумный, вы должны (а в том, что касается детей, и обязаны) прогнозировать последствия своих действий, в том числе отдаленные.

Я помню случай из моей практики, когда родители трехлетнему (!) мальчишке подарили на день рождения компьютер! Через десять лет они обратились к психологу с жалобой на то, что ребенок чрезмерно увлечен общением с машиной и проводит за ней все свободное время. Интересно, чего ожидал отец мальчика (компьютер, безусловно, мужской подарок): что

малыш будет колоть им орехи или часами сидеть, уставившись в загадочную темноту экрана выключенного монитора?

Но, повторяюсь, уж если решение принято, надо доводить его до логического конца. Следовательно, получив подарок, ребенок должен получить и право распоряжаться им по собственному усмотрению, не спрашивая вашего мнения и разрешения, если он сам этого не желает. Помните, я говорил о том, что семья должна дать ребенку здоровое чувство частной собственности? Оно начинается именно с предмета нашего теперешнего разговора. Кстати сказать, неуклонное соблюдение этого принципа позволит избежать многих конфликтов, если у вас растут двое или больше детей. Я думаю, значительная часть родителей, у которых в семье не один ребенок, могут засвидетельствовать, насколько часто братья и сестры поднимают тарарам в доме, затеявая спор о том, кому возиться с той или иной игрушкой, почему кто-то взял книгу со стола, куда делись фломастеры. Это происходит, как правило, если родители, движимые исключительно благими побуждениями, покупая что-то для детей, говорят им и друг другу: пусть это будет общим. Дети же, не обремененные знанием социалистических учений, в подавляющем большинстве плохо понимают смысл слова “общее”. Для них “общее” чаще всего значит “ничье”. Отсюда взаимное стремление присвоить эту вещь, утвердить свои права на нее. Результат — неизбежное столкновение интересов и, как следствие, крик, слезы, драка, апелляции к родителям. Таким образом, покупая нечто “общее” с целью объединить, сплотить брата с сестрой, на самом деле мы сталкиваем их лбами. В семьях же, где каждую вещь, каждую игрушку покупают конкретно кому-то (при этом, естественно, необходимо соблюдать баланс интересов, чтобы ни один ребенок не чувствовал себя обделенным), такого, как правило, не происходит. Более того, поскольку у вещи есть владелец, естественно и нисколько не унижительно спросить у него разрешения, коль скоро возникло желание или необходимость данной вещью воспользоваться. Как правило, такое обращение одного ребенка к другому не встречает немотивированного, “из вредности” отказа. Именно так братья и сестры учатся взаимному уважению и получают опыт нормального делового взаимодействия между людьми.

Однако вернемся в нашу детскую. Начнем с уже известного простого приема: глубоко вдохнем и выдохнем. Дождемся (уверяю, ждать придется очень недолго), пока на место первой мысли: “О черт, какой бедлам!” придет другая, что-то вроде: “Боже мой, у него действительно сильно идет кровь! Что с ним?”. В этом случае первым и естественным нашим делом будет успокоить ребенка и осмотреть рану. Я призываю всех пап: не обращайтесь в такой ситуации к супруге. Сделайте все необходимое сами. Поверьте, вы справитесь лучше вашей замечательной жены. И это именно то, что нужно вашему сыну в данный момент.

После того как рана обработана и перевязана, слезы высохли и ребенок успокоился, вернитесь в детскую вместе с ним. Внимательно посмотрите на то, что осталось от вашего подарка. Возможно, у вас снова возникнет чувство досады. Не спешите его выплескивать. Сделайте еще один глубокий вдох и выдох. И быть может, вам в голову придет примерно такая мысль: “Какой все-таки любознательный и сообразительный растет у меня парнишка! Надо же, в три-то года умудриться раскрутить до винтика такую сложную вещь!”. Поделитесь этой мыслью со своим сыном. Посмотрите на его реакцию. Уверен, вы получите такое вознаграждение за все материальные и моральные потери, о каком и не мечтали, затеявая всю эту историю! Может быть, вам захочется сказать что-то вроде: “Ты здорово потрудился над тем, чтобы разобрать машину на детали. Теперь давай посмотрим вместе, сможем ли мы ее восстановить?”.

Разумеется, все сказанное не является панацеей и рецептом на все случаи жизни. Вы и ваша семья уникальны. Творите и экспериментируйте. Главное — все время помнить, что стадия развития ребенка от года до трех лет “...становится решающей для установления соотношения между доброй волей и полным ненависти самоутверждением, между корпоративностью и своеволием, между самовыражением и компульсивным самоограничением или смиренной угодливостью”².

“Как тебе не стыдно реветь?

Ты уже большая девочка!”,

или “Мужчины не плачут!”

К сожалению, многие взрослые люди не дают себе труда задуматься об этом. Более того, исповедуя принцип любви “по милу хорош” по отношению друг к другу и к детям, некоторые родители совершенно не желают видеть и, соответственно, считаться с тем, каков их ребенок на самом деле. Они игнорируют его потребности и прилагают массу усилий к тому, чтобы подогнать маленького человека под мерки, продиктованные идеальным образом, придуманным ими самими, их собственными родителями или другими людьми, мнение которых представляется авторитетным и важным. Очень часто такие семьи обращаются за помощью к

психологам, декларируя, что “с ребенком много проблем, с ним что-то не в порядке”. В переводе на ясный человеческий язык подобный запрос выглядит примерно следующим образом: “Мне не нравится мой сын (дочь) таким, какой он есть! Будьте добры, переделайте его”. Между прочим, Вирджиния Сатир рассматривала подобные телодвижения родителей, столкнувшихся с проблемной ситуацией, как неосознанный поиск “слабого звена” в семейной системе. То есть “назначение” ребенка ответственным за дисфункции семейной жизни, причины которых могут лежать в области не детско-родительских, а супружеских отношений. Она ввела даже специальный термин для обозначения такого ребенка в семейной терапии — “идентифицированный пациент”. Естественно, такая тактика не только травматична для ребенка, но и разрушительна для семьи в целом, поскольку уводит ее членов в сторону от поиска решения подлинных проблем во взаимоотношениях. Вообще говоря, визит к семейному терапевту в подобной ситуации может оказаться наиболее продуктивным действием, поскольку умение отделять “мух от супа”, сиречь “идентифицированного пациента” от ребенка, у которого действительно есть личностные проблемы или проблемы развития, — непосредственная задача такого специалиста.

Но обращение к терапевту — это обычно следующий шаг. А сначала родители (чаще всего мамы) предпочитают действовать самостоятельно. И здесь кроется источник многих бед. Если бы люди не были столь самонадеянны и обращались за помощью, пока печень еще цела и “Боржом” пить полезно! Однако оставим бесплодные сетования, лучше посмотрим, как действуют мамы и к чему это приводит.

С ростом в нашем обществе интереса к религии, психологической литературе и жизненному укладу цивилизованных стран большинство родителей отвергают физические наказания как систему воспитания. Поэтому для подавления попыток ребенка бороться за свою автономию и проявлять свободную волю сплошь и рядом используются “гуманные” методы, не связанные с рукоприкладством. Я бы выделил три наиболее распространенных способа “цивилизованного” подавления детской индивидуальности. Первый, в каком-то смысле наиболее опасный и, увы, едва ли не наиболее распространенный в нашей культуре — пристыдить и тем самым индуцировать чувство вины (“Как тебе не стыдно плакать, ты уже большая девочка!”; “Как тебе не стыдно! Ты мужчина, а настоящие мужчины не плачут!”). Второй способ — угрозы и запугивание (“Будешь себя плохо вести, отдам тебя вон тому незнакомому дяде!”). И, наконец, третий — подкуп или шантаж, два разных проявления одной и той же модели поведения (“Если скушаешь кашу, я дам тебе твою любимую конфету!”).

Начнем со стыда и следующего за ним чувства вины. Я не случайно отметил популярность такого способа воздействия на ребенка именно у нас, в России. На мой взгляд, это связано с упрощенным, точнее, совершенно неверным пониманием духовной традиции. Среди склонных к богоискательству представителей интеллигенции, а также некоторых людей, считающих себя церковными и православными, распространена убежденность, что стыд и вина есть проявление нравственного начала в человеческой душе, так сказать, “голос совести”. Не случайно Вл. Соловьев “счел возможным усмотреть в стыде эмпирическую основу моральной жизни”³.

В современной психологической науке весьма распространенным является взгляд на стыд как на

“инфантильную эмоцию, явно недостаточно изученную из-за того, что в нашей цивилизации она так рано и так легко поглощается виной. Стыд предполагает осознание того, что некто полностью разоблачен, раскрыт, что на него смотрят... Некто виден, но не готов к тому, чтобы быть видимым; вот почему в снах о стыде на нас смотрят тогда, когда мы не полностью одеты, в ночной рубашке, “со спущенными штанами”⁴.

Возможно, кто-то из уважаемых читателей в этом месте испытает прилив раздражения и скепсиса в адрес “бездуховного западничества” и “примитивного психоанализа”, во всем ищущего явные и неявные сексуальные мотивы. Но давайте не будем спешить с выводами и ярлыками и попробуем разобраться спокойно.

В этом смысле стереотипная формула “как тебе не стыдно делать то-то и то-то, ты уже большой (большая)” очень характерна. Ведь ребенку, согласно нашим культурным архетипам, до определенного возраста нечего стыдиться своего обнаженного тела. Вот если ты уже большой — то тогда... Хотя, если быть последовательным, и тогда стыдиться скорее следовало бы не тому, кого застали в комнате в момент переодевания, а тому, кто вошел без стука! Между прочим, многие родители именно так входят в комнаты своих уже взрослых детей. Одна молодая женщина как-то рассказала мне, как ее отец однажды вошел в комнату в момент, когда они с мужем занимались сексом! Дело происходило днем. А папа, которому что-то

понадобилось, был, видите ли, убежден, что мужчину и женщину можно застать в постели исключительно на ночь глядя. Но я немного увлекся...

Как уже сказано, ребенку, которому только-только миновал год, не стыдно быть голым. Более того, ему вообще нечего стыдиться. Ведь он, повторюсь, еще не научился ни обманывать, ни лгать, ни лжесвидетельствовать. У него еще нет и не может быть сознательного намерения причинять кому-то вред. Следовательно, лукавят и лгут родители, когда стыдят свое дитя. Смысл этого действия на самом деле состоит в том, чтобы через стыд индуцировать чувство вины. Каждый из нас знает из собственного жизненного опыта, насколько это дискомфортное, гложущее душу чувство. В результате у ребенка на уровне “стимул — реакция” складывается четкий ассоциативный ряд: если я сделаю это или поступлю так, то мне будет очень плохо. Как видим, применительно к данной ситуации за рассуждениями о “духовности”, “нравственности” и бытовым морализаторством скрывается бихевиоральный (поведенческий) тренинг или, если хотите, дрессировка в самом примитивном, я бы сказал, даже патологическом варианте.

Патологическом постольку, поскольку чувство вины, по моему глубочайшему убеждению, представляет собой абсолютно деструктивную эмоцию и имеет такое же отношение к нравственному началу в человеческой душе и пресловутому “голосу совести”, как боль, причиняемая садистом, к необходимости удалить воспаленный аппендикс. Мне уже неоднократно приходилось отмечать, что *совесть есть голос духа, Божественного начала в человеческой душе*. Если мы и испытываем дискомфорт от ее проявлений, то это свидетельство борьбы духовно здоровой части нашей личности с поселившейся в душе своего рода инфекцией — грехом. Это боль, причиняемая врачом в процессе исцеления. Совесть толкает нас к раскаянию в несправедном поступке. А раскаяние — к тому, чтобы исправить причиненное зло, насколько это в наших силах, или, по крайней мере, покаяться в нем перед Богом и людьми. *Чувство же вины — это бесконечное самокопание без покаяния*. Это поиск в нашем прошлом новых и новых подтверждений того, что с нами что-то не так. Оно, как правило, толкает людей на новые проступки и преступления, поскольку вывод, к которому приходит человек в результате такого самокопания, можно сформулировать примерно следующим образом: “Я все равно не способен ни на что хорошее. Всю свою жизнь я делаю что-то не то”. Если, придя к такому умозаключению, индивид не решает избавить мир от своего присутствия, он начинает либо мстить, либо просто оставляет все как есть, иными словами, будет продолжать отравлять жизнь себе и другим. Это о чувстве вины вообще.

Применительно же к детям оно носит вдвойне патологический и деструктивный характер. Годовалому ребенку нечего стыдиться, и он не может быть ни в чем виноват! Ведь о вине индивида в объективном, юридическом, так сказать смысле, может идти речь только в том случае, если он сознательно нарушил какие-то взятые на себя обязательства или установленные правила. Вспомните мое замечание о наказании. Но ребенок в этом возрасте еще не принял на себя обязательств. Он не знаком с правилами. И все его действия, как мы уже видели, на этом этапе определяются объективными потребностями его развития. Получается, вина ребенка в том, что он такой, какой он есть, что он растет и формируется как личность!

Именно такой урок дают своим детям любители “пристыдить”. Малыш приходит к выводу, что с ним “не все в порядке”. Отсюда — низкая самооценка. Он быстро учится тому, что нельзя показывать окружающим не только определенные части тела, но и свои чувства, эмоции, желания. Это “стыдно”! Отсюда возникает проблема взрослых, которую очень точно сформулировал герой моего любимого телесериала, по-настоящему человечный и потому по-настоящему обаятельный инопланетянин Гордон Шамуи (Альф): “Похоже, на этой планете никто не говорит о том, что он думает на самом деле”. Мало того, ребенок учится, что стыдно не только показывать другим, но даже иметь внутри себя определенные чувства и эмоции. Так формируется тип личности, который принято называть истерическим.

Типичная реакция малыша, подвергнувшегося “воспитанию” стыдом, — спрятаться, убежать. Очень часто она проявляется в том, что дети закрывают лицо руками.

“Если ребенка слишком много стыдят, это приводит к возникновению у него не чувства пристойности, а тайного стремления постараться убраться вон со всем тем, что имеешь, пока тебя не видят, если, конечно, результатом не окажется нарочитое бесстыдство”⁵.

В подростковом возрасте это тайное стремление может реализовываться буквально — в виде побегов из дома или опосредованно — через участие в неформальных, зачастую асоциальных молодежных группировках. У более старших людей оно часто проявляется в форме бегства в наркотики или алкоголизм. При этом скрытым мотивом, стоящим за таким поведением, нередко выступает неосознанная тяга к самоубийству через саморазрушение. То есть человек подсознательно приговаривает себя за свои “несовершенства”, за то, что “стыдно”

жить среди людей таким, какой он есть. Проще действовать в соответствии с принципом: “Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас”.

Известны и случаи, когда индуцирование родителями стыда и вины в возрасте 1—3 лет приводит к “нарочитому бесстыдству” в детях. Великолепный пример такого поведения приводит уже упоминавшийся доктор Добсон. Он рассказывает историю десятилетнего мальчика по имени Роберт, угрожавшего матери и другим взрослым (и осуществлявшего свои угрозы) раздеться догола в публичном месте, если не будет выполнено то или иное его требование или желание. Данный случай интересен еще и потому, что помимо нарочитого бесстыдства Роберт использовал и оба других упомянутых мною способа деструктивного поведения — угрозу и шантаж. Всему этому мальчик, безусловно, научился в более раннем возрасте у своих родителей. Не имея возможности достичь взаимодействия с родителями, Роберт усвоил у них науку завоевывать власть над другими людьми, используя те способы, которыми отец и мать демонстрировали собственную власть, подавляя его, когда он был совсем маленьким.

Здесь я хочу остановиться еще на одном глубинном источнике, порождающем столь деструктивное поведение многих взрослых по отношению к собственным детям. Причина эта — страх. Мы с вами уже рассмотрели типичную риторическую фигуру, характерную для стремления индуцировать чувство стыда и вины, и отметили присутствующее в ней искусственное завышение возраста ребенка как неперемное условие генерирования упомянутых чувств. Но та же самая фраза, содержащая утрированное повышение возрастной планки, работает и в обратную сторону. Она обеспечивает псевдореалистическую подпитку архаичных страхов, живущих в бессознательном родителей и активизирующихся в такие моменты. Попросту говоря, маленькая девочка в реальной жизни может плакать по совершенно пустяковому поводу и вовсе без повода точно так же, как она может в какие-то моменты представлять без одежды перед другими людьми без ущерба для общественной нравственности. И, следовательно, не давать взрослым легитимного повода для вмешательства и оценки происходящего. Однако архетип плачущего ребенка сам по себе, вне реального контекста ситуации, затрагивает крайне чувствительные струны в душе очень многих людей, активизирует архаичные страхи, связанные с личностной историей и историей человечества вообще. В этом смысле очень показательна, на мой взгляд, избитая фраза Ф.М. Достоевского о том, что все блага мира не стоят единой детской слезинки. Характерно, что, будучи глубоко религиозным человеком, Федор Михайлович в своем обобщении принял “слезинку” как неперемный атрибут страдания, проигнорировав возможность появления этой самой “слезинки” в глазах ребенка, пребывающего, скажем, в состоянии умиления во время молитвы.

Активизация страхов в родительской душе порождает состояние дискомфорта и стимулирует действия, направленные на устранение внешнего источника такого дискомфорта — попросту говоря, на прекращение детского плача. Искусственное же повышение возраста ребенка на подсознательном уровне создает, так сказать, “правовое поле” для подобного рода вмешательства. Если маленькая девочка может плакать по пустякам, а то и вовсе без особого повода, то для слез “большой девочки” (читай: взрослого человека), согласно обыденным представлениям, должна быть веская причина. Должно произойти нечто действительно болезненное или даже страшное, оправдывающее родительскую активность.

В этом смысле еще более показательным является сакраментальное: “Настоящие мужчины не плачут!”, адресуемое мальчикам. Заметьте, что здесь отсутствует даже апелляция к искусственно завышенному возрасту. Мальчик по определению лишается права на выражение соответствующих чувств едва ли не с пеленок! При взгляде со стороны в глаза бросаются сразу два уровня абсурда, заключенных в этой идиоме. Во-первых, *настоящие* мужчины как раз плачут именно по причине того, что они настоящие (разумеется, речь идет не об истерике в мужском исполнении). Не плачет Терминатор — как раз в силу своей “ненастоящести”, искусственности в буквальном смысле слова. Во-вторых, маленький мальчик пока еще не является мужчиной по закону природы, и любая попытка искусственно сделать его таковым раньше времени с неизбежностью приводит к утрате настоящего мальчика и появлению ненастоящего, в смысле неполноценного, мужчины.

Такое положение вещей обусловлено тем, что мужчины объективно — и в силу природных особенностей, и в силу специфики социального научения — как правило, по сравнению с женщинами более толерантны к боли как физической, так и душевной. И, следовательно, чтобы довести мужчину до слез, требуются более веские причины. Как метко заметила известный психотерапевт Елена Лопухина: “Одна мужская слезинка стоит тысячи женских слез”. Естественно, что вид плачущего мальчика, как правило, действует на родителей сильнее, чем вид плачущей девочки, и толкает их к еще более деструктивным действиям в

стремлении избавиться от собственного дискомфорта. За обращенной к ребенку фразой: “Как тебе не стыдно, настоящие мужчины не плачут!” скрывается подтекст, провоцирующий возникновение на бессознательном уровне не только чувства стыда, но и страха. Страх утраты мужской идентичности или, если использовать психоаналитические термины, страха кастрации*.

Эрик Эриксон выделяет еще одну устойчивую инфантильную эмоцию, формирующуюся у ребенка, не имеющего возможности проявлять свою автономию и исследовать мир. Речь идет о сомнении:

“Сомнение — родной брат стыда. Если стыд зависит от сознания своей прямоты и открытости, то сомнение имеет дело с сознанием того, что ты имеешь лицевую и оборотную стороны (перед и зад), и особенно того, как ты выглядишь со спины, то есть за пределами видимости”⁶.

В последующем такое тотальное сомнение, сформированное до трех лет, может не только проявляться в форме мнительности и нерешительности, но и привести к параноидальным страхам. Сомнение часто является результатом стремления взрослых к тому, чтобы ребенок “все делал правильно”. И урок, усваиваемый малышом в результате этих стараний, выглядит следующим образом: “Чтобы быть хорошим, я не должен ошибаться”. Такие дети впоследствии нередко становятся очень старательными, аккуратными и радуют мам и бабушек успехами в школе. Проблемы возникают позже. Например, многие девочки-отличницы в старших классах школы, а затем в институте приобретают сомнительную славу “синих чулков”. Хуже того, зачастую, имея вполне привлекательные внешние данные, они со временем превращаются в старых дев. Усвоив в раннем детстве запрет на ошибку, они всю жизнь выбирают из знакомых мужчин самого-самого. Этот процесс выбора, в действительности позволяющий избежать принятия на себя ответственности за решение, отношения и риск ошибиться под вполне благовидным предлогом, что “замужество и вообще отношения — дело серьезное”, может продолжаться год, два, десять и так до тех пор, пока поезд не уйдет.

Заканчивая разговор о развитии личности и роли семейного воспитания в возрасте от одного до трех лет, я бы хотел ненадолго вернуться к сказанному в предыдущей главе. Если вы помните, мы обратили внимание на одно обстоятельство: уже в очень раннем возрасте младенец начинает “потреблять” и “присваивать” не только материнское молоко, но и то, что происходит вокруг него, что он видит и слышит. Это касается как взаимодействия родителей непосредственно с ребенком, так и друг с другом. Еще большее значение обретает данный аспект в период формирования автономии личности. Ведь ребенок, овладевая речью и обретая все большую физическую подвижность, получает возможность глубже и глубже воспринимать отношения взрослых. Он становится все более активным членом семьи. К концу третьего года жизни человек начинает воспринимать правила и нормы, по которым живет его семья, ее стиль жизни.

“Как показывают последние сравнительные исследования, характер и степень чувства автономии, которые родители могут сформировать у своего малыша, зависят от их чувства собственного достоинства и личностной независимости. [...] Для ребенка не столь важны наши отдельные поступки, его в первую очередь волнует наша жизненная позиция: живем ли мы как любящие, помогающие друг другу и твердые в своих убеждениях люди или что-то делает нас злыми, тревожными, внутренне раздвоенными”⁷.

Итак, главная проблема, которую необходимо решить ребенку в период жизни от одного до трех лет, — это формирование личностной автономии, антитезой которой являются сомнение и стыд. Полученный результат во многом определяет всю последующую судьбу человека. Если малыш с помощью родителей успешно справился с задачей, он получает поистине бесценный дар — “мужество быть независимым индивидом, который сам может выбирать и строить свое будущее”⁸.

“Штурм и натиск” — проявления детской инициативы и ее влияние на жизнь семьи

Как только формирование автономии завершено, ребенок начинает активно пользоваться ею, проявляя инициативу. Этому способствуют развившиеся моторные навыки, обретенная возможность свободно общаться с окружающими и пробудившееся воображение, позволяющее в играх и фантазиях быть тем, кем в реальности маленький человек быть пока не может. Такой опыт и завораживает и пугает одновременно.

Во внешней жизни и жизни семьи инициатива ребенка ярко проявляется в том, что в советской возрастной психологии было принято называть кризисом трех лет или кризисом “я сам”. “Я сам” становится фразой, во многом определяющей поведение, пришедшей на смену “хочу” и “нет”. Проблемой для родителей в этот период является не только то, что ребенок

настойчиво пытается перепробовать решительно все, включая вещи, объективно ему недоступные или опасные, но и то, что его становится “чересчур много”, он стремится заполнить собой весь мир, пытаясь вторгаться даже в интимную жизнь взрослых.

Не случайно Э. Эриксон выделял так называемый “модус вторжения” как доминирующий в детском поведении на данной стадии развития. Означенный “модус” включает в себя: “(1) вторжение в пространство с помощью активных движений; (2) вхождение в неизвестное с помощью всепоглощающей любознательности; (3) “влезание” в уши и головы других людей своими криками и воплями; (4) физическую атаку в отношении других людей; (5) а также первые пугающие мысли о том, чтобы ввести фаллос в женское тело”⁹. Лично я, правда, не считаю, что последний пункт присутствует у ребенка данного возраста в ясном и оформленном виде. Но об этом чуть позже.

В любом случае бесспорно одно: неумная детская инициатива, подкрепленная бешеной энергией, создает немало трудностей даже для самых любящих, внутренне свободных и творческих родителей. Надо как-то перестраивать жизнь таким образом, чтобы сын или дочь не сделали вывод, что “всякая инициатива наказуема”, и в то же время не позволить им экспериментировать с электрическими ножами и оккупировать все наше личное время и пространство.

Стоящая перед нами задача сильно облегчается тем, что в три года (а тем паче в более старшем возрасте) ребенок уже достаточно развит для того, чтобы с ним можно было *разговаривать и договариваться*. Помните, мы говорили о контракте между супругами? Пришла пора заключить первый контракт между родителями и детьми. Однако любые переговоры требуют предварительной подготовки.

Подготовка к переговорам.

К какому типу личности принадлежит ваш ребенок?

Итак, с чего начать? Как и в случае, когда мы впервые столкнулись с борьбой ребенка за свою автономию, на мой взгляд, необходимо прежде всего понять истинные причины его поведения, особенно тех аспектов, которые вызывают ваше недовольство или беспокойство. Как уже сказано, ведущей потребностью, влияющей на действия ребенка в этом возрасте, является проявление инициативы. Но ее конкретные особенности очень сильно зависят от все больше оформляющейся индивидуальности. В частности, от того, к какому психологическому типу принадлежит ваш сын или дочь. И здесь я хочу сказать несколько слов именно о типологии личности и особенностях каждого типа.

Существует много способов классификации человеческой личности. Я предлагаю вам остановиться на типологии Майерс — Бриггс, базирующейся на учении К.Г. Юнга о психологических типах. На мой взгляд, это наиболее последовательная, простая и в то же время точная система, удобная для использования в повседневной жизни.

Типология Майерс — Бриггс рассматривает четыре пары альтернативных базовых параметров, определяющих личность. Каждый человек появляется на свет с врожденной предрасположенностью к тому или иному параметру. Согласно Юнгу, эти параметры отвечают как генетической заданности, так и тому, в каких условиях ребенок окажется в первые минуты жизни. Его окружение оказывает влияние на то, в каком направлении станут развиваться личностные предрасположенности. В любом случае для нас с вами важно, что к трем годам предрасположенность личности к тому или иному параметру становится достаточно выраженной и влияет на поведение и реакции человека. Кроме того, мы должны иметь в виду, что предрасположенность к какому-либо параметру существует всегда. Однако это не исключает наличия личностных качеств и ресурсов, связанных с альтернативным параметром. Это становится очень понятным на примере праворукости и леворукости. Человек всегда либо правша, либо левша. Вместе с тем, каждый правша в большей или меньшей степени владеет левой рукой. И наоборот. Встречаются люди, способные даже писать, фехтовать или играть в теннис своей “нерабочей” рукой. Точно так же обстоит дело и с альтернативными парами в типологии Майерс — Бриггс. Рассмотрим эти пары подробнее.

Итак, первая из них — экстраверсия (E) — интроверсия (I). Нужно отметить, что, в отличие от наиболее популярной трактовки данных терминов, в интерпретации Майерс — Бриггс речь идет в первую очередь не о том, как человек предпочитает проводить свое время вообще — общаясь с другими или с собой, а как он предпочитает проводить свое *свободное время*. То есть откуда он пополняет свои душевные силы. Где он черпает энергию — во внешних источниках или внутри себя. Например, писатель или физик-теоретик на протяжении очень большой части своей жизни могут пребывать наедине со своими мыслями и быть при

этом выраженными экстравертами, отдыхая от профессиональной деятельности и восстанавливая свои силы и психическую энергию в шумных компаниях.

Различия между экстравертами и интровертами начинают отчетливо проявляться раньше других различий. Помните, мы говорили о грудных младенцах, предпочитающих спать в обществе? Научившись свободно двигаться и общаться, эти дети врываются в личное пространство родителей подобно урагану, постоянно требуя внимания к собственной персоне. Своим бесцеремонным вторжением в родительскую спальню малолетний экстраверт (не путать с малолетним преступником!) способен вывести из себя отца, даже если тот сам выдающийся представитель этого шумного племени. Для матери-интроверта такой ребенок может превратиться просто в ночной кошмар. И не только в ночной. В своем неумном стремлении вовлечь всех и каждого в совместную деятельность даже взрослые-экстраверты часто не задумываются о том, хотят ли этого окружающие. Что уж говорить о трехлетнем ребенке! Естественно, что в общении с другими детьми и большинством взрослых он столь же бесцеремонен, как и с родителями. Это может приводить и, как правило, приводит к непониманию и конфликтам. Мало того, дети-экстраверты очень чувствительны к похвале и остро в ней нуждаются. Даже если их уже похвалили, скажем, за то, что игрушки аккуратно-экстраверта хватит терпения на это. Тем более у родителей-интровертов. Однако игнорирование потребности экстравертированных детей в постоянном одобрении приводит лишь к тому, что они удваивают, утраивают свою активность, становятся еще шумнее и настойчивее и не отстают от родителей до тех пор, пока не получают очередное признание своей значимости. Пусть даже не в виде похвалы, а в форме родительского гнева или неодобрения.

С другой стороны, ребенок-интроверт тоже может доставить немало беспокойства взрослым. Но уже, так сказать, тихой сапой. Объективная и естественная потребность таких детей к уединению, тишине, их немногословность и молчаливость сплошь и рядом внушают тревогу мамам и папам. Подозрения, что с сыном или дочерью что-то не так, что у них что-то болит, что они отстают в развитии от сверстников, и иные гипотезы в том же роде.

Эти апокалиптические мысли заставляют даже родителей-интровертов, которые сами не слишком общительны, развивать бурную деятельность. Без конца приставать к ребенку с вопросом: “Что у тебя болит?”, бесцеремонно вторгаться в его комнату, назойливо пытаться вовлечь его в игру или иную совместную деятельность, наконец, в крайних случаях — таскать по врачам и психологам. Между тем такое постоянное нарушение его границ со стороны взрослых заставляет ребенка-интроверта с удвоенной изобретательностью искать способы оградить себя от назойливых приставаний. Он еще больше замыкается в себе и все менее охотно идет на контакт. Есть прекрасный анекдот, иллюстрирующий проблему такого рода.

В английской королевской семье рождается наследник престола. Родители на седьмом небе. Ребенок растет красивым, крепким, но... не разговаривает. Врачи, светила детской психологии со всего света недоуменно разводят руками. Наступает седьмой день рождения принца. Он сидит во главе стола и неожиданно обращается к дворецкому: “А где же соль?”. Все замирают с открытым ртом. Опомнившись от первого потрясения, родители спрашивают:

— Сынок, почему же ты молчал до сих пор?

— До сих пор все было в порядке, — пожимает плечами мальчик.

Следующая альтернативная пара базовых параметров личности в типологии Майерс — Бриггс — сенсорность (S) — интуитивность (N). Она определяет способ, которым человек собирает необходимую информацию о мире. Согласно Юнгу, это одна из ведущих, определяющих функций человеческой личности. Основное различие между сенсорным и интуитивным типом состоит в том, что первые тщательно изучают детали и конкретные параметры явления, как бы складывают целую картину из отдельных кирпичиков. Вторые, напротив, предпочитают воспринимать картину в целом, окинув ее одним взглядом. Если что-то выпало при этом из поля зрения, то интуитивисту проще и удобнее добавить отсутствующую деталь, используя свое воображение и фантазию, чем снова и снова обращаться к предмету изучения. Можно сказать, что интуитивисты видят лес, сенсорники — отдельные деревья.

Если, например, попросить человека описать какую-либо хорошо ему знакомую комнату, то сенсорик предоставит вам точные и исчерпывающие данные о ее метраже, количестве и размере окон. Он назовет количество стульев, размер и местоположение дивана, порядок размещения картин на стенах, книг на полках и цветов на подоконниках. Интуитивист же может ограничиться сообщением типа “Это спальня” или “Это гостиная” и считать, что тем самым все сказано. При запросе на дополнительную информацию представитель этого типа будет использовать понятия общего характера: большая — маленькая, светлая — темная, уютная — неудобная. С этим связана одна очень типичная сложность, с которой сталкиваются

дети N-типа в школе. Забегая вперед, хочу сказать о ней несколько слов. Многие учителя в обязательном порядке требуют прописывать подробный план сочинения и все формальные шаги решения математического уравнения. Невыполнение этих требований зачастую расценивается как грубая ошибка, со всеми вытекающими... Наверное, у них есть какие-то основания для подобного подхода. Однако ребенком-интуитивистом данные условия обычно воспринимаются не просто как бессмысленные и формальные придирки со стороны учителя, но и как реально и серьезно мешающие выполнению основной задачи. Отсюда стремление их игнорировать, приводящее к конфликтам. Коль скоро об этом зашла речь, позволю себе поделиться собственным видением ситуации. Я бы не стал доказывать такому учителю его некомпетентность в некоторых вопросах. Просто объяснил бы ребенку, что иногда бывает даже полезно в виде тренировки постараться выполнить требования, которые кажутся неудобными и нелогичными. Но сделал бы это без всякого нажима, памятуя о том, что оценка, сниженная за подобные вещи, не имеет ровно никакого отношения ни к литературным, ни к интеллектуальным способностям школьника.

На различиях между сенсориками и интуитивистами зиждется очень много непонимания и конфликтов в мире людей. Они проявляются повсюду — на работе, в личных отношениях и особенно часто в быту. Яркую картину того, как воспринимаются привычки и склонности интуитивиста человеком сенсорного типа, проживающим с ним под одной крышей, дает А. Конан Дойл, устами доктора Ватсона:

“...Когда я вижу, что человек держит свои сигары в ведерке для угля, табак — в носке персидской туфли, а письма, которые ждут ответа, прикалывает перочинным ножом к деревянной доске над камином, мне, право же, начинает казаться, будто я образец всех добродетелей. [...] Комнаты наши были вечно полны странных предметов, связанных с химией или какой-нибудь уголовщиной, и эти реликвии постоянно оказывались в самых неожиданных местах, например, в масленке, а то и в еще менее подходящем месте. Однако больше всего меня мучили бумаги Холмса. Он терпеть не мог уничтожать документы, особенно если они были связаны с делами, в которых он когда-либо принимал участие, но вот разобрать свои бумаги и привести их в порядок — на это у него хватало мужества не чаще одного или двух раз в год”¹⁰.

Отношения родителей и детей — едва ли не самая благодатная почва для такого рода непонимания и конфликтов. В период, когда дети начинают активно проявлять инициативу, эта почва обильно удобряется тем, что ребенок, даже принадлежащий к сенсорному типу, склонен к фантазированию, некоторой беспорядочности и невнимательности. А родители, пусть даже сами они выраженные интуитивисты, испытывают мощный прессинг архаичных представлений о том, что “с младых ногтей” детей следует приучать к порядку и дисциплине. Я не случайно мельком уже упомянул игрушки, которые часто бывают разбросаны тут и там. Дети этого возраста вообще предрасположены к тому, чтобы перевернуть в доме вверх дном все, что только возможно. Проблема заключается в том, что для интуитивного ребенка комната, представляющая собой сцену погрома, воспринимается не безобразной, напоминающей помойку кучей игрушек, мятой одежды, пакетов с недопитым соком и мандариновых корок, но превращенным Хаосом, дающим неограниченные возможности для полета фантазии и проявления инициативы по созданию новых миров. Кроме того, в очень структурированной, упорядоченной обстановке интуитивисты зачастую теряются, начинают чувствовать себя “не в своей тарелке”.

Я не столь беспорядочное существо, как мистер Шерлок Холмс, и потому один-два раза в год меня без постороннего напоминания посещает благочестивая мысль о том, что неплохо бы разобрать свои бумаги и навести хоть какой-то порядок на письменном столе. В тех случаях, когда я заставляю себя совершить такой подвиг, жизнь моментально становится чертовски сложной. В нужный момент под рукой не оказывается ни нужной книги, ни дискеты, ни телефона, ни ручки. Если мое рвение простирается дальше письменного стола и архива, то проблематичным становится вовремя успеть на работу или на важную встречу — с утра (и не только) не найдешь ни часов, ни подходящей рубашки. Про ключи лучше не вспоминать! Какое-то время я честно пытаюсь раньше вставать, запомнить новое местоположение нужных вещей, возвращать их туда, откуда взял. Все это кончается тем, что в один прекрасный момент я с сожалением бросаю взгляд на свой идеальный порядок, делаю глубокий вдох и переворачиваю все вверх дном. Ручки, бумаги, кассеты, пульт от телевизора и даже ключи моментально находятся. Рискну предположить, что подобный мотив присутствует и в действиях ребенка-интуитивиста, устраивающего очередной тарарам.

Сенсорный же ребенок может создавать проблемы своей неумной тягой к тому, чтобы квантифицировать все подряд. Иными словами, разобрать на составные части не только новую игрушку, но и вообще все, что возможно. Его толкает к этому как любознательность, присущая

всем детям такого возраста, так и потребность сенсорной личности в тщательном исследовании деталей всего и вся. В том числе розеток и выключателей, электрических ножей и стиральных машин. Кроме того, сенсорные дети нуждаются в ясных, четких и развернутых инструкциях. Многие родители, в первую очередь, естественно, относящиеся к интуитивному типу, могут воспринимать эту естественную потребность таких детей как бестолковость, нежелание считаться с их требованиями и даже издевку.

Третья пара альтернатив в рассматриваемой нами типологии — думающий или мыслительный тип (Т) и чувствующий тип (F). Так же, как и предыдущую, Юнг считал эту пару ведущей в структуре личности. Данная дихотомия описывает процесс принятия человеком решения. Уже из названия этой пары очевидно, что люди, принадлежащие к думающему типу, при принятии решения опираются на факты, их изучение и анализ. Чувствующие же руководствуются в первую очередь эмоциями. Важно отметить, что это единственная в типологии Майерс — Бриггс пара предпочтений, связанная с полом. Большинство мужчин в европейской культуре (примерно две трети) — думающие, большинство женщин (также две трети) — чувствующие. В обыденном сознании этот факт часто фиксируется в рассуждениях о “женской логике” как альтернативе логике “нормальной” и мужской отстраненности и “бесчувственности”.

Проблемы чаще всего возникают в случае, когда реальное положение вещей не соответствует сложившемуся стереотипу. То есть женщина оказывается принадлежащей к думающему типу, а мужчина — к чувствующему. Мальчик F-типа может восприниматься отцом (и не только отцом) как чересчур мягкий, прилипчивый, феминный.

С другой стороны, думающая девочка зачастую производит на родителей впечатление недостаточно ласковой и любящей. Точно такие же трудности порой испытывают дети в отношении родителей, чей тип по данному параметру не соответствует стереотипным ожиданиям.

Надо сказать, что в первые три года жизни, как, впрочем, и в два последующих, такие разночтения меньше влияют на жизнь семьи, чем другие. Они начинают ярко проявляться позднее.

Последняя, четвертая пара предпочтений в типологии Майерс — Бриггс определяет стиль жизни человека. Различаются личности, ориентированные на результат (J) и на процесс (P). Уже из названия параметров очевидно, что для представителей J-типа целью любой деятельности является достижение конечного результата кратчайшим путем и с наименьшими затратами. Они тщательно планируют свою деятельность, включая отдых, неуклонно следуют намеченному и, начав что-либо, стараются довести дело до конца во что бы то ни стало. Люди же, центрированные на процессе, получают удовольствие от самой деятельности. Результат для них вторичен. Если представителю P-типа, взявшемуся за что-то, приходит в голову идея, кажущаяся более интересной и привлекательной, то ему ничего не стоит бросить начатое и приступить к реализации нового плана. Разница между J и P становится очень понятной на следующем примере. Если два человека, представляющие каждый из этих типов, одинаково любят играть в карты, то из первого, скорее всего, получится профессиональный игрок, имеющий четкий план на каждый вечер и без колебаний прерывающий игру, как только он выиграл то, что наметил выиграть, или, наоборот, достиг лимита проигрыша, заранее определенного на случай невезения. Второй же, по всей вероятности, стяжает славу заядлого картежника, ведущего игру ради игры и остающегося за карточным столом “до упора”, что бы ни происходило.

Проблемы и противоречия, возникающие между J и P, во многом схожи с теми, которые я описал, когда говорил о различиях между сенсориками и интуитивистами. Если же эти два вида различий еще и накладываются друг на друга, то жизнь очень осложняется. Родителям J-типа ребенок P-типа может казаться совершенно неуправляемым, не способным хоть как-то контролировать свое поведение. Его неожиданные желания и внезапные переключения с одной деятельности на другую могут восприниматься даже как поведение, неадекватное до такой степени, что требуется вмешательство специалиста. Для ребенка же бесконечные попытки родителей так или иначе заставить его довести что-то до конца превращаются в непрерывное наказание неизвестно за что. Кроме того, мама и папа воспринимаются как на редкость скучные и занудные существа, совершенно не способные понять и оценить ничего нового.

С другой стороны, целеустремленность и настойчивость сына или дочери J-типа часто воспринимается родителями P-типа как вызов, проявление эгоизма и неповиновения. Взрослые в таких случаях, как правило, стремятся занять жесткую позицию, даже если она им не свойственна, пытаясь навязать свою волю во что бы то ни стало. Во взаимоотношениях с

трехлетним ребенком это нередко удается сделать. Однако малыш, ориентированный на результат, лишь ждет удобного случая для следующей попытки “построить” маму и папу, которые кажутся чересчур легкомысленными и непоследовательными для взрослых. В итоге все повторяется сначала, и жизнь превращается в бесконечную череду подобных “боданий”.

Все, что мы сказали о базовых различиях, необходимо учесть при подготовке к заключению вашего первого контракта с сыном или дочерью¹¹.

Оценка возможных рисков

и определение границ вторжения.

Выяснение условий и ожиданий

Прежде чем приступать к собственно к переговорам после того, как мы уяснили для себя мотивы поведения наших детей, связанные с их личностными особенностями и потребностями развития, стоит определить еще две вещи. Во-первых, какова максимально допустимая степень инициативы и связанного с ней риска, гарантирующая безопасность для жизни и физического здоровья сына или дочери. Постарайтесь быть реалистичными и объективными. Я понимаю, что многим мамам это трудно. Особенно учитывая то, что в три года, при всех своих неимоверно возросших возможностях, человек все еще весьма уязвим. Однако если мы действительно любим наших детей и по-настоящему переживаем за их жизнь, мы должны по-разному действовать в ситуациях, когда маленький человек хочет сам залезть на детскую горку или сам перебежать через дорогу. Несчастные случаи, увы, иногда бывают и на детских горках. Поэтому, как и при решении других уже знакомых нам непростых задач, делайте это вдвоем. Все соображения о том, почему “ум хорошо, а два лучше”, в полном объеме применимы и к данной ситуации.

Во-вторых, по-прежнему оставаясь по возможности реалистами и учитывая собственные желания и потребности (на которые вы, напомню, имеете полное право), определите, насколько вы готовы позволить ребенку вторгаться в ваше личное пространство. В какой мере вы согласны изменить привычный жизненный уклад, идя навстречу потребности сына или дочери проявлять инициативу и их личностным особенностям.

Если вы достигли некоторой ясности по этим двум позициям, сделайте еще один шаг. Подробно расскажите друг другу о своих личных требованиях к поведению сына или дочери и пожеланиях о том, какими вы хотите их видеть. Обсудите все это и выработайте единую позицию. Нечто подобное можно сделать и гораздо раньше, даже до момента зачатия. Но в обсуждаемый нами момент такой шаг становится насущно необходимым. Я уже говорил, насколько важно уже с момента рождения, чтобы требования папы и мамы к сыну или дочери не противоречили друг другу. Сейчас, когда мы собираемся предъявить свои требования в открытой и ясной форме и хотим, чтобы ребенок их понял и принял, это становится сверхважным. Поясню на примере, о чем конкретно идет речь. Понятно, что все родители в мире желают видеть своих детей красивыми, здоровыми, умными, добрыми... Какие, спрашивается, могут быть противоречия? Но представим себе, что мальчик постоянно слышит от папы: “Ты должен быть сильным и уметь постоять за себя!”. Мама же без конца повторяет: “Нужно всегда быть вежливым! Драться нехорошо!”. Таким образом, родители перекладывают на плечи ребенка сложную аналитическую работу по синтезу тезиса и антитезиса. Разумеется, в три года он не в состоянии самостоятельно справиться с подобной задачей.

Поэтому, получая столь противоречивые, во многом взаимоисключающие инструкции про то, как нужно жить, ребенок, оказавшись между двух огней, начинает вести себя неадекватно ситуации, результатом чего становится частый неуспех и родительское недовольство. Нередко конечным результатом подобной раздвоенности и связанного с ней постоянного напряжения становится серьезное невротическое расстройство. Чтобы избежать такого развития событий, работу по устранению противоречий должны выполнить родители.

Заключение контракта.

Правила и санкции

Ну вот, теперь, кажется, все готово. Можно сформулировать правила, по которым в дальнейшем будет жить семья. Не будем забывать, что нам предстоит договориться с еще очень маленьким человеком. Поэтому правила должны быть четкими, ясными и не слишком многочисленными. Естественно, они будут включать в себя какие-то запреты для ребенка. Обязательно объясните основания таких запретов в понятных сыну или дочери выражениях. Уважаемые папы и мамы моего любимого интуитивного типа! Помните: совершенно очевидная для вас недопустимость кормления птичек стоя на подоконнике перед распахнутым настеем окном далеко не столь очевидна для трехлетнего человека! Убедитесь, что правила поняты и приняты ребенком. В случае категоричного неприятия какого-то пункта не спешите “продавливать” его во что бы то ни стало. Проявите терпение. Выясните, что стоит за этим

неприятием. Услышите своего сына или дочь. И только потом принимайте решение о том, как поступить. Если вы найдете возражения маленького человека основательными и почувствуете готовность пойти ему навстречу, не бойтесь сделать это. Поверьте, ваш родительский авторитет в результате такого шага несколько не пострадает. Скорее наоборот. Ребенок, убедившись, что к его мнению относятся серьезно и уважительно, охотнее воспримет ваши требования как продиктованные не силой, но любовью и опытом.

Не будем также забывать о том, что, коль скоро принимаются определенные правила, то за их нарушения должны быть предусмотрены определенные санкции. Если выше, кратко касаясь вопроса о наказаниях детей более раннего возраста, я рекомендовал применять их крайне осторожно и даже вовсе исключить, то теперь настаиваю на их необходимости. Мы подошли к моменту, когда ребенок способен и должен воспринять и осознать правила поведения и причины их необходимости. Он должен также иметь ясное представление о том, что последует за их нарушением. Такое подкрепление норм поведения, если хотите поведенческий тренинг, в этом возрасте, на мой взгляд, просто необходимо. Не случайно И.А. Ильин отмечал, что в семье должны закладываться основы здорового правосознания и законопослушности личности.

Другое дело, что наказание не должно быть жестоким и не причинять физических или моральных страданий. До сих пор встречаются сторонники порки, рассказывающие небывлицы о том, будто в лучших частных школах Англии потомков лордов обильно кормят “березовой кашей”. Ответственно заявляю: подобной дикости там не существует уже давным-давно! Разумеется, за исключением самодеятельности отдельных психически и сексуально неполноценных лиц, с которыми, увы, можно столкнуться где угодно. Находятся и любители истязания детей, пытающиеся подкрепить свои взгляды авторитетом Священного Писания. От них иной раз приходится слышать, что Иисус Христос призывал отцов сокрушать ребра своим сыновьям. Между тем *ничего подобного в Евангелии нет!* Такие ревнители благочестия занимаются клеветой на Господа Бога.

Если же наказание не причиняет страданий и ребенок понимает его причину, то оно не влечет за собой формирование негативного образа родителей и восприятие их как источника угрозы. Более того, коль скоро мальчик или девочка заранее предупреждены о последствиях своего поступка, они вообще не связывают неприятности с личностью матери или отца. Наказание в этом случае есть реализация принципа “Закон суров, но это закон”. Как говорится, ничего личного. Здесь заложен, на мой взгляд, глубокий нравственный смысл: ребенок учится искать причины случившегося не во внешней злой воле или неблагоприятном стечении обстоятельств, а внутри себя. *В осознании собственной неправоты.* Он учится не только проявлять инициативу, но и контролировать ее, тем самым обретая новую степень внутренней свободы. Заканчивая разговор о наказании, хочу добавить, что, решая вопрос о конкретном проступке и применении соответствующих санкций, родители не должны ни на минуту забывать: речь идет о еще очень маленьком человеке. Поэтому всякий раз стоит проявить внимание и понять, что же произошло на самом деле. Скажем, если ночью ребенок входит в вашу спальню, хотя вы договорились, что он не должен этого делать, прежде чем реагировать на поступок, нужно понять: ему просто так захотелось или он чего-то испугался.

Первые проявления сексуальности.

Как говорить с ребенком на “скользкие” темы

Я не случайно привел пример со спальней. После трех лет родители впервые сталкиваются с проблемой детской сексуальности. Сколько бы ни обвиняли Фрейда в “пансексуализме”, невозможно отрицать тот факт, что в этом возрасте мимо внимания ребенка просто не может пройти различие в строении тела отца и матери, в том, как они одеваются. Он неизбежно сталкивается с различными аспектами проявления сексуального влечения взрослых друг к другу. Помимо половых различий в облике и поведении взрослых ребенок начинает подмечать разницу и между мальчиками и девочками. Я не склонен вслед за ортодоксальными фрейдистами утверждать, что каждый трехлетний мальчик непременно желает заменить отца в его сексуальных отношениях с матерью, а каждая девочка — мать в ее сексуальных отношениях с отцом. (Согласно Фрейду, ребенок в какой-то момент убеждается в неосуществимости своего желания, следствием чего является глубокая фрустрация и страх. Негативные эмоциональные последствия такого открытия он, собственно, и называл эдиповым комплексом.) Вместе с тем, на этой стадии помимо очевидного любопытства и любознательности, связанной с вопросами пола, безусловно, имеет место и генитальная возбудимость у ребенка и, как следствие всего этого, фантазии на сексуальной почве. Именно потребность в генитальных ощущениях может подталкивать ребенка к тому, чтобы всеми правдами и неправдами оказаться в родительской постели. При этом очень часто в качестве обоснования такого желания выдвигается тезис о том,

что “одному мне страшно”. Вот почему понять истинные причины ночного визита сына или дочери важно еще и с этой, довольно щепетильной точки зрения.

Если вы пришли к выводу, что ребенком движет именно сексуальность, ни в коем случае не стоит показывать ни возмущение, ни смущение. Ведь детские сексуальные фантазии могут быть и завораживающими, и пугающими одновременно. В случае, когда страх ребенка перед пробудившимся влечением и содержанием картин, нарисованных воображением, подкрепляется соответствующей родительской реакцией, может сформироваться генерализованное, глубинное чувство вины — “странное чувство, потому что оно надолго поселяет в голове молодого человека уверенность в совершении им каких-то страшных преступлений и поступков, которые он в действительности не только не совершал, но и биологически был бы совершенно не в состоянии совершить”¹².

Поэтому реакция родителей на подобные проявления должна быть чрезвычайно взвешенной. В нашем случае хорошим выходом из ситуации будет ответ на то, что произнесено вслух. То есть, коль скоро ребенок ссылается на страх (что, между прочим, в каком-то смысле правда), родитель *одного с ним пола* может отвести его в детскую и побыть там какое-то время вместе с сыном или дочерью. Таким образом, получая внимание и не сталкиваясь с отвержением, смущением, гневом со стороны родителей, ребенок вместе с тем не находит удовлетворения своей потребности в генитальных ощущениях и, убедившись в бесперспективности вторжения в родительскую спальню, скорее всего вскоре откажется от таких попыток. Немаловажно, что подобная реакция взрослых в данной ситуации не заостряет внимания ребенка на ее объективно сексуальных аспектах и его собственных сексуальных фантазиях и, следовательно, не генерирует чувства вины за них.

Спокойствие стоит сохранять и при столкновении с более открытым проявлением детской сексуальности. Скажем, когда ребенок проявляет живой интерес к обнаженному телу представителей противоположного пола, что практически неизбежно, или впервые задает столь пугающий и приводящий в замешательство многих взрослых вопрос: “Как я появился на свет?”

Прежде всего, давайте договоримся: если нечто подобное происходит, это ни в коем случае не означает, что мы являемся родителями будущего сексуального маньяка или нимфоманки. Это означает, что ребенок нормально развивается. Поэтому не будем нарушать его нормальное развитие и формировать “комплекс кастрации” нашим гневом, страхом, попытками пристыдить. Не будем также загонять в угол самих себя, рассказывая идиотские басни про аистов и капусту. Врать вообще, как известно, нехорошо. Еще хуже, по-моему, врать собственным детям. Можете считать меня неисправимым идеалистом, но я абсолютно убежден: *никакая ложь недопустима в отношениях между людьми, вне зависимости от их пола, возраста, социального положения.* Соврав, вы, возможно, и обманете своего визави, но тем самым распишетесь перед самим собой в собственной слабости, трусости, неправоте. И жить со всем этим, какие бы доводы в свое оправдание вы ни приводили, придется именно вам, а не тому, кого вы обманули. Я уже не говорю о возможности разоблачения вашей лжи. А ведь в нашем конкретном случае разоблачение совершенно неизбежно. И последовать оно может совершенно неожиданно и гораздо раньше, чем рассчитывают родители, радеющие за нравственность и добропорядочность своих детей, якобы принесенных аистом либо обнаруженных на капустной грядке!

Поэтому давайте говорить друг другу и нашим детям, сколь бы малы они ни были, правду и только правду. Другое дело, что не всегда можно и нужно говорить *всю* правду. В нашем случае мне представляется правильным рассказать ребенку, не затрагивая чисто сексуального аспекта родительских отношений, что он есть желанный плод любви, что появился он из маминого живота, что для того, чтобы такое случилось, папа должен был очень сильно любить маму и заботиться о ней. Хочу спросить блюстителей чистоты детских нравов и нравов вообще: что во всем этом пошлого или безнравственного? Прошу также обратить внимание на важный момент: *все сказанное — чистая правда и прямой ответ на детский вопрос.* Ребенок ведь не интересовался тем, в какой именно позе совершали родители акт его зачатия.

Очень часто родители и другие взрослые, сталкиваясь с первыми проявлениями детской сексуальности, реагируют не на то, что реально происходит с сыном или дочерью, а на собственные страхи, предрассудки и фантазии, связанные с сексом. Нередко мамы и папы подсознательно чрезмерно тревожащиеся по поводу этой темы, начинают путанно и бестолково рассказывать “про это”, даже не удосужившись выяснить, о чем на самом деле спросил ребенок. В зарубежной психологической литературе весьма распространен следующий анекдот:

“Мама! Откуда я здесь взялся?” — задает вопрос мальчик, вернувшись из детского сада. Мама, смутившись, затягивает знакомую песню про аистов и капусту. Ребенок, внимательно

выслушав, говорит: “Гм! Все это очень интересно! Но учительница сегодня спрашивала, кто откуда приехал. Мэри — из Калифорнии, Джо — из Техаса. Я хотел узнать, откуда я”.

Отдавая себе отчет в присутствии сексуальных мотивов в психической жизни и поведении детей в период от трех до шести лет, не стоит в то же время и преувеличивать их значение.

“Эта “генитальность”, безусловно, рудиментарна, она — ожидание чего-то и часто бывает практически незаметной. Если ее специально не провоцировать соблазном или подчеркнутыми запрещениями и угрозами “отрезать это” или особыми обычаями вроде сексуальных игр в детских группах, то такая генитальность может проявляться разве что в каких-то особо завораживающих переживаниях, которые вскоре становятся настолько пугающими и бессмысленными для ребенка, что подвергаются репрессиям. (Имеется в виду, подавляются самим ребенком. — *В.И.*)”¹³.

Не случайно сам Фрейд следующий этап развития человеческой личности характеризовал как период латентной (скрытой) сексуальности, когда сексуальные мотивы отходят на второй план и практически не проявляются в мыслях, фантазиях и поведении ребенка.

Итак, при благоприятном развитии главным фактором формирования личности с трех до шести лет является “высвобождение детской инициативы и чувства цели для выполнения взрослых задач”¹⁴.

Глава 6

РЕБЕНОК ВЫХОДИТ В СВЕТ

Бумажные самолетики и деревянные кораблики, или Потребность в созидании

Практически все современные психологические школы сегодня сходятся на том, что к шести годам в жизни человека наступает момент, когда он в наибольшей степени готов к систематическому обучению. Обучению как собственно научному, заложенному в школьной программе, так и социальному, — на новом, более высоком уровне. В этот период, получивший в психоанализе название латентного, на первый план с точки зрения личностного развития выходит потребность ребенка реализовать сформировавшиеся в большей или меньшей степени за предыдущие годы базовое доверие к миру, автономию и инициативу в самостоятельной деятельности. И не просто в деятельности вообще, такой, как, скажем, игра, а в деятельности целенаправленной, результатом которой стал бы некий продукт, представляющий собой ценность и пригодный к употреблению. Эту потребность Э. Эриксон охарактеризовал как *чувство созидания*¹. Не случайно, начиная примерно с шести лет, на смену пристрастию многих детей все разобрат до винтика приходит желание что-то смастерить, сшить, починить. Причем непременно самостоятельно. Помню, летом на даче, когда мне было семь, отец научил меня вырезать из дерева пистолеты, шпаги и парусники. Хотя в доме было достаточно игрушек, продукция собственной “оружейной фабрики” надолго стала моим любимым развлечением. Между прочим, заходя сегодня в магазин игрушек, я здорово завидую современным мальчишкам, имеющим такой огромный выбор сборных моделей. Но, достигнув школьного возраста, дети начинают реализовывать чувство созидания и создавать продукты не только в сфере, так сказать, материального производства.

С началом обучения в школе ребенок, что называется, выходит в свет. Он начинает проводить значительную часть своей жизни вне дома, вне родительской семьи. Ему необходимо найти новые способы взаимодействия с внешним миром, обрести в нем свое место, построить отношения с большим количеством новых людей, занять определенную позицию в социальном коллективе, каким является его класс. Все это он должен сделать опять-таки во многом самостоятельно, что диктуется как объективными потребностями развития личности, так и реальной жизненной ситуацией (положение дел в нашей школе, занятость родителей на работе и т.д.). Результат усилий ребенка в данной области также является некоторым реальным продуктом его деятельности. Продукт этот не только предназначен для непосредственного употребления, но и в значительной мере влияет на всю жизнь мальчика или девочки в новых условиях.

Третий важный аспект периода жизни человека от начала школьного возраста до наступления пубертата заключается в идентификации с родителем своего пола и формировании у мальчиков образа того, что есть мужчина и, соответственно, у девочек — того, что есть женщина. В первую очередь это касается внешнего, поведенческого уровня. Сформированный образ во многом определяет *персону*, то есть способ презентации себя, соответствующий сознательным намерениям человека и одновременно отвечающий запросам социальной среды. Персона также является продуктом, созданным ребенком, хотя она, пожалуй, в наибольшей степени зависит от внешнего воздействия.

Все перечисленные направления созидательной активности ребенка, отвечающей его внутренним потребностям и требованиям жизни, несут в себе общий глубокий смысл. Если продукты, полученные в результате усилий, оказываются качественными, эффективными в употреблении, ценными в глазах окружающих, то у человека формируется базовая, глубинная убежденность в *собственной компетентности*. В таком случае знаменитая формула трехлетнего человека “Я сам” дополняется очень важным словом “могу” — “Я могу это сам”, “Я справлюсь”. Это, если хотите, во многом психология победителя. Люди, обладающие такой внутренней убежденностью, сталкиваясь со сложной задачей, думают не о том, насколько она сложна, а над тем, как ее решить. И обычно достигают успеха. Неудача же для них — повод не опускать руки, а получить новые знания, изыскать дополнительные ресурсы и возможности.

В случае же, когда продукты, созданные ребенком, оказываются негодными, невостребованными и неценными, у него формируется глубинное осознание собственной неуспешности как деструктивная альтернатива компетентности. В этом случае комментарии, как говорится, излишни...

Именно так одаренные от природы и, более того, трудолюбивые музыканты оказываются в похоронных оркестрах. По-видимому, отсюда берутся “вечно вторые” спортсмены. Но речь здесь идет не только о профессиональной неуспешности. Неверие в свои силы и способности в семейной жизни ничуть не менее опасно, чем на ринге или в

конструкторском бюро. Едва ли не каждый несчастливый в браке человек, с которым мне приходилось работать, будь то мужчина или женщина, начинал с того, что проблема не имеет решения, хотя вроде бы все старались, перепробовали и то, и это.

Итак, в первые годы обучения ребенку, чтобы не стать несчастным, важно убедиться в собственной компетенции. Можем ли мы ему помочь в этом? А можем ли мы ему “помочь” в другом — почувствовать себя неуспешным?

Давайте начнем с простого и очевидного — с конструкторов, моделей и деревянных корабликов. Вряд ли найдутся мамы и папы, которым нужно доказывать пользу и необходимость реализации сыном или дочерью потребности что-то создавать своими руками. Однако, когда доходит до дела, возникает масса проблем. Начиная от материальных (ведь конструктор “Лего” стоит о-го-го!) и кончая очень непростым вопросом о том, насколько допустимо оставить первоклассника наедине с молотком и пилой.

Еще хуже обстоит дело с нашим временем, настроением, самочувствием. И с тем, насколько все это совпадает с жизненными обстоятельствами наших детей. Иной раз папа, у которого сегодня выходной, а накануне на работе был удачный день, полный энергии и сил, предлагает сыну, у которого что-то не выходит с реализацией очередного творческого замысла, свою помощь и... наталкивается на категоричный отказ, а то и агрессию со стороны ребенка. Зато завтра, вечером в понедельник, который, как известно, день тяжелый, мальчишка донимает уставшего отца требованием оценить, что он там такое сварганил накануне.

Однако на предыдущих страницах мы уже сталкивались с ситуациями и покруче и, надеюсь, убедились, что они решаемы. Для того чтобы найти выход, мы с вами старались понять истинные мотивы поведения ребенка, найти подлинные причины собственной реакции на это поведение и объективно оценить ситуацию. Мы с уважением относились к потребностям сына или дочери и шли им на встречу настолько, насколько позволяли реальные обстоятельства, не забывая при этом и о собственных потребностях. Мы доверяли нашим детям и, в свою очередь, не пытались обманывать их. Я надеюсь, что вы имели возможность убедиться в эффективности такого подхода. Почему бы не использовать его еще раз?

Итак, ведущая потребность развития личности в возрасте, о котором идет речь, — убедиться в собственной компетенции. То есть создать нечто самостоятельно. Поэтому даже дети, являющиеся ярко выраженными экстравертами, в этот период нередко предпочитают мастерить что-то в одиночестве. Дадим им такую возможность. Даже если вы видите, что у ребенка не все получается, что он огорчен этим или злится, не бросайтесь на выручку, пока у вас не попросят помощи. Давайте поверим ему и на этот раз. Он в состоянии решить, нужен ли ему наш совет, и достаточно нам доверяет, чтобы обратиться за помощью, когда она действительно ему необходима. Если же вас просят что-то оценить или в чем-то помочь в неуточный час, когда у вас нет времени, сил или просто желания этим заниматься, скажите об этом прямо. Решите для себя, когда вы реально (не обязательно “завтра”) сможете уделить необходимое внимание просьбе сына или дочери, и обязательно скажите и об этом тоже. Снова поверьте, что ваш ребенок способен все правильно понять. Этим вы не причините ему боль. Наоборот, он лишится раз почувствует свою значимость от того, что с ним говорят серьезно и откровенно, как со взрослым. Боль может причинить беглый, незаинтересованный взгляд на то, к чему он приложил столько усилий, и формально-равнодушное “молодец, теперь иди спать”. Подобное отношение обесценивает не только плод созидания — оно обесценивает самого творца.

Самооценка как признание собственной компетентности

Здесь я хочу сделать очередное отступление. Настал удобный момент поговорить о самооценке. Великий знаток детской души и семейной жизни, уже упоминавшаяся мною В. Сатир ставила самооценку на первое место среди факторов, определяющих успехи и неудачи в воспитании детей и развитии личности.

Под самооценкой она понимала “способность (или, наоборот, неспособность — *В.И.*) человека честно, с любовью и по достоинству оценить себя”.

“Человек, чья самооценка высока, создает вокруг себя атмосферу честности, ответственности, сострадания, любви. Такой человек чувствует себя важным и нужным, он ощущает, что мир стал лучше оттого, что он в нем существует. Он доверяет самому себе, но способен просить в трудную минуту помощи от других, однако он уверен, что всегда способен принимать самостоятельные решения, совершать обдуманные поступки. Только ощущая свою собственную высокую ценность, человек может видеть, принимать и уважать высокую ценность других людей. Человек с высокой самооценкой внушает доверие и надежду. Он не пользуется

правилами, которые противоречат его чувствам. В то же время он не идет на поводу у своих переживаний. Он способен делать выбор. И в этом ему помогает его интеллект”².

Самооценку В. Сатир ставила на первое место среди факторов, обеспечивающих функционирование семьи как “фабрики”, “где формируется физически здоровый, умственно развитый, чувствующий, любящий, веселый, настоящий, творческий, продуктивный человек”³.

Вообще говоря, самооценка начинает формироваться с момента появления человека на свет и, возможно, даже раньше — еще в материнской утробе. Но именно в рассматриваемый период она приобретает определяющее значение. Ведь приведенное описание человека с высокой самооценкой, — по сути, почти точное определение личности, чувствующей свою компетентность. Это может быть выражено примерно такими формулами: “Я могу”, “Я достоин”, “Я справлюсь”, “Это мне по плечу”.

С другой стороны, формулировки типа “Я слабый”, “Я некрасивый”, “Я не очень умный”, “У меня нет никаких талантов”, выражающие низкую самооценку, соответствуют неуспешности. Такие люди нерешительны, зависимы, необъективны, часто действуют под влиянием инфантильных чувств, не способны к прямым и честным отношениям с другими и подменяют их деструктивными психологическими играми. Ища оправдания собственным неудачам, они часто видят в окружающих исключительно отрицательные качества. Если в чьих-то монологах постоянным рефреном звучит, что кругом одни жулики, проходимцы, недоумки и прочие персонажи, характерные для уже знакомой нам “помоечной философии”, можно с очень высокой степенью вероятности предположить, что в глубине души наш собеседник не слишком-то высокого мнения о собственной персоне.

Как видим, заниженная самооценка есть фактор, крайне неблагоприятный для благополучного развития личности. Во взрослой жизни ее влияние на судьбу человека может проявляться как в обыденных неудачах — несложившейся карьере, несчастливой семейной жизни, — так и в экстремальных проявлениях. Абсолютное большинство преступников и наркоманов — люди с заниженной самооценкой. Про лиц, склонных к суициду, я уж и не говорю...

Добавлю, что и в явно завышенной самооценке нет ничего хорошего. Она толкает человека на попытки осуществления совершенно нереалистичных замыслов и проектов, что тоже, естественно, приводит к неудаче.

В своей психотерапевтической практике я, как и многие мои коллеги, ставлю задачу привести самооценку человека к уровню, адекватному реальным возможностям его личности в текущий момент (идеальный вариант — чуть выше верхней планки этих возможностей). Но прежде чем это сделать, надо, естественно, измерить существующий уровень самооценки. Мы подошли к моменту, когда полезно и даже необходимо выяснить самооценку вашего ребенка.

Для этого совсем не обязательно обращаться к специалисту. Вот простой и доступный всем способ. Нарисуйте на чистом листе бумаги лесенку из 10 ступенек (для подростков это может быть просто вертикальная шкала от 0 до 10).

Дайте вашему ребенку следующую инструкцию: “Представь себе, что на верхней ступеньке этой лесенки находятся самые лучшие дети на свете — самые умные, красивые, веселые, находчивые. У них все получается, их любят родители, у них много друзей, они хорошо учатся. А на самой нижней ступеньке — те, кого часто бьют в школе и во дворе, с кем никто не хочет дружить, кто плохо учится, не может ни в чем добиться успеха, кого не очень любят даже мама и папа. Все остальные дети расположились на других ступеньках между этими крайностями. Одни выше, другие ниже. Как, по-твоему, где твое место на лестнице в данный момент?”.

Если ваш ребенок поместил себя на одной из трех нижних ступеней — это тревожный симптом. Увидев такую картину, задайте себе вопрос: когда и по какому поводу вы последний раз говорили сыну или дочери: “Ты у меня молодец!”? Если такое случалось давно или вы вообще затрудняетесь вспомнить что-либо подобное, — дело плохо. Похоже, назрела необходимость срочно пересмотреть кое-что в отношениях с ребенком, а быть может, и в семейном укладе в целом. Как видно, до сих пор вы исповедовали, уж простите за прямоту, не самые лучшие принципы воспитания, во многом противоположные всему тому, о чем у нас с вами шла речь до настоящего момента. Почему бы не взять на вооружение что-то из вышесказанного? Во всяком случае, хуже не будет. За это я вам отвечаю. Хотя бы потому, что хуже уже некуда!

С чего же начать в данной конкретной ситуации? Прежде всего — ни в коем случае не спешите переубедить ребенка, уверяя, что он лучше всех на свете. Результат будет прямо противоположным. Во-первых, вам не поверят. Во-вторых, увидят в такой реакции подтверждение собственной ничтожности. “Видно, меня и впрямь считают недоумком, коль

скоро пытаются, как маленькому, откровенно вешать лапшу на уши и плюют на мое мнение даже относительно меня самого!”. Давайте опять-таки поверим ребенку и примем его мнение. Считаешь себя очень плохим, слабым, ни на что не годным — значит, так оно и есть. Кому и знать, как не тебе. Парадоксальным образом, мы тем самым не на словах, а на деле даем своему сыну или дочери реальную возможность ощутить собственную ценность. Ведь, быть может, впервые в жизни к ним отнеслись серьезно.

Далее. Если оказалось, что вы давно не говорили сыну или дочери: “Какой ты у меня молодец!”, — то у вас есть отличный повод сделать это прямо сейчас. Ведь, поставив себя на невысокое место, ваш ребенок продемонстрировал не только низкую самооценку, но и высокую критичность, возможно, объективность, безусловно — честность и мужество. Разве это не достойно похвалы?

Следующий шаг: принимая мнение ребенка о себе как о плохом, сосредоточить его внимание на том хорошем, что, разумеется, в нем есть, на тех успехах, которые были. Самое главное при этом — не поддаваться соблазну легкого пути и не прибегнуть к игре и лукавству. Здесь необходим искренний интерес. Чтобы добиться этого и быть спонтанным, поставьте себе задачу: в беседе узнать о каком-то новом для вас достижении или неожиданном качестве ребенка. Обратите внимание на то, как изменится его лицо при приятном воспоминании. Вознаграждением за приложенные вами усилия будет искренняя улыбка и теплые, озорные, как солнечные зайчики, искорки в глазах. Это та самая печка, от которой можно танцевать дальше. Принцип все тот же. Не выискивая дутых поводов для похвалы, отмечать все реальные достижения, в какой бы сфере деятельности они ни лежали — будь то учеба, спорт, работа по дому или компьютерные игры. Кроме того, при организации семейного досуга, например, стоит постараться построить его таким образом, чтобы сильные качества ребенка оказались востребованными и объективно полезными.

Ну а как быть, если наше чадо по-хозяйски обосновалось на одной из трех верхних ступеней? Ну, во-первых, ни в коей мере не отказываясь от своих слов по поводу нежелательности откровенно и сильно завышенной самооценки, хочу, тем не менее, подчеркнуть, что для младшего школьника это не столь отрицательный фактор, как самооценка низкая. Кроме того, не исключено, что для столь оптимистичного взгляда на себя у ребенка имеются вполне веские основания. Между прочим, если все предыдущее его развитие протекало в благоприятных условиях, если отношения в вашей семье построены на принципах любви с открытыми глазами, то скорее всего так оно и есть. Поэтому, прежде чем делать какие-либо выводы, стоит задать несколько уточняющих вопросов. Ну, например: какие объективные данные подтверждают твое право на высокое место? В каких областях ты особенно успешен? Достиг ли ты в них совершенства или есть какие-то вещи, над которыми стоит еще потрудиться? А имеются ли у тебя недостатки? Есть ли среди твоих одноклассников или друзей кто-то, кто лучше тебя? Что ты думаешь о тех, кто не столь успешен?

Вы можете задавать и любые другие вопросы. Главное — прояснить: ребенок искренне верит в то, что его объективные достижения дают право на высокую позицию и при этом способен критично оценить себя, или же он просто субъективно убежден в собственной исключительности? В первом случае нет особых причин для беспокойства, даже если заслуги несколько преувеличены. А вот во втором есть повод задуматься и, быть может, что-то пересмотреть в отношениях с сыном или дочерью.

При этом, как и в случае с низкой самооценкой, главное — не поддаваться импульсам и не делать резких движений. Не следует сразу пытаться убедить ребенка в бессновательности его притязаний и уж тем более наказывать за это. Просто отмечая достижения ребенка, вводите в похвалу определенную дозу “антизаснайкина”. При этом ни в коем случае не нужно ничего придумывать и искусственно принижать или обесценивать. Помните, мы договорились говорить друг другу только правду и ничего, кроме правды? Ну, например, если ваш сын отличился в спортивных состязаниях, вы можете сказать что-то вроде: “Да, ты у меня молодец, и я горжусь тобой. Ты действительно лучше многих на беговой дорожке. Но только на беговой дорожке. И то, что твои сверстники бегут медленнее, ни в коей мере не означает, что они меньше тебя заслуживают уважения”.

Эта простая, на первый взгляд, мера в большинстве случаев оказывается достаточной, чтобы ребенок не громоздил трон для собственного “Я” на вершину нашей воображаемой лестницы и видел в других достойных партнеров, а не копошащихся где-то у своих ног пигмеев, единственное предназначение которых — восхищаться его достижениями. Если же дело все-таки зашло слишком далеко, то хорошим выходом из ситуации мне представляется дать возможность ребенку на собственном опыте убедиться в несоответствии столь высокой оценки себя реальному положению вещей. То есть, как бы признав его исключительность, предоставить

возможность самостоятельно действовать в тех ситуациях, где такая исключительность необходима для достижения успеха. (Кроме, разумеется, случаев, когда возможна реальная угроза жизни и здоровью ребенка.) Синяки и шишки, в которых некого винить кроме себя любимого, — лучшее лекарство от излишней самоуверенности и заносчивости. После такой “прививки” стоит честно и откровенно поговорить с ребенком о причинах неудачи и вместе с ним наметить более реалистичные цели.

Завершая наше исследование самооценки, можно предложить ребенку указать ступеньку, на которой в идеале ему хотелось бы находиться. Это будет показатель уровня притязаний. Чем выше такой уровень, тем лучше — за исключением опять-таки тех случаев, когда он абсолютно нереалистичен.

***Простой способ обесценить
деятельность ребенка,
очень популярный у мам и бабушек***

Однако вернемся к попыткам ребенка сделать что-то собственными руками и нашему отношению к таким попыткам. Уже понятно, что совершенно недопустимо эти порывы игнорировать и обесценивать. Между тем многие родители частенько прибегают к еще одному способу делать это. Им пользуются в основном мамы и очень часто бабушки, если они присутствуют в семье. Так что, милые женщины, внимание: камешек в ваш огород.

Если вы до сих пор не заключили со своим ребенком первый договор о правилах совместного проживания (а иногда и при наличии такого договора), то вам, скорее всего, хорошо знакома такая картина: открыв дверь в комнату сына, вы видите заляпанный письменный стол и громоздящихся на нем пластилиновых чудовищ, пол, обильно усеянный частями не одного, а трех конструкторов, книжные полки, погребенные под громадьем недоделанных моделей самолетов. От шедевров юного гения, по сравнению с которыми знаменитый “сеятель” художника О. Бендера, выставившийся в городе Васюки, просто академическое произведение, вообще некуда деться. Устав от бесконечных, ни к чему не приводящих напоминаний, уговоров, скандалов и проникшись материнской жалостью (“Он у меня еще такой маленький. Устает в школе, там теперь такие нагрузки!”), вы дожидаетесь удобного момента, пока сына нет дома, и беретесь за дело. Вернувшись из школы или с прогулки, мальчик не узнает своего привычного угла... С девочками подобные проблемы чаще всего не носят столь масштабного характера, но тоже встречаются.

Между тем, мы с вами в предыдущей главе уже говорили о том, что чувствует человек интуитивного типа, оказавшийся в очень структурированном и упорядоченном мире, даже если этот мир создан его собственными руками, и как реагируют интроверты на непрошенное вторжение в их жизненное пространство. Мы знаем также, насколько важно для J-личности довести начатое до конца. И можем представить себе переживания такого человека, лишённого возможности сделать это, потому что кому-то пришлось в голову выбросить в мусорное ведро главную башню волшебного замка, постройку которого предполагалось завершить вечером. И то обстоятельство, что люди, никогда не имевшие дела с волшебными замками или имевшие очень давно и подзабывшие, как они выглядят, приняли главную башню за изрезанную непонятно зачем бутылку из-под “Кока-колы”, не может служить утешением. Но дело не только в личностных особенностях наших детей.

Дорогие мамы! Будьте бдительны! Помните: всякий раз, наводя порядок в комнате ребенка в его отсутствие, вы незаметно для себя можете отправить на помойку не только волшебный замок, но и красавицу принцессу или гениальное изобретение или бесценное сокровище. И это будет воспринято сыном или дочерью как оценка созданного ими продукта, которому, оказывается, место на помойке...

Помню, много лет назад, будучи совсем еще “молодым специалистом”, я посещал семинары по методологии академика Н.Г. Алексеева. Для тех, кто никогда не сталкивался с методологией, скажу об одной особенности таких семинаров. Там очень много пишут и рисуют на обычной школьной доске. Причем пишут и рисуют самые разные люди и самые разные вещи. Естественно, периодически возникает насущная необходимость что-то стирать — доска ведь не безгранична. Как-то я обратил внимание на то, что всякий раз, перед тем как стереть какую-то надпись или схему, даже если она очевидно перестала быть актуальной для происходящего, а может быть, и изначально не была таковой, Никита Глебович обращался к тому, кто это написал с вопросом: “Вы позволите, я сотру?”. Однажды я поинтересовался, зачем он это делает. Алексеев ответил едва ли не возмущенно:

— Как я могу трогать плод чужого труда, чужих размышлений без разрешения автора?!

— А если автор Вам не позволит, что Вы будете делать? — последовал ехидный вопрос из зала.

— Найду выход. В конце концов, напишу свое в углу на стенке, — заявил упрямый старик.

Это стало для меня хорошим уроком и заставило задуматься о многом. Может быть, стоит отнестись к труду и творчеству наших детей хотя бы с долей того уважения, с которым старый академик относился к труду и творчеству всех людей, в том числе тех, кого видел впервые в жизни?

Теперь поговорим о более сложном продукте, который предстоит создать ребенку, — о продукте нематериальном, связанном с началом учебы и с тем, какое “место под солнцем” займет ваш сын или дочь в школе.

Что ждет его в школе?

Естественно, первое сентября в первом классе — это событие для всей семьи. И не только событие, но и испытание, если хотите, стресс. Не случайно в психодраматических группах, которые я веду, очень многие люди разного пола, возраста и социального положения выделяют момент начала школьной жизни как одну из наиболее эмоционально значимых и драматичных (пожалуйста, не путайте драму с трагедией) точек своей, так сказать, линии жизни.

Надо оговориться, что с формальной точки зрения многие дети в нашей стране, к сожалению, “выходят в свет” значительно раньше, чем достигают шестилетнего возраста. Я имею в виду ясли, что во всех случаях не здорово, и детские сады, многие из которых по реальному своему содержанию совсем не “детские” и далеко не “сады”. Но даже для таких детей школа есть нечто иное. Здесь ему предстоит уже не в игровом пространстве, а в реальности решать взрослые задачи, играть взрослые социальные роли, строить взрослые отношения. Школьная ситуация вынуждает ребенка опираться на собственные личностные ресурсы в куда большей степени, чем во все предыдущие годы. Успешность или неуспешность ребенка в этом новом мире и, соответственно, глубинное осознание им своей компетентности либо неуспешности прямо зависят от того, насколько качественно реализованы задачи формирования личности на предыдущих этапах развития. Насколько сформированы все те базовые личностные параметры, о которых шла речь в предыдущих главах. *Именно их оформленностью характеризуется, на мой взгляд, готовность ребенка к школе*, а вовсе не тем, знает ли он десяток-другой английских фраз и умеет ли включать компьютер.

К сожалению, многие родители, движимые в первую очередь пресловутым желанием “быть не хуже других”, вернее, быть “такими, как все”, настойчиво лишают своих детей детства, заставляя их в пять, а то и в четыре года заниматься арифметикой и чистописанием. Кто-то делает это сам, кто-то прибегает к услугам всевозможных “прогимназий” (интересно бы узнать, что на человеческом языке может означать это идиотское слово) или нанимает репетиторов. Мне хочется спросить таких людей: зачем вы вообще отдаете ребенка в первый класс, если все, чем там занимаются, вами уже пройдено? Ей-богу, вместо того чтобы кормить “прогимназии”, купите дорогой конструктор или даже Барби — толку все равно будет больше! И плевать, что думают по этому поводу коллеги на работе. Смеяться последними будете вы!

Коль скоро мы вспомнили “прогимназии”, невозможно обойти вниманием и “гимназии”. О хронической убогости нашей системы образования написаны килограммы, а то и тонны статей, и я не хочу здесь распространяться на эту тему. Могу лишь засвидетельствовать, как человек и специалист, в свое время непосредственно занимавшийся этими проблемами: все то негативное, что сказано и написано про школу, — чистая правда, точнее, ее небольшая часть. Добавлю также, что с появлением всевозможных “альтернативных программ”, “вариативности образования”, “негосударственных учебных заведений” и прочих “педагогических инноваций” степень идиотизма по сравнению со “славным прошлым” не только не уменьшилась, но, пожалуй, даже возросла.

К традиционной “совковой” системе воспитания, подчеркивающей необходимость делать то, что сказано, и ратующей за самоограничение, всемерно эксплуатировавшей чувство ответственности младшего школьника, добавилось более современное течение, направленное на продление детства, пытающееся дать возможность узнать что-то необходимое в игре. Это можно было бы расценить как безусловно положительное движение и даже прорыв, если бы не ставшее привычным “хотели как лучше, а получилось...”.

К сожалению, обе тенденции в большинстве конкретных случаев проявляются в крайней форме, тем самым обесценивая то положительное, что в них имеется. Если говорить о них применительно к формированию чувства компетентности у ребенка, то становится ясно, что первая крайность в лучшем случае может сделать школьника всецело зависимым от внешних инструкций, предписаний и обязанностей, дав ему таким образом достаточно необходимых знаний и развив чувство долга. В этом случае платой за результат может оказаться то, что он

“никогда не разучится этому самоограничению, доставшемуся дорогой ценой, но не являющемуся необходимым, из-за чего в будущем сделает и свою жизнь, и жизнь других людей несчастной и в свою очередь у своих детей сломает их естественное стремление учиться и работать”⁴. В худшем же случае ребенок, оказавшись в такой системе обучения, может столкнуться с тем, что все, чем он хорошо владеет, чему он научился за предшествующие годы, не встречает одобрения и понимания у педагогов и одноклассников. Наоборот, его раз за разом заставляют повторять то, что ему совершенно неинтересно или просто не получается. Если происходит “застревание” в такой ситуации, то формируется устойчивое чувство собственной неполноценности.

Если же в школе господствует противоположная тенденция, доведенная до крайности, то там прежде всего учат всему и одновременно ничему. Мне в свое время довелось консультировать частную школу, исповедующую подобные принципы. Тринадцати- и четырнадцатилетние подростки там примерно раз в четверть организовано отправлялись на недельку-другую в Питер побродить по Эрмитажу, раз в месяц устраивали какой-нибудь школьный спектакль либо КВН и практически каждую неделю ходили в театр или консерваторию. И при этом делали по пятнадцать ошибок на квадратный дюйм сочинения.

Кроме того, если вернуться к младшим школьникам, то для них при сохранении поля для самостоятельного творчества одновременно насущно необходимыми остаются ясные формулировки задачи и указания, задающие, так сказать, направление движения. Эта потребность “прекрасно отражается в знаменитом вопросе, заданном одним ребенком: “Учитель, мы *должны* сегодня *делать* то, что мы *хотим*?”⁵

Если системе нашего образования в целом редко удастся совмещать две указанные тенденции в разумных пропорциях, то, к счастью, по-настоящему хорошие учителя, умеющие это делать, в природе существуют. И встречаются, слава Богу, не так уж редко. Наверное, многие из нас могут вспомнить такого учителя. Каким-то непостижимым способом этим людям удается не на словах, а на деле найти к практически каждому ребенку тот самый индивидуальный подход, о котором так любит разглагольствовать “педагогическая общественность”. А может быть, они просто умеют и любят хорошо делать свое дело вопреки известной шутке Бернарда Шоу о том, что те, кто умеет и может что-то делать, делает это, а тот, кто не умеет и не может — учит, как это делать. Мне повезло, я встретил в своей жизни не одного такого учителя. Имя самого первого из них, с которым наши пути пересеклись именно в начальной школе, я, к сожалению, не помню. Боюсь, я его даже и не знал. Дело происходило в третьем классе. Родители получили квартиру, и я оказался в новом коллективе. И, как назло, именно в этот момент на уроках физкультуры нас стали обучать прыжкам через “козла”. Занимался этим молодой атлет, у которого, по-видимому, было много куда более интересных и важных дел, чем Валера Ильин из третьего “В”. Но чувство долга подвигало его на то, чтобы снова и снова заставлять меня потешать класс своими безуспешными потугами. Надо сказать, что я и тогда выделялся своим ростом, поэтому мои неудачи в покорении “козла” вызывали взрывы здорового смеха удвоенной силы. Чем дальше, тем более страшным чертом становился в моих глазах “козел”. Дело принимало серьезный оборот... И тут мне повезло. Неожиданно атлет заболел. Замещать его на очередной урок физкультуры пришел невысокий и немолодой уже мужчина в спортивном костюме. Он внимательно посмотрел на то, как я в очередной раз “воткнулся” в ненавистный снаряд, и вместо привычного “давай еще раз” спросил, как меня зовут. И сказал: “Валера, посмотри на деревяшку, которая лежит перед “козлом”. Вообще-то она называется “гимнастический мост”. Но это не главное. А главное то, что я положил ее там не просто так. По ней нужно не пробегать, а напрыгивать на нее. Тогда мост сам перекинет тебя через снаряд. Попробуй еще раз”. Я попробовал. Получилось.

Мораль сей басни проста: не важно, какова школа, в которую пойдет ваш ребенок. Скорее всего, она далеко не идеальна вне зависимости от количества изучаемых иностранных языков и величины месячного взноса за обучение. Между прочим, школа, в которой происходили только что описанные события, считалась по тем временам весьма престижной. Важно, каков учитель, которому вы доверяете своего ребенка. На это указывает Э. Эриксон в следующем замечании: “Развитие чувства неполноценности, переживание, что из тебя никогда ничего хорошего не выйдет, — вот та опасность, которая может быть сведена к минимуму педагогом, знающим, как подчеркнуть то, что ребенок может сделать, и способным распознать психиатрическую проблему”⁶.

Поэтому, выбирая место, где будут учиться сын или дочь, самое главное не ознакомиться с рекламными проспектами (во всех них написано практически одно и то же) и не даже встретиться с директором учебного заведения (его спич также легко прогнозируем), а посмотреть в глаза человеку, который будет непосредственно учить ребенка. Если вы увидели в

них то, что хотели увидеть, то все остальное вторично. Между прочим, неплохо познакомить и самого ребенка со школой и будущим учителем и посмотреть на его реакцию, расспросить потом о первом впечатлении. Особенно важен такой визит для детей-интровертов. Они чаще, чем экстраверты, сталкиваются с трудностями на первых порах. Возможность заранее познакомиться с пространством, в котором будет протекать отныне значительная часть их жизни, как бы измерить его собственными шагами, “обжить” в первом приближении, облегчит им процесс адаптации. Но и для детей-экстравертов подобная экскурсия окажется не лишней. С той лишь разницей, что для них на первый план выступает знакомство не с пространством, а с учителем.

***Брюс Уиллис как “последний бойскаут”
и “русский джентльмен”.***

Специально для родителей мальчиков

Есть еще один очень важный аспект, связанный с началом школьного обучения. Он касается исключительно мальчиков. Я уже отметил, что в этот период ребенок начинает идентифицироваться со своим полом на поведенческом уровне. Он учится тому, что есть мужчина или женщина, наблюдая за поведением родителя своего пола и воспроизводя соответствующую модель поведения. Поскольку значительную часть своей жизни младший школьник проводит вне контакта со своими реальными родителями, но все еще нуждается в их опеке, он ищет замещающую фигуру. Вполне очевидно, что такой фигурой для первоклассника (и не только) как бы автоматически становится учитель.

Между тем практически сто процентов учителей начальных классов в нашей школе — женщины. В результате мальчики сталкиваются с серьезным конфликтом. Они идентифицируют себя с папой и хотят быть мужчинами. При этом в шесть-семь лет у них еще самое смутное представление о содержании этого понятия. О том, что такое мужское поведение. Единственное, что они знают наверняка, — это то, что мужчины отличаются от женщин и, следовательно, должны вести себя не так, как женщины.

Поэтому большинство мальчиков-первоклассников, имея перед глазами почти исключительно женские способы поведения, начинают осваивать свою мужскую роль методом “от противного”. То есть не так, как женщины. Не случайно едва ли не самым страшным оскорблением в мальчишеской среде в этом возрасте является указание на то, что кто-то делает нечто (бьет по мячу, поет, дерется, зубрит) “как девчонка”. Такое отношение — все, что делают женщины, неправильно и не соответствует мужскому достоинству, — распространяется не только на соседку по парте, но и (неосознанно, разумеется) на учительницу. Именно поэтому в начальной школе мальчики, как правило, менее прилежны и успешны, чем девочки. В основе этого лежит подсознательное убеждение, что поскольку учительница — женщина, то знания и вообще всякая интеллектуальная деятельность есть занятие сугубо женственное, не достойное настоящего мужчины. Более того, не достойно настоящего мужчины все или почти все, что одобряется учительницей. Не случайно ученики, которые не могут похвастать хорошими оценками, чье поведение вызывает бесконечные нарекания, куда более уважаемы и авторитетны в среде одноклассников, чем “пай-мальчики”.

Результатом такого научения “от противного” может стать формирование малопривлекательной и, увы, достаточно распространенной мужской “персоны” — нарочито грубоватой, а в крайних случаях хамоватой, чрезмерно агрессивной, предпочитающей сначала действовать, а потом думать (или не думать вовсе), сводящей понятие приятного времяпрепровождения к пиву и футболу.

Более того, если учительница, например, демонстрирует качественные и очень здоровые формы женского поведения (а это подразумевает и присутствие в них подлинно мужского начала), то в этом случае мальчики, оставаясь все в той же логике научения “от противного”, зачастую начинают осваивать и присваивать деструктивные формы женского поведения, как антитезы поведению учительницы. В этом случае они нередко приобретают склонность к демонстративности и аффектам или же, наоборот, становятся инфантильными и отстраненными. По мере взросления мальчики нередко превращаются в образцы для подражания младших представителей рода мужского и передают им “по наследству” усвоенные в раннем школьном возрасте дисфункциональные поведенческие модели.

Другой способ компенсации младшими школьниками дефицита примеров мужского поведения в их реальной жизни, находящийся буквально перед глазами и потому весьма распространенный, — обращение к образам соответствующих персонажей фильмов и литературных произведений (сегодня в гораздо меньшей степени). Именно в силу своей популярности и востребованности этот способ заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее.

В современной отечественной психологической, искусствоведческой и прочей публицистике сломано немало копий и зазубрено не меньше шашек в спорах о разрушительном влиянии на детскую психику пресловутого “насилия на экране”, “вульгарности”, “низменности” и “примитивности” героев боевиков и т.п. Естественно, в первую очередь достается Голливуду, в котором иные горячие (в смысле нездоровые) головы видят чуть ли не главную и единственную причину всех детских и подростковых проблем. Причем “фабрике грез” достается практически в равной степени и от религиозных фундаменталистов (точнее было бы сказать от лиц, страдающих генерализированным бредом на религиозной почве), и от многих представителей отечественной “богеми”. И если первые зачастую не имеют сколько-нибудь внятного представления об объекте своих сногшибательных “разоблачений”, поскольку не смотрят “сатанинские” фильмы, то вторые, по идее, прекрасно знают предмет, ибо не только охотно потребляют “низкопробную” американскую продукцию, но и сами нередко подвизаются в аналогичных жанрах. Разница только в техническом и художественном уровне “родных” и импортных блокбастеров.

Я, разумеется, не считаю, что любому фильму с маркировкой “made in USA” забронировано место в анналах мировой культуры. Если говорить серьезно, в массе голливудского ширпотреба немало откровенного мусора, который, пожалуй, не стоит затраченной на съемках пленки. Я просто хочу заметить, что, во-первых, там существует выработанная годами своего рода культура подачи “чернухи” на экране. Поэтому даже в фильмах, где действуют серийные убийцы и маньяки, сцены сексуального и физического насилия дозированы, “закавычены” и, как правило, не носят за пределами натуралистичного и, следовательно, травматичного для зрительской психики характера. Во-вторых, построенные по нехитрой логике “хорошие парни” борются с “плохими парнями”, абсолютное большинство фильмов жанра “action”, по определению, не могут романтизировать, показывать в выгодном свете или, если угодно, пропагандировать деяния и нравы этих самых “плохих парней”*. В-третьих, “хорошие парни”, как правило, действительно хороши с точки зрения демонстрации типичных форм мужского поведения. Причем, если речь идет о качественном высокобюджетном блокбастере, где играют высокопрофессиональные, а зачастую просто выдающиеся актеры, образ положительного героя не сводится к мускулатуре и решительности “настоящего мачо”, но приобретает личностную многомерность и человечность. Проблема мальчишки, который осознанно или на уровне бессознательного берется лепить себя, свою персону с “настоящего киногероя” не в том, что последний “убог и примитивен”, а в том, что он слишком сложен и неоднозначен.

Чтобы было понятно, о чем идет речь, приведем какой-нибудь конкретный пример. Скажем, образы, созданные великолепным актером Брюсом Уиллисом. Все его персонажи в высочайшей степени наделены чувством долга, находчивостью, чувством юмора, способностью к самоиронии, отвагой, высоким профессионализмом, сумасшедшим везением. Этот фейерверк качеств настоящего — без всякой иронии — мужчины можно продолжить. При этом героям Уиллиса знакомы боль, страх, сомнение, что делает их еще симпатичнее и почти переносит из мира киношных икон в мир живых людей. Но только почти. Потому что в мире живых людей свернуть шею вооруженному до зубов террористу — чертовски трудное и рискованное предприятие, не говоря уже о том, что не каждый день предоставляется такая возможность. А вот, к примеру, размахивать кулаками перед носом одноклассника — дело сравнительно легкое и безопасное, особенно если он пониже ростом и поуже в плечах. И эта возможность, если вы учитесь в школе, лежит в кармане практически постоянно. Быть по-настоящему и в любой ситуации остроумным способен не каждый человек, даже обладающий врожденным чувством юмора. Научиться бросать циничные реплики по всякому поводу и сквернословить без всякого повода легко может каждый. Для того чтобы за трехдневной щетиной и подчеркнутой небрежностью костюма окружающие чувствовали изящество, стиль и шарм, необходимы не только вкус, чувство меры, но и своего рода искусство. А вот для того, чтобы просто не бриться и ходить в мятых брюках, не требуется ничего. Мало того, можно экономить на пене для бритья и стиральном порошке. Можно еще долго продолжать в том же духе. Однако уже очевидно: изнанкой, тенью “крепкого орешка” и “последнего бойскаута” выступает все тот же типаж хамоватого, скандального мужика, выведенный в старом анекдоте в образе “русского джентльмена”, который “слегка выбрит, до синевы пьян, с трудом отличает Эдиту Пьеху от “Иди ты на...”. В этом смысле очень показательны (и не случайны!) те эпизоды фильмов, по которым можно судить о повседневной жизни героев Уиллиса. Все они, будь то полицейский, агент секретной службы, психотерапевт, до того момента, пока не завертелась кровавая карусель, пока не возникла необходимость спасти себя и других, — типичные неудачники. У них не устроена семейная жизнь, рушится карьера, они одиноки и по большому счету никому не

нужны. Если бы не “счастливый случай”, предоставленный сценаристом, они, скорее всего, такими бы и оставались. Не случайно, как становится ясно из очередного продолжения истории Джона Маклейна (“Крепкий орешек”), всякий раз после того, как отгремели фанфары и отщелкали камеры репортеров, герой возвращается в свой привычный мир — мир бесконечных склок с начальством, уличных скандалов и семейных неурядиц.

Таким образом, на подсознательном уровне перед школьником, осознанно выбирающим киногероя как объект для подражания, предстают две ипостаси персонажа. Одна — “персона”, про которую, собственно, и снят фильм — идеал, труднодостижимый как в силу предельно высокого качества личности, так и по причине ее прочной “завязанности” на максимально экстремальном и героизированном сценарном контексте, маловероятном в реальной жизни. Другая — “тень”, которая, будучи реальной частью внутренней сущности идеального героя даже в рамках киносценария, легко реализуется в самой заурядной повседневности.

Поэтому, когда мальчик говорит себе и другим: “Я хочу быть как Брюс Уиллис”, — его бессознательное часто выполняет только что проделанную нами работу по расщеплению персонажа и выбирает более реалистичную и доступную поведенческую модель. “Счастливый” же случай предоставляется далеко не всегда. Жизненные сценарии пишутся по законам, увы, отличающимся от законов сценариев голливудских.

Здесь очень хотелось бы предложить какой-нибудь парадоксальный и изящный выход из тупика, но, увы, без папы мы не обойдемся.

То, что для сына в этом возрасте жизненно важно проводить с отцом как можно больше времени, — очевидно. Так же очевидно, что возможности мужчин в этом смысле бывают крайне ограничены массой объективных и субъективных причин. Поэтому возникает третья очевидность — необходимость использовать имеющиеся возможности максимально эффективно. Мы уже касались того, как это можно делать. Но если раньше речь шла, так сказать, о хобби, то сейчас настал момент кое-что предпринять в отношении школьных проблем.

Так уж сложилось, что в подавляющем большинстве семей все вопросы обучения детей “приватизированы” мамами, а то и бабушками. Они без конца помогают делать уроки, даже когда их об этом не просят, определяют, сколько времени нужно потратить на то или иное домашнее задание, и проверяют, как оно выполнено. Они же обосновывают необходимость образования доводами типа: “Будешь плохо учиться — не поступишь в институт, и тогда... (заберут в армию, станешь дворником и т.п.)”. Тем самым эти заботливые женщины, во-первых, подтверждают убежденность мальчика-первоклассника в том, что учеба и вообще всякая интеллектуальная деятельность — занятие сугубо женское (папа ведь этого не касается) и в большинстве случаев тошнотворное. И, во-вторых, если быть мужчиной — то есть не заниматься “женским” делом, непременно случится что-то страшное. Как вам такая дилемма? Если в данной невеселой ситуации ничего не меняется, то вашему сыну приходится делать выбор. Он может отказаться от того, чтобы стать мужчиной и тем самым предотвратить то страшное, что должно произойти в противном случае. Тогда, весьма возможно, из него вырастет вполне успешный в социальном плане член общества, который, по меткому определению героя Кевина Костнера в фильме “Жестяной кубок”, “ненавидит стариков, детей и собак”, не способный быть Мужем, Отцом и просто Человеком. Между прочим, вопреки утверждениям советского агитпропа, д-р Геббельс был образованным и даже талантливым философом, вполне заслуженно получившим докторскую степень и, как общеизвестно, физическим отцом шестерых детей... Этот пример, разумеется, из числа крайностей. И все же...

Наш мальчик может принять и прямо противоположное решение — быть мужчиной несмотря ни на что. Пусть даже случится что-то непоправимое. В результате такого решения он может стать по-настоящему привлекательным, надежным, великодушным, умным человеком, совершить героический подвиг и пасть смертью храбрых в одной из “горячих точек”...

Я опять-таки не оригинален — мне совершенно не нравятся оба этих сценария. Уверен: вам тоже.

Давайте ломать ущербные традиции. Именно отец должен объяснить мальчику необходимость учиться как предпосылку успешной интеллектуальной работы. Работы вполне мужской, поскольку мозги мужчины идеально к ней приспособлены. Помните: большинство мужчин принадлежат к думающему типу личности. На это, уважаемые мужчины, можно найти время, как бы мы ни были загружены работой и другими делами. Давайте объясним это своим сыновьям ясно и откровенно на примере нашего собственного жизненного опыта. Если папа пользуется уважением своего ребенка, то такая беседа значительно перевесит влияние негативных факторов, имеющих место в школе. Замечательно, если ребенок имеет возможность

общаться с друзьями отца. Таким образом он не только получает дополнительную возможность учиться реальным формам мужского поведения во всем их разнообразии, но и важное подтверждение того, что иметь хорошее образование, читать книги и даже — о ужас! — стихи, слушать серьезную музыку — совершенно не означает быть девчонкой. Понятно, речь не идет о “друзьях” из окрестностей винного магазина. Дети, растущие в таких семьях — трагедия, требующая отдельного рассматривания.

Между тем в совершенно нормальных семьях, где собираются вполне здоровые и, более того, интересные люди, почему-то зачастую правилом хорошего тона считается отправить детей поспать, поиграть, погулять. Если в качестве главной темы беседы в собравшейся компании предполагается обмен впечатлениями от посещения стриптиз-клуба, то такие действия родителей вполне понятны. Но если люди собрались просто пообщаться, повеселиться, то присутствие в компании — отличная школа для ребенка, в первую очередь именно для овладения способами поведения, характерными для его пола. Даже если в какой-то момент дело доходит до двусмысленных анекдотов, это не повод хвататься за сердце. Ответственно заверяю всех блюстителей нравственности: в начальной школе рассказывают анекдоты куда более сальные, чем за вашим праздничным столом. С той только разницей, что в детских анекдотах обычно много откровенной пошлости и ненормативной лексики и мало юмора.

Но вернемся к суровой повседневности. Сейчас я собираюсь сказать нечто, что действительно может заставить кого-то из моих читательниц схватиться за сердце. Наберитесь, пожалуйста, мужества. Я хочу спросить вас: а зачем, собственно, вы пытаетесь контролировать то, как ваш ребенок выполняет домашнее задание? Вы не доверяете учителю? Он настолько плох, ленив и некомпетентен, что вам приходится делать его работу за него? Если это действительно так, то немедленно переведите сына или дочь в другой класс или в другую школу!

Если же это не так, то, может быть, стоит потратить время на что-нибудь более приятное и полезное, чем портить нервы своему ребенку систематической демонстрацией своего сомнения в его ответственности и компетентности. А также в добросовестности и компетентности его учителя.

То же самое относится и к неумному желанию многих женщин непременно помочь в выполнении домашнего задания. Помните, в начале этой главы мы говорили о том, как важно в рассматриваемом возрасте человеку самому создать некий продукт, годный к употреблению? Это в полной мере относится и к школьному домашнему заданию. Тем более, что учеба на данном этапе развития ребенка является для него видом деятельности, объективно, без всяких кавычек востребованным социумом. Создаваемый в процессе этой деятельности продукт получает совершенно реальную качественную оценку со стороны общества. С моей точки зрения, оптимальное поведение взрослых применительно к урокам и вообще к школе — сообщить ребенку, что он в любой момент может обратиться к родителям за помощью, если возникнут проблемы. И не лезть ни к нему, ни к учителю, если нас об этом не просят.

Хочу подчеркнуть: речь, разумеется, не идет о том, что не нужно спрашивать ребенка, как у него дела или что новенького в школе. Хотя и здесь необходимо учитывать индивидуальность сына или дочери. Для ребенка-экстраверта подобный вопрос не только “удобен”, но и необходим. Интроверт же может воспринять его не как знак внимания или простой человеческий интерес, но как назойливое и неуместное вмешательство в его дела.

Вернемся к специфическим “мальчиковым” проблемам. Весьма желательно, чтобы помощь в школьных делах, когда о ней просят, мальчикам оказывали папы. В тех же случаях, когда речь заходит не о задачках, а о трудностях в отношениях с одноклассниками или педагогами, это просто необходимо с точки зрения половой идентификации. Идеально также, если мальчишку-первоклассника в школу отводит или отвозит отец. Тем самым мальчик получает ежедневное подтверждение того, что школа и учеба — действительно важное и вполне мужское дело, коль скоро папа каждый день тратит на это какую-то часть своего времени, особенно если он действительно очень занятой человек. Еще одно маленькое замечание о занятости. В нашумевшем фильме “Гладиатор” есть один подлинный исторический факт, заслуживающий самого пристального внимания. Коммод, сумевший за свою недолгую жизнь стяжать славу выдающегося чудовища и психопата в жесткой конкуренции с другими римскими императорами, среди которых не было недостатка ни в чудовищах, ни в психопатах, действительно был единственным сыном знаменитого философа на троне — Марка Аврелия. Последний же, бесспорно был очень занятым человеком: занимался государственным и административным устройством огромной империи, воевал, проповедовал добродетельный образ жизни, писал сочинение “К самому себе”...

“Стрелялки” и “ходилки”

Теперь я хочу снова вернуться в мир детских фантазий и игр и немного поговорить об одном преимущественно мальчишечьем развлечении, к которому в последнее время питают слабость и многие девочки. Я имею в виду компьютерные игры. Нравится это кому-то или нет, виртуальная реальность прочно вошла в нашу жизнь. В очень многих домах компьютеры уже давно стали не игрушкой, а вещью, необходимой взрослым для работы. За довольно скромную сумму сегодня можно без проблем приобрести очень серьезную машину. Вполне естественно, что эти аппараты, в реальности позволяющие делать то, что еще каких-нибудь пятнадцать лет назад можно было увидеть только в фантастических фильмах, словно магнит притягивают к себе детей. Тем более, что существует огромный выбор игр, использующих колоссальные возможности современных процессоров и видеокарт, способных буквально потрясти воображение не только ребенка, но и взрослого человека.

Сразу оговорюсь, что я в принципе не вижу ничего хорошего в увлечении семилетнего (а то и моложе) ребенка компьютерными играми, хотя не стал бы и демонизировать их. На эту тему написано и сказано немало — от публицистических статей до серьезных исследований. Ни в коей мере не претендуя на сколько-нибудь полное освещение этой специальной области, я хочу остановиться на двух аспектах, имеющих непосредственное отношение к предмету нашего разговора.

Виртуальная реальность благодаря современным компьютерным технологиям действительно стала реальностью. Она предоставляет человеку и, естественно, ребенку, уникальную возможность стать героем, творцом или, наоборот, злодеем, способным создавать и разрушать миры и вселенные, командовать армиями, повелевать народами, путешествовать и переживать невероятные приключения, уничтожать врагов. Она позволяет реализовать самые смелые фантазии и потребности и достичь того, что по каким-то причинам недостижимо в реальном мире. А ребенку младшего школьного возраста она дает возможность почувствовать себя не просто компетентным, а сверхкомпетентным, фигурой поистине вселенского масштаба. В результате для многих виртуальный мир становится более привлекательным, чем мир реальный. И ребенок начинает все сильнее и глубже погружаться в него.

Проблема, однако, в том, что законы мира виртуального зачастую не только отличаются, но и прямо противоположны законам подлинной реальности, о чем мы с вами уже говорили, касаясь проблемы киногоeroев. Поэтому, чем глубже постигает и принимает ребенок законы виртуальной реальности, чем успешнее он в ней, тем больше вероятность того, что в настоящем мире он может оказаться некомпетентным. В результате возникает желание вновь и вновь оказываться в мире виртуальном. Получается замкнутый круг.

Кроме того, увлечение компьютерными играми небезопасно и с физиологической точки зрения. Я имею в виду не всевозможные излучения, которые присутствуют даже при наличии самых совершенных мониторов (исключая жидкокристаллические). Дело в другом. Сценарии подавляющего большинства игр, и в первую очередь “стрелялок”, “ходилок”, “симуляторов”, построены таким образом, что игрок фактически постоянно пребывает в стрессовой ситуации. Причем в стрессовой ситуации, связанной, как правило, с непосредственной опасностью для жизни — виртуальной, разумеется. Но организм этой тонкости не различает. Он, в полном соответствии с законами физиологии, начинает насыщать кровь игрока адреналином, что служит дополнительным источником удовольствия или, если угодно, “кайфа” для игрока. В реальном мире в экстремальной ситуации вброс адреналина совершенно необходим для того, чтобы действовать — сражаться либо спасаться бегством. И в том, и в другом случае от организма требуется экстремальная физическая активность — сверхусилие. Именно благодаря такой активности выделенный адреналин “сжигается” организмом. Игрок же остается физически пассивным. В результате у него усиливается сердцебиение, повышается кровяное давление, нарушается обмен веществ. С течением времени адреналин начинает разлагаться в крови. Продукты его распада оказывают чрезвычайно вредное воздействие на организм, в первую очередь на сердечно-сосудистую систему. В литературе уже описаны случаи не просто бессонницы, повышенной раздражительности и тревожности, а полного физического и психического истощения у чрезмерно злоупотребляющих “купанием в адреналине” поклонников виртуальной реальности.

Похоже, без компьютерных игрушек люди жили бы дольше и лучше. Однако нет ничего более бессмысленного, чем плевать против ветра. Лучше поставить ветряк. Польза, быть может, и невелика, но в любом случае толку больше, чем при первом варианте. Поэтому, как ни парадоксально это прозвучит, я бы порекомендовал, если возможности вам позволяют, но вы по каким-то причинам этого еще не сделали, обзавестись домашним компьютером. По крайней

мере, вы получите возможность влиять на то, во что и сколько играет ваш ребенок и чему он при этом учится.

Я бы по возможности исключил “стрелялки”, “ходилки” и симуляторы. Между прочим, содержание и воздействие на психику ряда компьютерных игр стало предметом слушания в Сенате США в ноябре 1997 года.

Среди наиболее опасных были названы “Carnageddon”, “War Gods”, “Duke Nukem 3D”, “Postal”, “MDK”, “Diablo”, “Quake”. “Эти игры — не безобидная забава, как полагают некоторые. Они — фактически цифровой яд”, — такую оценку дал перечисленным играм сенатор Джозеф Лейберман⁷. За прошедшие годы “стрелялки” стали более совершенными, реалистичными и, следовательно, более опасными.

В то же время многие стратегические игры требуют способности к анализу, умения прогнозировать ситуацию, находить оптимальные решения. Именно их можно с успехом использовать, скажем, для формирования у мальчиков представления об интеллектуальной деятельности как вещи совершенно необходимой для успеха в таких сугубо мужских делах, как, например, война. Кроме того, многие стратегии стимулируют интерес к изучению истории и культуры различных стран и народов. Очень важен также тот факт, что при всем сценарном разнообразии и богатстве графики стратегические игры в наибольшей степени сохраняют элемент условности и потому наименее опасны с точки зрения чрезмерного погружения ребенка в виртуальную реальность. Они не столь опасны и с точки зрения физиологии, особенно стратегии, построенные на принципах шахматной игры, где одному ходу игрока соответствует один ход его противника (например, “Герои меча и магии”). Стратегии в реальном режиме времени, в которых надо создать, сделать или построить что-то как можно быстрее, пока это не сделал противник, являются более стрессогенными.

Подготовка к пубертату.

Продолжаем разговор на “скользкие” темы

Еще один важный аспект, непосредственно влияющий на формирование чувства собственной компетентности или, наоборот, неуспешности у детей младшего школьного возраста, — это осведомленность об изменениях, которые будут происходить с ними в подростковом возрасте. Собственно о проблемах пубертата мы поговорим подробно чуть позже. Но определенную подготовку к этому непростому периоду в жизни ребенка и всей семьи стоит провести по достижении сыном или дочерью 9—10-летнего возраста.

Речь идет прежде всего о том, что ребенок должен получить авторитетную и достоверную информацию об изменениях в его организме, связанных с половым созреванием. Вряд ли найдется добросовестный и вменяемый взрослый человек, который всерьез станет отрицать, что без такой информации начало формирования вторичных половых признаков, бурный рост костей и мышечной массы, не говоря уже о таких вещах, как менструации у девочек и поллюции у мальчиков, могут оказаться шокирующими и пугающими.

Вместе с тем, сама мысль о подобных беседах ставит многих мам и пап в столь же затруднительное положение, как и вопрос о том, откуда берутся дети.

Дело осложняется еще и тем, что эта важная и деликатная тема стала в последние годы предметом бесчисленных спекуляций и поводом для не вполне адекватных личностей выплескивать в печать свои патологические фантазии и тайные влечения и, более того, требовать их включения в школьные программы. Я имею в виду пресловутое “сексуальное просвещение” школьников. Несколько лет назад меня попросили дать экспертную оценку ряду подобных программ. Первое впечатление от прочитанного — чья-то неумная шутка. В начальной школе предлагалось изучать спаривание у животных и почему-то пропедевтику венерических заболеваний. Детям чуть постарше (5—6-й класс) предлагалось ознакомиться с особенностями профессии греческой гетеры, “сексуальными оргиями правителей древности”, пикантными нюансами античной педерастии. Подростков предполагалось тренировать в правильном обращении с презервативом. Возможно, предложение такого тренинга связано с тем, что у авторов программ в какой-то момент жизни возникли трудности в обращении с этим деликатным предметом. Однако это еще не повод подозревать все подрастающее поколение во врожденной идиотии и превращать школы в дома умалишенных с сексуальным уклоном. Ведь, насколько мне известно, абсолютное большинство граждан вполне успешно и по назначению использует презервативы, когда это необходимо, не имея специального образования. Правда, представители подрастающего поколения используют их порой для изготовления водяных бомб и елочных украшений, однако и они при интимном общении не пытаются натянуть их на голову вместо полового члена.

Тогда предложение подобных “инноваций” в образовании вызвало бурный протест со стороны самых разных социальных и профессиональных групп и организаций, и прежде всего

со стороны православной церкви. К сожалению, изрядно пошумев, нагромоздив кучу взаимных обвинений, изведя немало бумаги, стороны, так сказать, сгоняли в ничью. С одной стороны, “сексуальное просвещение” не стало обязательным образовательным компонентом. Да в том виде, как предлагалось, оно, наверное, и не могло им стать ни при каких обстоятельствах даже в нашей дикой действительности. В то же время вопрос остается открытым. Точнее сказать, он сегодня отдан на откуп директорам школ и даже отдельным учителям. В результате где-то можно встретить все перечисленные “инновации” и даже еще более чудовищные вещи.

Скажем, мне неоднократно приходилось слышать от многих совершенно не знакомых друг с другом жителей одного из спальных микрорайонов столицы, что директор местной школы — гомосексуалист-педофил. Причем сообщалось это пикантное обстоятельство как нечто совершенно обыденное и чуть ли не само собой разумеющееся. Надо полагать, в той школе “половое просвещение” поставлено на совершенно выдающийся, нетрадиционно высокий уровень.

С другой стороны, встречаются учебные заведения, в которых подобные темы полностью табуированы и дети не получают информации, объективно необходимой им для нормального развития. Прежде всего к их числу относятся многие гимназии и школы, именуемые православными. В них от всего, что связано не только с сексуальными, но и вообще с отношениями мужчины и женщины, бегут, буквально как черт от ладана.

Хочешь не хочешь, за дело снова нужно браться родителям. На мой взгляд, единственно нормальный и естественный порядок вещей — когда ребенок имеет возможность говорить в своей семье на “скользкие” темы и получает ответы на “взрослые” вопросы от мам и пап.

Лучше, если разговор о грядущих изменениях в физиологии и связанных с этим новых ощущениях и потребностях проведет с ребенком родитель одного с ним пола. Но при этом важно, чтобы он знал, что может обратиться с любым вопросом и к другому родителю. И это *совершенно нормально*.

Во время таких бесед стоит придерживаться тех принципов, о которых мы договорились, когда отвечали на вопрос о том, как на свет появляются дети. Если вы помните, главный из этих принципов гласит: наши дети заслуживают и достойны того, чтобы им говорили правду и только правду. Причем в настоящий момент они уже достаточно взрослые для того, чтобы знать *почти всю* правду. Другое дело, акценты...

Как я уже заметил, в этом возрасте процесс половой идентификации связан прежде всего с внешней атрибутикой пола. Именно с этой точки зрения и стоит говорить с 9—10-летним ребенком о предстоящем процессе полового созревания. Ведь появление вторичных половых признаков, изменение тембра голоса, начало менструального цикла — не только отражение и результат процессов, происходящих в организме, но и атрибуция половой принадлежности именно на внешнем уровне.

То есть ребенку необходимо разъяснить, что предстоящее изменение его внешности и физиологии есть не что иное, как знак того, что мальчик уже не в игре, не в фантазии, не “понарошку”, а на самом деле начинает превращаться в мужчину, а девочка — в женщину. И это тоже совершенно нормально и естественно. Как нормально и естественно то, что поначалу это может казаться непривычным, доставлять какой-то дискомфорт и неудобства. Именно так устроена жизнь, так *должно быть*. И, следовательно, не о чем тревожиться, и тем более нечего бояться.

При этом не стоит затрагивать собственно сексуальные проблемы. Просто потому, что пока еще с точки зрения развития личности они не актуальны. Правда, случается, что уже в этом возрасте родители сталкиваются со специфической сексуальной проблемой. Я имею в виду детскую мастурбацию. Обычно этим занимаются подростки, но не так уж редко дети начинают мастурбировать и в более раннем возрасте. Это может быть как результатом раннего полового созревания, так и рудиментом генитальной сексуальности, о которой мы уже говорили. Чаше всего такое открытие бывает для родителей неожиданным и шокирующим. Не менее шокирующей для ребенка может стать новость о том, что родители в курсе его развлечений. Крайний случай — когда мама или папа неожиданно входят в комнату в самый пикантный момент. Такая ситуация чревата не только всеобщим шоком, но и тяжелой психической травмой для ребенка.

Чтобы избежать подобной крайности, есть очень простое средство. Точнее, правило: *ваш сын или дочь достигли того возраста, когда входит без стука в их комнату уже нельзя*. Не спешите возмущаться и негодовать. Давайте вместе подумаем вот о чем: правила этикета и хорошего тона, культивируемые в аристократических семьях Европы, не просто кем-то придуманы. Они изначально происходят от некоторых норм поведения, имевших сугубо

прагматическое, прикладное назначение. Норм, способствующих выживанию рода. Во многом именно благодаря таким нормам аристократические фамилии насчитывают десятки поколений и не пресекаются в течение сотен лет, несмотря на войны, революции, эпидемии. Почему бы нам не взять их опыт на вооружение? Между прочим, непрошенный и неожиданный родительский визит может травмировать ребенка и в более прозаичных обстоятельствах. К примеру, появление отца в момент переодевания 10—12-летней девочки...

Но если уж вы оказались не в том месте и не в то время... Прежде всего, как бы вы ни относились к тому, что ребенок мастурбирует, ситуативно вы не правы абсолютно. *Вы вторглись без разрешения не просто в личное, но в интимное пространство другого человека.* И то, что этот человек ваш собственный ребенок, не только не смягчает, но наоборот, усугубляет безнравственность и беспардонность такого поступка.

Поэтому самое лучшее и, пожалуй, единственное, что можно сделать в подобной ситуации — это немедленно выйти и закрыть дверь. Даже извинения лучше оставить на потом. Мне представляется, что если сам ребенок не пожелает обратиться к случившемуся и в его поведении нет вызывающих тревогу изменений, лучше на данном этапе к этому не возвращаться. Хотя не стану спорить с теми коллегами, кто сочтет, что извиниться за вторжение все же необходимо. Это очень деликатная ситуация, и в ней, как, пожалуй, ни в какой другой, многое зависит от того, насколько на предыдущих этапах развития у ребенка сформированы базовое доверие к миру, автономия и инициатива, как вообще строятся отношения в семье.

В любом случае очень важно четко сформулировать собственное отношение к происходящему. В современной науке общепринятым считается, что сама по себе детская мастурбация не является чем-то необычным и тем более патологическим. Она не влечет за собой негативных последствий для физиологии и соматического здоровья. Добавлю от себя, что при адекватном поведении взрослых не происходит негативных изменений и на психологическом и моральном уровне.

Однако не могу согласиться с теми “специалистами”, которые утверждают, что мастурбация есть не просто довольно обычное и распространенное явление в среде детей определенного возраста, но нечто совершенно необходимое и полезное для здоровья.

Я считаю, что совершенно ни к чему специально заострять внимание на этом вопросе в отношениях с ребенком. В то же время стоит изъять из семейного обихода все, что может провоцировать подобное поведение. Не стоит разбрасывать где попало журналы для мужчин и держать в доступном для детей месте видеокассеты определенного содержания. Кроме того, естественно, не мешает поинтересоваться, какие телевизионные передачи предпочитает сын или дочь и какие сайты Интернета они посещают, если имеют такую возможность. Если раздел “Избранное” вашего домашнего компьютера заполнен Web-страницами из раздела порноресурсов всемирной паутины, отнеситесь к этому факту опять-таки не как к свидетельству испорченности или порочности вашего ребенка, а как к сигналу о том, что настало время всерьез объяснить ему, чем отличаются сексуальные отношения любящих друг друга мужчины и женщины от скотского разврата и половых извращений. А вот закончить такой разговор можно и, наверное, нужно ясным и категорическим запрещением посещать определенные сайты.

Заканчивая разговор “про это”, хочу еще раз подчеркнуть: дети должны иметь возможность получать в семье необходимую информацию о проблемах, связанных с полом и отношениями между мужчиной и женщиной.

Это совершенно необходимо для формирования половой идентификации и общего чувства собственной компетентности, о котором мы уже говорили. Если чувство компетентности успешно сформировано в период от 6 до 12 лет, это очень поможет как ребенку, так и семье в целом благополучно преодолеть трудности, неизбежно возникающие в подростковом возрасте.

Глава 7 ЭТОТ БЕСПОКОЙНЫЙ ПОДРОСТОК

Возраст, трудный для всех

Итак, ребенок вступает в то специфическое состояние, которое принято называть подростковым возрастом. Пожалуй, каждый современный родитель не раз слышал о кризисе подросткового возраста. Память многих взрослых хранит массу впечатлений о том, какой была их собственная жизнь в этот период. И далеко не все воспоминания о том времени можно назвать легкими и приятными.

Многочисленные статьи и телепередачи живописуют зачастую весьма специфические особенности подростковой субкультуры, рассказывают об ужасах подростковой преступности, сексуальных извращениях, наркомании.

Все это заставляет большинство молодых мам и некоторых пап с внутренним содроганием ожидать момента, когда ребенок достигнет “сложного возраста”. Мне кажется, что мы с вами уже имели достаточно возможностей убедиться, что в процессе взросления человека легких, беспроблемных возрастов не существует. И тем не менее, готов согласиться: кризис отрочества, пожалуй, действительно самый острый и болезненный для всей семьи.

Подросток подвергается воздействию могучих сил, как бы распирающих его изнутри, в каком-то смысле разрывающих его на части. Это неизбежно сказывается на поведении и взаимодействии с окружающими. Прежде всего активизируются физиологические процессы, связанные с интенсивным половым созреванием организма. Первая менструация у девочек, неконтролируемая эрекция (зачастую в не очень подходящий момент) у мальчиков, формирование вторичных половых признаков, изменение тембра голоса... Сколько переживаний может доставить девочке-подростку слишком маленькая, на ее взгляд, или, напротив, чересчур рано развившаяся грудь. А если, не дай Бог, прыщи... Эти процессы оказывают воздействие как на самих подростков, так и на родителей. Я помню рассказ одной мамы о том, как поражена она была, заметив в один прекрасный день, что у ее младшенького, всегда бывшего милым котенком, появились волосы на руках и ногах и басовитые нотки в привычном, ласкающем материнский слух мурлыканье.

На проблемы, связанные с физиологией, накладывается вторичное обострение кризисов, характерных для предшествующих стадий развития ребенка. Автономия и инициатива мощно и не всегда адекватно проявляются в потребности получить власть над собственной жизнью. В том, насколько это удастся сделать и насколько успешным оказывается подросток в реализации такой власти, проявляется конфликт предыдущей стадии: компетентность — неуспешность. И, наконец, все это происходит на фоне того, насколько внешний мир, и в первую очередь родители, готовы понимать и принимать происходящее (что соответствует конфликту самой первой стадии человеческой жизни: доверие — недоверие). По мнению Э. Эриксона, одна из основных задач подросткового возраста — интеграция в единое целое элементов идентичности личности, в той или иной степени сформированных ранее.

В реальной семейной жизни и в отношениях с родителями этот процесс часто проявляется в психологическом шараханье ребенка из одной крайности в другую. То он рассуждает и ведет себя как совершенно взрослый, умудренный опытом человек, то вдруг без всякой видимой причины превращается в инфантильного капризного пятилетку. То он готов принимать решения и ответственность по очень серьезным вопросам (и требует, чтобы ему позволили это делать), то оказывается абсолютно безответственным в уже давно оговоренных и привычных делах, связанных с уборкой собственной комнаты и походом за хлебом. Происходят заметные, иногда кардинальные изменения привычек, сложившихся стереотипов поведения, способов проведения досуга и круга общения.

Понятно, что такие пертурбации нагнетают напряжение в семье, задают неровный, “рваный” ритм жизни для всех ее членов. Более того, поскольку большинство подростков ведут себя таким образом не только дома, это создает объективно сложные, иногда критические ситуации, расхлебывать которые нередко приходится мамам и папам. В общем, куда ни кинь, всюду клин. Давайте посмотрим, есть ли у нас шанс...

Что ими движет?

Как я уже сказал, в основе поведения подростка лежит острая потребность в обретении власти и контроля над собственной жизнью, желание, так сказать, присвоить ее. И ощущение (отчасти соответствующее действительности, а отчасти иллюзорное), что он уже способен на это. Если вы помните, настойчивое желание присваивать и удерживать соответствует второй стадии развития человеческой личности, на которой формируется автономия. И первой формой проявления автономии бывает “нет” ребенка в ответ на любое родительское требование. Автономия начинается с отвержения внешнего авторитета.

Точно так же с отвержения внешнего авторитета — родителей и учителей — начинается борьба подростка за обретение власти и контроля над собственной жизнью. Причем начинается она с внешнего отвержения внешнего авторитета. То есть проявляется прежде всего в отрицании традиций, поведенческих норм, способов подавать себя, манеры одеваться принятых в мире “этих странных взрослых”. Вместе с тем на более глубоких уровнях не только психологического, но и, так сказать, житейского бытия потребность во внешнем авторитете, более опытном и дееспособном, сохраняется. Это противоречие нередко вызывает особенно болезненную реакцию у взрослых и служит дополнительным катализатором конфликтов, с очевидностью вытекающих из данной ситуации.

А что движет родителями?

“Если ты уже такой самостоятельный, не обращай ко мне за деньгами на покупку своих компакт-дисков, зарабатывай сам!”. “Если ты такая взрослая, не лезь ко мне со своими обидами. Ты ведь не желала меня слушать, когда выбирала себе приятеля!”. Знакомые фразы? Может быть, вам приходилось слышать нечто подобное в семьях ваших знакомых или от своих собственных родителей, когда вы были подростком? А может быть, что-то похожее вы сами говорили своему четырнадцатилетнему сыну или пятнадцатилетней дочери?

Если это так, пожалуйста, не обижайтесь. Внимательно вслушайтесь, как звучат эти фразы не тогда, когда вы произносите их в запале, переживая гнев, досаду или обиду, а “в чистом виде”, написанные на бумаге.

По-моему, они насквозь пронизаны детским инфантилизмом. Я не случайно упомянул обиду и досаду. Вряд ли, руководствуясь подобными чувствами, можно добиться хорошего результата — как известно, на обиженных воду возят. Причину подобной реакции взрослых В. Сатир видела, в частности, в том, что “большинство родителей сами еще не до конца пережили свой подростковый возраст. И они вовсе не чувствуют себя наставниками, умудренными опытом”¹. Мне не раз приходилось убеждаться в справедливости этой мысли, общаясь со своими клиентами. Многие из них, столкнувшись с вполне обыденными подростковыми проблемами своих детей, отнюдь не связанными с употреблением наркотиков, участием в криминальных группировках или ранней беременностью, разводили руками и честно признавались: “Я совершенно не представляю, что с этим делать”. Для таких родителей проявление подростком здоровой и необходимой изначально потребности в обретении контроля над *собственной жизнью* является, по сути, провокативным поведением. Они воспринимают действия сына или дочери как претензию на контроль и власть над *жизнью вообще*. В результате отрицание подростком внешнего авторитета воспринимается родителем как вызов. Контекст: “Я уже могу и хочу многое решать и делать самостоятельно. Пожалуйста, дайте мне такую возможность!”, читается как “Я теперь главный! Будет так, как я скажу!”. В результате в семье начинается борьба за власть. На неверно прочитанный посыл подростка следует реакция родителей, совершенно неадекватная истинному смыслу послыла. Это вызывает ответную реакцию, подкрепляющую негативные ожидания родителей и далекую от того, чего на самом деле изначально хотел подросток. Возникает порочный круг. Положение усугубляется тем, что обе стороны находят подкрепление безупречности собственной позиции в реально существующих обстоятельствах. Для родителей это, например, забота о здоровье, безопасности и благополучии своих детей. Для подростка — убежденность в том, что он не собирается делать ничего дурного и предосудительного, но его не слышат, не понимают и не желают с ним считаться.

“Испорченный телефон”

Во многих семьях это выливается в примерно следующий диалог (в скобках дается то, что не произносится вслух, но подразумевается или чувствуется).

Дочь: Мама! Я сегодня пойду на дискотеку и задержусь до десяти. *(Я хочу, чтобы ты не беспокоилась. Со мной все будет в порядке!)*.

Мать: *(Хм, до десяти... С кем это она собралась? И куда? На какие деньги? Она уже не считает нужным даже спросить разрешения! Просто ставит меня в известность! Если так пойдет дальше, скоро она вообще заявит, что не придет домой ночевать!)*. А не рановато тебе до десяти торчать на дискотеках? Чтобы в восемь была дома! И вообще, лучше заняться уроками!

Д.: Ну мама! Я уже обещала! *(Как ты можешь со мной так поступать! Что скажут друзья? Я уже не маленькая девочка!)*.

М.: Напрасно ты даешь такие обещания, не спросив взрослых! Мы еще поговорим об этом, когда придет с работы отец!

Д.: *(Зря я вообще ей сказала! Права Ирен! Предкам лучше ничего не говорить и все делать по-своему. Поорут и успокоятся!)*.

Недели через две. На часах пол-одиннадцатого вечера. Мать мечется от телефона к окну: “Господи! Наверняка случилось что-то ужасное! Она всегда предупреждает, когда задерживается!”. Папа на кухне судорожно накапывает валерьянки для супруги и коньяку для себя. Раздается звонок... На пороге стоит долгожданная дочь.

М.: Слава Богу! Жива, здорова! (Какое счастье! С ней все в порядке!). Я думала, с ума сойду! (О родителях даже не подумала! Вот они, эти компании и дискотеки! Я так и знала! Вот что она превратится, если так пойдет дальше!). Тебе только-только исполнилось пятнадцать, а ты уже начала шляться по ночам! В страшном сне не могла представить, что моя дочь будет вести себя как проститутка!

Это, разумеется, сознательно утрированный пример совершенно деструктивного взаимодействия между подростком и взрослыми, характерный прежде всего для семей, не сумевших по той или иной причине благополучно решить проблемы взаимоотношений, возникавшие на более ранних стадиях развития ребенка. Но и родители, строившие отношения с детьми и друг с другом на основе любви с открытыми глазами и творчески решавшие задачи, о которых мы говорили в предыдущих главах, иной раз чувствуют себя обескураженными, столкнувшись с обострением, казалось бы, благополучно разрешенных конфликтов в их специфической подростковой окраске. На самом деле все то, чего вы сумели достичь раньше, все те качества личности, которые приобрел ваш ребенок, никуда не исчезли. Не исчезла и любовь сына или дочери к вам и потребность в вашем участии и поддержке. Более того, не перестали работать и уже известные нам по прежнему опыту способы находить хорошие решения “плохих” проблем. Просто несколько изменились и в чем-то усложнились, так сказать, условия задачи.

***Что надо иметь в виду,
чтобы договориться с подростком***

Я уже обратил ваше внимание на то, что потребность в овладении контролем над собственной жизнью и связанные с этим конфликты очень похожи и действительно представляют собой проявления на качественно ином уровне того, с чем мы сталкивались в возрасте от одного до трех и от трех до пяти лет — то есть на борьбу за автономию и инициативу. Тогда, если вы помните, мы искали выход в переговорах и заключении контракта с нашим ребенком. Причем контракт в максимальной, насколько это было возможно, степени учитывал потребности ребенка и при этом ограждал наши собственные интересы как живых и свободных людей, безусловно ответственных за своих детей, но отнюдь не обязанных *всю* жизнь без остатка посвятить исключительно им. Если десять лет назад мы качественно проделали эту работу, то сегодня, когда сыну или дочери “стукнуло” 12, возможно, будет достаточно лишь пересмотреть его параметры и кое-что добавить. В любом случае, коль скоро мы тогда сумели договориться с ребенком, который еще многого не понимал и не мог понять, которому иногда было трудно объяснить свою мысль внятно, теперь у нас есть очень хороший шанс договориться и понять друг друга с уже достаточно взрослым человеком, имеющим определенный жизненный опыт, свой собственный взгляд на мир и представление о своем месте в нем.

На мой взгляд, начать необходимо с определения границ реальной дееспособности подростка по отношению к собственной жизни. В дальнейшем я буду часто употреблять в этой главе слово “границы”. Границы, ясно и четко прописанные и определенные, по моему глубокому убеждению, являются тем краеугольным камнем, на котором строятся здоровые и реальные отношения между взрослым и подростком. Границы вообще чрезвычайно важны в отношениях между людьми. Если они не определены или размыты, — конфликт неизбежен*. Для подростка же дело осложняется тем, что ему бывает непросто определить не только межличностные, но и свои внутренние границы. В частности, границу между тем, на что он реально имеет право и за что, соответственно, несет ответственность по отношению к собственной жизни, и тем, в чем он по объективным причинам не может быть достаточно компетентен. Попытки нащупать, определить эту границу эмпирическим путем толкают подростков на подчас очень рискованные, чреватые реальной угрозой для жизни и здоровья эксперименты. Поэтому помощь авторитетных взрослых в определении границ не просто полезна для преодоления трудностей в отношениях, связанных с подростковым возрастом, но и является объективно необходимой и потому востребованной самими подростками.

Если, готовясь к переговорам о заключении контракта с маленьким ребенком, мама и папа в начале вдвоем определяли, что можно и что нельзя позволить сыну или дочери, то теперь, на мой взгляд, это не только нежелательно, но и невозможно делать без непосредственного участия самого подростка. Дело в том, что когда речь заходит о пределах личной компетентности в этом возрасте, то дети, как правило, склонны сильно преувеличивать

собственные возможности, а родители, наоборот, — чересчур преуменьшать их. Поэтому давайте сделаем эту работу вместе. Таким образом, мы, во-первых, сможем лучше уяснить положение вещей и будем в максимальной степени объективны. Во-вторых, получим хорошую возможность избежать недомолвок, недоговоренностей и разночтений. В-третьих, обретем реальный шанс вместе разрешить возможные противоречия. Мне кажется, изначально хорошей базой для такого обсуждения со стороны взрослых будет позиция, сформулированная В. Сатир: “Если то, в чем вы ограничиваете своих детей, не является запрещенным, аморальным или чересчур дорогим удовольствием, откажитесь от запретов, разрешите им делать то, что они хотят”³.

Хочу еще раз напомнить: потребность почувствовать себя хозяином собственной жизни выражается у подростка прежде всего в отказе от внешних атрибутов родительского контроля и в стремлении обладать опять-таки внешними символами самостоятельности. Вместе с тем, стремясь к власти, большинство подростков, как сознательно, так и на бессознательном уровне, стараются в максимальной степени избежать ответственности за последствия принимаемых решений. Несмотря ни на какие публичные декларации, они нуждаются в опоре на авторитет и включенности в определенную иерархию с ясно очерченными *границами*.

Между прочим, именно в этом противоречии, если угодно, парадоксе кроется главная причина привлекательности для определенной части подростков всевозможных асоциальных и деструктивных молодежных группировок. В любой группировке такого рода — вне зависимости от того, идет ли речь об отвязной тусовке со слегка криминальным оттенком или о жестко структурированной и внешне благопристойной тоталитарной секте — указанное противоречие решается одинаково простым и ясным способом. С одной стороны, группировка не только допускает, но и поощряет отказ от всех внешних атрибутов зависимости от родителей и подчиненности им, вплоть до ухода из дома. С другой стороны, в ней имеется иерархия и, соответственно, авторитет (вожак, главарь, гуру и т.п.) — как правило, более старший и опытный, который принимает важные решения, помогает в затруднительных случаях, поощряет и наказывает. Таким образом, участие в группировке удовлетворяет (главным образом, виртуально) потребность в свободе и независимости и одновременно освобождает от ответственности как физического (меня не бросят в беде, за меня скажут веское слово и т.п.), так и нравственного порядка (я не мог иначе, у меня не было выбора, меня заставили). Иными словами, группировки предоставляют своим участникам *то, в чем они на самом деле нуждаются*. И ради этого подростки готовы жертвовать очень многим. Скажем, пройти через унижительную, а зачастую и откровенно жестокую инициацию. К примеру, тема жестокости процедур приема новых членов в студенческие братства, практикуемых во вполне солидных и даже консервативных американских колледжах, неоднократно становилась предметом обсуждения в США на самых разных уровнях.

Я не случайно позволил себе это отступление. Власть над детьми обкуренные анашой “авторитеты” и полуграмотные “гуру” получают только в том случае, если семья не дает подростку того, что ему нужно. По-моему, лучше не предоставлять им такой возможности. Это тот самый случай, когда стоит повнимательнее присмотреться к опыту и образу действий неформальных молодежных лидеров.

Поэтому приведенную выше рекомендацию В. Сатир я бы отнес в первую очередь именно ко всем внешним проявлениям родительской власти. Прежде всего давайте безоговорочно признаем, что наш сын или дочь уже достигли того возраста, в котором мы не должны водить их за ручку. В буквальном, а не в переносном смысле. Да-да, я не шучу. Мне приходилось встречать не так уж мало женщин, глубоко и искренне переживающих из-за того, что их дочери категорически и порой агрессивно отказываются от их общества, хотя еще год назад охотно ходили и ездили с мамами по магазинам, в парикмахерскую, в гости и просто в парк. Они по какой-то причине забыли те годы своей жизни, когда фигура идущей рядом мамы воспринималась ими самими не как мама, а как послание миру: “Посмотрите: она еще такая маленькая и никчемная!”.

Другой эпизод из той же серии. Только маленьких детишек нельзя ни на час оставлять дома одних. Именно поэтому очень часто бабушкам и дедушкам, которых приглашают посидеть с двенадцатилетним чадом во время школьных каникул, здорово достается от внуков и внучек. Дело опять-таки не в отсутствии любви к дедушкам и бабушкам. Бурный протест со стороны подростков вызывает отсутствие доверия. Вступая в конфликт по поводу и без повода, они тем самым заявляют: “Я уже достаточно взрослый и не нуждаюсь в няньках!”. И это, как правило, чистая правда. Если у вас нет реальных оснований предполагать, что, оставшись “один дома”, ваш повзрослевший ребенок немедленно начнет испытывать взрывчатые вещества, устраивать потоп соседям или распродавать ценные вещи, не стоит ущемлять его достоинство, снижать

самооценку и выставлять его недоумком перед сверстниками, приглашая бабушку, дедушку или еще кого-то из взрослых в качестве няньки-надзирателя. Между нами говоря, любой нормальный двенадцатилетний подросток знает, как разогреть себе обед и не сжечь при этом квартиру, знает, что, уходя на улицу, надо запирать входную дверь, и *должен* знать, что в наше замечательное время нельзя открывать незнакомым людям, даже если они представляются милиционерами, почтальонами, папиными знакомыми или клянутся всеми святыми, что умирают от жажды.

Другой важный аспект отвержения *внешних* атрибутов родительского авторитета, естественно, связан с *внешностью*. Если на предыдущем этапе развития личности дети, идентифицируясь с родителями своего пола, стремились подражать им в одежде, манерах, привычках, стремились *выглядеть как взрослые*, то подростки в поисках своей индивидуальности, неповторимости, наоборот, стремятся отличаться от взрослых своим внешним видом. Именно в этом стремлении и заключается главный источник специфической подростковой культуры. Именно отсюда идут странновато-чудаковатые, на взгляд взрослых, иногда совершенно непонятные, порой шокирующие и раздражающие стрижки подростков, манера одеваться, музыкальные и литературные пристрастия, сленг и другие способы самовыражения. Причем очень часто любые попытки взрослых повлиять на эти вкусы и привычки вызывают агрессивную реакцию со стороны подростков, приводят к бесконечным конфликтам и, как следствие, к результату, прямо противоположному ожиданиям и желаниям взрослых.

Мне вспоминаются мои школьные годы, пришедшиеся на 70-е — начало 80-х. Не последнее место в формировании устойчивого неприятия пионерской организации и всего, что с ней связано, у многих представителей моего поколения занимало категорическое требование, подкрепленное всевозможными “санкциями”, не приходить в школу без пресловутой “частицы красного знамени” на шее. Причем неприятие “частицы” определяло и отношение к целому. (Помните: “Не стесняйся пьяница носа своего, он ведь с нашим знаменем цвета одного!”)

Я помню, сколько копий переломала школьная администрация в борьбе с джинсами и “неуставными” длинными волосами у нас, мальчишек, росших на музыке “Deep Purple” и “Led Zeppelin”, и серьгами, клипсами и мини-юбками у девочек. Закономерным результатом этой борьбы за “опрятный и скромный внешний вид” стало то, что в старших классах особым шиком считалось заявиться в школу не просто в джинсах, а непременно в драных джинсах, покрытых множеством бросающихся в глаза кожаных заплат. При этом форменный школьный пиджак тоже должен был быть заношен до дыр. Что же касается причесок, то наиболее стойкие поклонники таланта Джимми Пейджа и Ричи Блекмора в знак протеста против невежества и злокозности администрации старались не только стричь, но и мыть волосы как можно реже.

Вспоминая все эти “предания старины глубокой”, я не без внутреннего содрогания слышу участвовавшие в последнее время в среде чиновников от образования разговоры о необходимости вновь одеть всех российских школьников в пресловутую форму. При этом в качестве обоснования очередной “инновации” выдвигается “гуманная” мысль о том, что-де дети из не очень обеспеченных семей чувствуют себя обделенными и комплексуют, оказавшись за одной партой со сверстником из богатой семьи, одетым гораздо лучше. Любому хоть сколько-нибудь вменяемому человеку совершенно очевидно, что если кому-то не удастся продемонстрировать свое благосостояние и “крутизну”, он найдет десятки возможностей сделать это. Даже если обязать всех учащихся ходить на занятия в военных робах на радость вновь появившимся в школах военрукам, равнодушным к “Фиесте”. Но дело даже не в этом. Просто, если в таком-то классе такой-то школы отношение к ребенку (не важно, плохое или хорошее) со стороны сверстников определяется толщиной (опять-таки не важно, большой или маленькой) кошелька его родителей — с чем собираются бороться введением единой формы, — то это диагноз. Диагноз абсолютной профессиональной непригодности администрации и педагогов данного учебного заведения. И никакая форма тут не поможет. Нужны совершенно иные меры.

Но вернемся к переговорам и заключению соглашения о разделе “сфер влияния” с нашими подрастающими детьми. Надеюсь, мне в какой-то степени удалось убедить вас в полезности и даже необходимости начинать их с отказа от наиболее одиозных, с точки зрения наших детей, внешних проявлений родительской власти и опеки. Сделав это, вы окажетесь в глазах подростка не занудным “предком” не понимающим очевидных вещей, а старшим и более опытным партнером, считающимся с ним, прислушивающимся к нему и, следовательно, заслуживающим доверия. Тем самым вы обменяете свой внешний контроль над сыном или дочерью на реальную возможность быть для него или нее подлинным внутренним авторитетом, советником и защитником в тех случаях, когда это реально необходимо. Здесь нет никакого

подвоха или хитрости. Это честный договор, отвечающий объективным потребностям жизни и не ущемляющий ни чьего достоинства. И вместе с тем вы, сделав такой шаг, косвенным образом задействуете известный принцип влияния — взаимный обмен. Согласно этому принципу, “человек, который действует по отношению к нам определенным образом, получает право на подобное действие в ответ”⁴. Иными словами, если в ситуации столкновения интересов мы *по доброй воле*, без внешнего нажима идем навстречу нашему оппоненту, мы тем самым вовсе не демонстрируем свою слабость, как думают многие, а ловко и незаметно побуждаем его, в свою очередь, проявить уступчивость. Уступка воспринимается как проявление слабости, если она является следствием внешнего давления. Добровольная же уступка на сознательном уровне выглядит скорее как щедрость и великодушие.

Как вести переговоры с подростком

Теперь обратимся непосредственно к тому, как провести переговоры с подростком с максимальными шансами прийти к соглашению. Я предлагаю в качестве возможного варианта достаточно простую процедуру, существенно облегчающую это непростое дело.

Первое и самое главное правило: поскольку очень важно добиться полной ясности и обозначить границы, и вы, и ваш ребенок должны взять на себя обязательство внимательно выслушать друг друга без критики и осуждения, ни в коем случае не перебивая и не возражая. При том условии, что каждый в определенный момент получит возможность высказать свои соображения или несогласие по спорным вопросам. Кроме того, все участники этих переговоров не только имеют право, но и берут на себя обязательство задавать любые уточняющие вопросы и просить разъяснения, если что-то в точке зрения собеседника кажется не очень понятным или неопределенным.

Второе правило, не менее важное: и вы, и подросток должны понимать и признавать то, что наша процедура — не спортивное состязание и тем более не боевые действия. Поэтому ни перед кем из вас не стоит задача победить другого или набрать максимальное количество очков. Просто ваша семья в своей истории подошла к очередному не очень простому рубежу, через который проходят все семьи. Если раньше в семье было двое взрослых (супругов) и ребенок и задачки, которые выдвигала жизнь, решались чаще всего вдвоем, то теперь мы переживаем момент, начиная с которого, многие проблемы семьи могут быть решены только троим. Выиграть или проиграть могут все члены семьи вместе. Итак...

Первый шаг делают родители. *Вы должны ясно и четко объяснить подростку, что видите, как он повзрослел, что вы цените и уважаете это. И так же ясно и четко изложить проблемы, которые, на ваш взгляд, связаны с его взрослением, и то, что вас тревожит в связи с этим в настоящее время или как реальная возможность в будущем.*

Как я уже говорил, подростки склонны порой чрезмерно преувеличивать свои возможности и ввязываться в различные авантюры, не думая о последствиях. Поэтому очень важно прямо и откровенно сказать сыну или дочери, чего вы на самом деле опасаетесь в связи с их вступлением в новый этап жизни. Повторюсь: прямо и откровенно обо всем — от непоступления в перспективе в вуз до нежелательной беременности. В этом разговоре не должно быть закрытых тем, недоговоренностей и двусмысленностей. Ответственно заявляю, нравится нам это или нет, но в современном мире к 12—13 годам наши дети, как правило, знают о жизни (и в том числе о ее дне) гораздо больше, чем нам порой кажется и чем хотелось бы. Приведу пример. Как-то осенью, года три тому назад я, вернувшись из отпуска, встретил знакомого мальчишку — семиклассника из очень хорошей семьи и хорошей школы. В глаза мне бросился новый имидж дяди Федора (так звали мальчика), резко контрастировавший с тем, что я помнил по нашей предыдущей встрече. Существенной деталью образа была сережка в ухе. В какой-то момент нашего разговора я поинтересовался:

— Дядя Федор, а зачем ты проткнул себе ухо?

— А что тут такого? — ответил он вопросом на вопрос.

— Да в общем-то ничего, но все-таки, по-моему, стиль “унисекс” — больше женский.

Для мужика он как-то не очень...

— Так я же проткнул себе левое ухо, а не правое.

(Если кто-то не в курсе: в среде определенной части молодежи и некоторых взрослых серьга в левом ухе мужчины — это признак мужественности, иногда также символ принадлежности к панкам, а в правом — отличительный знак пассивного гомосексуалиста.)

— Откуда такое глубокое знание жизни в столь юном возрасте? — искренне удивился я.

— Вы малость отстали, Валерий Александрович, — снисходительно усмехнулся подросток, — сейчас об этом все знают еще во втором классе!

Даже если дядя Федор в разговоре со мной ради красного словца слегка подзагнул насчет второго класса, пример этот, по-моему, достаточно красноречив. Поэтому, откровенно разговаривая с нашими повзрослевшими детьми на “скользкие” темы, мы отнюдь не сообщаем им нечто безнравственное (это безнравственное они, как правило, уже не раз слышали из иных источников, причем в самом вульгарном и похабном виде), а еще раз даем им понять, что считаем их достаточно взрослыми, ответственными, заслуживающими доверия.

Кроме того, это отличная возможность дать то, чего подростки наверняка не получают на улице и в школьных туалетах, — внятно объяснить, почему та или иная вещь считается безнравственной, почему она отвергается или порицается обществом. В чем, наконец, ее опасность для здоровья физического или душевного. Откровенно разговаривая с подростком о любых наших страхах и опасениях, связанных с его жизнью, важно не только прямо их назвать, но и объяснить их причину. Важно потому, что без такого объяснения очень многие вещи, бесспорность которых подросток, в общем, признает искренне и безоговорочно, оказываются не воспринятыми на конкретном, ситуативном уровне. Скажем, легко соглашаясь с тем, что наркотики — в принципе зло, многие подростки весьма смутно представляют себе, чем конкретно может обернуться это зло применительно к ним лично. Отсюда печально знаменитое: “Попробую один раз, просто чтобы представлять, что это такое. И больше никогда в жизни...”. Итак, прямо, подробно и откровенно о том, чего вы опасаетесь и почему.

Второй шаг делает подросток. *Ты должен прямо и честно рассказать о том, что происходит в твоей жизни, о своих планах, надеждах, стремлениях. О том, чего ты хочешь, в чем сомневаешься, чего опасаясь.*

Очень многие вещи, вызывающие протест, недовольство и даже негодование у подростков, взрослые делают вовсе не потому, что они прирожденные тираны и не готовы ни в чем идти навстречу своим детям и считаться с ними. Они просто не имеют ясной информации о том, в чем на самом деле нуждаются подростки, и действуют *исходя из своих представлений* о том, что нужно сыну или дочери. Поэтому каждый подросток, если, конечно, его родители не умеют читать мысли, может быть уверен: либо он откровенно говорит о своих нуждах и проблемах, либо скорее всего не получит желаемого, даже если он не требует ничего невыполнимого или криминального и родители на самом-то деле вполне готовы удовлетворить его потребность. Я уже не говорю о возможных конфликтах на данной почве — это само собой разумеется. Вот типичная иллюстрация. Девочка-подросток, с которой мне довелось работать, предъявляла обычные претензии к родителям (особенно к маме) за чрезмерную опеку и вмешательство в ее жизнь, жаловалась на полное отсутствие свободы. Я попросил привести конкретный пример того, как это происходит. Оказалось, что в день, когда отмечался четырнадцатый день рождения Марины и, естественно, собрались друзья, мама без конца входила в комнату, где происходило торжество, назойливо предлагала попробовать то или другое блюдо, возилась с грязной посудой, одним словом, испортила весь праздник. Далее последовал диалог примерно следующего содержания:

В.И.: Марина, как, на твой взгляд, должна была бы вести себя мама, чтобы праздник удался?

М.: Ну, она могла бы побыть в другой комнате. Кому вообще нужны все эти разносолы? Вы же понимаете... Главное — общение.

В.И.: Конечно, общение — это главное. Я понимаю — разговоры, танцы и все такое. Взрослые иногда бывают лишними в вашей компании. И все же гостей обычно принято угощать. Если бы мама вообще этим не занималась, ты бы усадила своих друзей вокруг пустого стола и весь вечер играла бы с ними в “бутылочку”?

М. (смеется): Ну, нет, конечно. Тоже мне проблема — угощение. Я бы испекла торт... Мне бы помогли подружки.

В.И.: Насколько я понимаю, на самом деле тебе хотелось бы провести вечер в кругу своих друзей и чтобы родителей вообще не было дома.

М.: Вообще-то это правда.

В.И.: И ты бы сама справилась со всеми хозяйственными делами?

М.: Да.

В.И.: Ты говорила об этом с мамой?

М.: Она бы никогда не согласилась оставить нас на целый вечер!

В.И.: Так ты спрашивала ее или нет?

М.: Нет. Я просто знаю, что это бесполезно!

В.И.: Ты так думаешь. И наверное, у тебя есть определенные основания так думать. Но как ты можешь знать наверняка, если не спрашивала?

М. (подумав): Ну, мне так кажется...

В.И.: Может быть, проверим твое предположение и спросим маму, что она на самом деле думает по этому поводу?

М. (оживленно): Ну, вам-то она, конечно, скажет все что угодно!

В.И.: Ты имеешь в виду, что мне она скажет одно, а в действительности сделает совершенно противоположное? Ей совсем нельзя доверять?

М. (задумчиво): Вообще-то обычно она не обманывает...

(Те же и Маринина мама, Нина Васильевна.)

В.И.: Нина Васильевна, вы хорошо помните день рождения Марины?

Н.В.: Да, это было совсем недавно.

В.И.: И как прошел вечер?

Н.В.: Да как вам сказать... Мне казалось, что все было хорошо. Собрались ее друзья, одноклассники. По-моему, был хороший стол, подарки...

В.И.: Вы говорите это как-то не очень уверенно...

Н.В.: Понимаете, когда разошлись гости, Марина стала мне выговаривать... что я не давала им посидеть спокойно, все время лезла к ним. В общем, ее обычные претензии, что я якобы во все лезу, не даю ей жить своей жизнью!

В.И.: Вы действительно весь вечер провели с Мариной и ее гостями?

Н.В.: Да ничего подобного! Я прекрасно понимаю, что им мое общество не очень интересно, они уже взрослые, хотят повеселиться сами по себе! У них уже свои разговоры, интересы. Я просто подавала на стол да попросила в полдесятого сделать музыку чуть потише. Только и всего.

В.И.: А много было гостей?

Н.В.: Девять человек. Все хорошие Маринины друзья.

В.И.: Наверное, нелегко обслужить такую компанию молодежи?

Н.В.: Ну, что вы Валерий Александрович! Ведь день рождения дочери! Хотя, конечно, готовки и грязной посуды было достаточно. Ну, так не каждый же день!

В.И.: Да, конечно. Это была суббота. Скажите, Нина Васильевна, если бы не день рождения Марины, чем бы вы занимались в ту субботу?

Н.В.: Так трудно сказать. Мало ли чем... Дела всегда найдутся.

В.И.: А все-таки? Что приходит в голову? Вы бы что-то делали по хозяйству? Читали? Смотрели телевизор? Может быть, пошли бы на прогулку или в гости?

Н.В. (подумав, оживленно): А знаете, муж часто работает и по субботам. А в тот день он как раз был свободен. Вообще-то мы давно никуда не выбирались.

В.И.: Правильно я понимаю, что если бы не день рождения дочери, вы с супругом в тот день могли бы пойти в театр или в ресторан?

Н.В.: Да, я думаю, да.

В.И.: И вы бы оставили Марину на целый вечер дома одну?

Н.В.: Мне кажется, в четырнадцать лет это нормально. Я не права?

В.И.: Да нет, разумеется, правы. Но, знаете ли... Сейчас такое время... А если в ваше отсутствие соберется компания... Многие подростки сейчас всю курят. И не только табак... Вы меня понимаете? Выпивки, кражи... Скажем, даже из тех, кто был у Марины на дне рождения, все ли заслуживают доверия?

Н.В. (убежденно): Я понимаю, куда вы клоните. Нет, Валерий Александрович! В последнее время мне с дочерью бывает непросто, но она хорошая девочка! Ни на что такое она, тьфу-тьфу, просто не способна. И всех ее друзей я знаю. Это совершенно нормальные ребята из приличных семей!

В.И.: До Маринино пятнадцатилетия осталось меньше года. Может быть, сейчас вы поговорите о том, как отметить эту знаменательную дату таким образом, чтобы всем было по-настоящему хорошо, легко и комфортно? И кое о чем еще?..

Третий шаг. Промежуточный, но очень важный. *Взаимное уточнение позиций. Высказывание своего отношения к точке зрения друг друга и возражения по тем пунктам, с которыми вы не согласны.*

После этих трех шагов вы, возможно, придете к соглашению по всем важным моментам жизни вашей семьи, связанным со вступлением сына или дочери в подростковый возраст. Если так, поздравляю. Дело практически сделано. Однако, весьма вероятно, что по каким-то вопросам полного взаимопонимания достичь сразу не удастся. В этом случае давайте зафиксируем те пункты, по которым мы договорились, и сделаем следующий шаг.

Четвертый шаг. *Совместный поиск хорошего для всех решения обнаруженных проблем.* Здесь очень важно придерживаться правила, о котором мы говорили выше, и помнить о том, что выиграть или проиграть вы можете только все вместе. Итак, что мы имеем? За

каждой из точек зрения, на первый взгляд взаимоисключающих, стоят чувства, потребности, возможно, страхи, по-настоящему важные для тех, кому они принадлежат. Если каждый из участников нашего семейного совета честно и ответственно подошел к выполнению своей части предыдущей работы, то у нас есть ясное представление о том, чего *на самом деле хочет каждый из оппонентов, почему для него так важно именно в этом вопросе настоять на своем*. Еще раз хочу напомнить: ни у кого нет задачи во чтобы то ни стало выиграть матч. И никто не должен отказываться от того, что для него по-настоящему важно. Поэтому ни отец, ни мать, ни подросток ни в коем случае не должны ставить вопрос примерно так: *что я еще могу сделать, чтобы убедить их в моей правоте и заставить поступить по-моему*. Если мы хотим найти хорошее решение для всей семьи, вопрос, который каждый участник переговоров должен задать себе, следует сформулировать примерно следующим образом: *что мы можем сделать для того, чтобы каждый из нас получил то, что он на самом деле хочет, и каким может быть мой личный вклад в общее усилие?*

Я абсолютно убежден: при таком подходе, затратив некоторое время и силы, можно найти решение практически любого вопроса, удовлетворяющее всех. Именно потому, что благополучие семьи в целом напрямую зависит от благополучия каждого из ее членов. Примеров можно привести много. Ограничусь одним небольшим, но достаточно характерным.

Семья собирается на летний отдых. Родители намерены отправиться в теплые края. Мать категорически настаивает на том, чтобы дочь-подросток ехала с ними или на дачу к бабушке. Девочка противится. Она желает провести каникулы в молодежном лагере. Пламенные речи, которые при этом произносятся каждой из сторон, и испытываемые ими чувства читатель может представить себе сам в соответствии со своими вкусами, фантазией, темпераментом или личным опытом. Если подобная дискуссия завершится убедительной победой одной из сторон, то можете пофантазировать о том, как замечательно будет проходить семейный отдых. Теперь представим другой вариант. Наша семья проделала все то, о чем мы с вами уже сказали. В этом случае, пройдя три первых шага, возможно, они выяснили бы, что мама на самом деле опасается отпустить дочь одну в лагерь. Чтобы спокойно отдыхать, ей очень нужна уверенность в том, что горячо любимый ребенок находится под надежным присмотром, окружен вниманием и заботой и с ним ничего не случится.

Дочь-подросток любит родителей, но очень хочет почувствовать себя свободной и самостоятельной в среде сверстников. Лежать на пляже с мамой ей попросту скучно.

Папа тоже, естественно, хотел бы расслабиться и отдохнуть. Поэтому он не без внутреннего содрогания думает о возможных на отдыхе и уже набивших оскомину дома ежевечерних дебатах между супругой и дочерью о том, в котором часу девушка должна приходить с дискотеки.

Если, выяснив все это, семья решится сделать и четвертый шаг, то, возможно, мама примет на себя ответственность любым удобным для нее способом — через знакомых, коллег по работе, туристические агентства или как-то еще — собрать информацию о лагерях отдыха для школьников и выбрать среди них такой, где ее дочь совершенно точно не поселит в барак с дырявой крышей, не накормят мясом свиньи, подозреваемой в связи с ящуром, и не отдадут в лапы сексуального маньяка, подрабатывающего главным вожатым. Дочь, в свою очередь, возьмет на себя обязательство принять мамину рекомендацию при выборе лагеря. Папа же возьмется обеспечить отдельный отдых семи в финансовом отношении. Возможно, они найдут и какое-то иное решение, но найдут обязательно!

Пятый шаг. Оформление соглашения. В своей практике я рекомендую родителям и подросткам не просто договориться по всем вопросам, но и зафиксировать свое соглашение и принятые решения на бумаге и подписаться под этим. Кое-кто считает это ненужной формальностью или просто игрой. В действительности, на мой взгляд, в этом есть вполне определенный смысл. Мы с вами говорили о важности границ для подростка. Именно в четком разграничении взаимных прав и ответственности заключалась квинтэссенция всей нашей процедуры. Будучи официально задокументированы, эти границы приобретают бо́льшую четкость, становятся чем-то осязаемым. Кроме того, практика показывает, что и подростки, и взрослые гораздо более серьезно относятся к своим письменным обязательствам такого рода, чем может показаться на первый взгляд, и стараются их выполнять. Наконец, наличие такого документа может сильно облегчить разрешение возможного непонимания или конфликтов в будущем.

Три правила, полезные в экстремальных ситуациях, связанных с проблемами подростков

Итак, мы заключили новый договор, установили границы. Однако всех сюрпризов невозможно предусмотреть ни в одном контракте. Поэтому лю-

бая семья, в которой есть ребенок-подросток, неизбежно сталкивается с неожиданными, а порой и экстремальными ситуациями. И то, как разрешится такая ситуация, как в дальнейшем сложится жизнь подростка и всей семьи, во многом определяется реакцией взрослых. И здесь я хочу немного поговорить именно о том, как вести себя родителям в этих нештатных ситуациях — подлинных или мнимых.

Я не случайно заметил, что они могут быть мнимыми. Многие родители, столкнувшись с чем-то новым или неожиданным в поведении сына или дочери, порой бывают склонны искать причину в чем-то ужасном, опасном, криминальном и строить прогнозы апокалиптического характера. Мне неоднократно приходилось слышать нечто вроде: “Мой сын в последнее время стал замкнутый, готов целыми днями лежать на диване, ничем не интересуется, ничего не читает. Уж не начал ли он принимать наркотики?!”. Я понимаю таких родителей. Их настроения и апокалиптические ожидания в значительной степени подогреваются бесчисленными материалами в средствах массовой информации и популярной литературой о детской проституции, наркомании, подростковых суицидах и прочих ужасах. Но порой меня посещает чувство досады. Если бы женщины время от времени перечитывали что-нибудь не очень серьезное, например “Записки о Шерлоке Холмсе”, то, применив знаменитый дедуктивный метод, они легко установили бы, что поведение их детей никак не может быть признаком наркомании, если, конечно, конопля и опиумный мак не растет у них дома в цветочных горшках. Те, кто столкнулся с реальной наркоманией, прекрасно знают, что такие больные, наоборот, периодически проявляют бешеную энергию, связанную с поиском наркотика. Проблема не в том, чтобы поднять их с дивана, а наоборот, удержать на месте. Именно поэтому в наркологических клиниках используются стальные двери с хитрыми замками, решетки на окнах и иные приспособления.

Между прочим, если уж речь зашла о “литературоведческих” проблемах, хочу обратить внимание на очень серьезную, принципиальную вещь. Ни в одной популярной статье, в которой описываются признаки героиновой интоксикации, депрессии или иного расстройства, я не встречал чрезвычайно важной приписочки, обязательной в любом профессиональном диагностическом справочнике: “Диагноз ставится только в том случае, если точно установлено, что перечисленные симптомы не вызваны иным заболеванием или другими причинами”.

Давайте последуем этому мудрому совету и посмотрим, чем можно объяснить это довольно распространенное поведение подростков. Если человек лежит на диване, то самый простой ответ на вопрос, почему он это делает, который приходит мне в голову, действительно прост: он устал. У него нет физических сил. Процесс активного полового созревания очень энергоемкий, и работа, которая проходит внутри организма подростка, сама по себе требует больших затрат именно физической энергии. Поэтому для многих подростков характерны повышенная утомляемость и связанная с ней некоторая апатичность. Это хорошо известно всем, кто изучал основы физиологии, в частности, педагогам. Но почему-то именно в этом возрасте дети получают сегодня в школе по семь, а то и восемь уроков в день, массу дополнительных предметов. Свою лепту вносят и родители. Дополнительный английский, второй иностранный язык, музыка, теннис... Любой, кто так или иначе знаком с жизнью современных детей, может продолжить список самостоятельно. Нужны иные причины так называемой лени и тяги к дивану у подростка, даже если он выраженный экстраверт по Майерс—Бриггс. Отсюда правило:

Столкнувшись с чем-то неожиданным или тревожащим в поведении сына или дочери, давайте прежде всего искать причину в простых и очевидных вещах, которых мы порой не замечаем именно потому, что они лежат на поверхности.

Но ведь не все и не всегда так просто! — вправе заметить вы. Конечно, — соглашусь я. Если мальчишка-экстраверт, да к тому же еще процессуал целыми днями лежит, разглядывая трещину на потолке, дело действительно не только и не столько в чрезмерном преподавательском рвении учительницы математики. Однако не стоит спешить ставить страшный диагноз — эндогенная депрессия с последующим суицидом. Многие подростки действительно подвержены душевным переживаниям, по внешним проявлениям напоминающим депрессивное расстройство. Причем у некоторых это бывает связано как с неудачной, так и со взаимной первой любовью. Поэтому не стоит сразу бежать к психиатру и подмешивать в еду антидепрессанты. Вместе с тем, участие и эмоциональная поддержка со стороны родителей в таких ситуациях бывают не только уместны, но и необходимы. Вопрос в том, каким образом оказать такую поддержку наиболее эффективно. “Но ведь это так просто и очевидно!” — возможно, воскликнет кто-то. Увы, далеко не так просто. Если у вас получается — замечательно. Но, может быть, вам приходилось наблюдать со стороны, а возможно, и испытывать самому, как иной раз, искренне желая помочь близкому человеку, в

частности, ребенку, мы не добиваемся желаемого результата, а достигаем прямо противоположного эффекта.

Это может произойти, если мама, например, по десять раз на дню будет приставать с вопросом: “Что у тебя болит?” — и предлагать обратиться к врачу. Или давать советы типа: “Ну сколько можно сидеть дома! Пошел бы прогулялся”. В первом случае подросток получает сообщение о том, что он настолько безнадежен, что это совершенно очевидно даже неспециалисту. Кроме того, на подсознательном уровне такое сообщение мамы может восприниматься как желание избавиться от него со всеми его проблемами. Сдать с рук на руки постороннему дяде — доктору. Непрошенные же советы, как правило, у большинства людей вообще не вызывают ничего, кроме раздражения и желания сказать в ответ что-то вроде: “Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?”.

Умиротворенно-сочувственное: “Ну не надо так уж сильно переживать” — тоже мало поможет делу. Во-первых, это не что иное, как *запрет на чувства*, а к чему приводят такие запреты, мы уже видели, когда говорили о развитии личности в раннем возрасте. А во-вторых, подросток не может не переживать по той простой причине, что он *уже переживает*, уже испытывает чувство. Это то же самое, что сказать простуженному человеку: “Ну не надо так уж кашлять и чихать”.

Бодрое папино: “Тоже мне проблема! Мало ли на свете девчонок! Вот, помню, как-то я в институте...” — содержит два послания сыну. Во-первых, что он со своими проблемами не стоит того, чтобы к нему относиться серьезно. Во-вторых, что его отец — самовлюбленный идиот, которого по сей день больше всего волнуют собственные студенческие похождения.

Уверенно-деловой отцовский план: “Во-первых, ты должен пригласить в кафе ее подругу, во-вторых, стать капитаном команды вашего класса в КВН и, в-третьих, набить морду своему конкуренту под предлогом, формально никак не связанным с этой девицей”, — может вызвать в более мягкой форме реакцию, подобную той, которая последовала в ответ на мамино предложение пойти прогуляться: “Легко ему рассуждать со стороны”. Плюс, возможно, досаду на себя: “И почему я не такой уверенный в себе, как мой отец?”. Вряд ли это можно считать хорошей эмоциональной поддержкой.

Как видим, все перечисленные способы поддержать подростка в трудной ситуации по разным причинам оказываются практически одинаково неудачными. Кроме того, между ними есть нечто общее, что делает их не только неэффективными, но даже вредными. Все перечисленные способы, в сущности, направлены на одно и то же — чтобы подросток как можно скорее перестал делать то, что тревожит родителей. Здесь вступает в действие тот самый механизм, основанный на архаичных страхах, с которым мы встречались, когда выясняли, почему “мужчины не плачут”. По-человечески это очень понятно: когда мы видим, что близкий нам человек (а тем более ребенок) страдает, мы, естественно, тоже испытываем дискомфорт. И неосознанно стараемся избавиться от связанных с этим неприятных ощущений, предпринимая те или иные шаги, направленные на ликвидацию того, что является причиной нашей тревоги и боли. В данном случае от беспокоящего нас поведения нашего ребенка. Это вполне естественная реакция живого человеческого организма. Но при таком подходе, хочется нам того или нет, *мы действуем исходя из собственных чувств и ощущений и волей-неволей фактически игнорируем чувства подростка*.

“Игнорирование же чувств и переживаний и любое другое поведение, вызывающее у партнера потребность в защите, являются антитезой, противоположностью поддерживающего поведения. Последнее ослабляет тенденцию к самозащите, вызванную другими причинами даже тогда, когда она уже возникла”⁴.

По-настоящему эффективными ходами в ситуациях, когда наши дети и не только дети нуждаются в эмоциональной поддержке, могут быть следующие. Прежде всего, если сын или дочь чем-то делятся с вами, периодически давать им понять, что вы внимательны и относитесь к тому, что они говорят, совершенно серьезно. Простой способ сделать это — время от времени повторять услышанное: “Я так понял, что ты говоришь о...”. Данный прием полезен еще и потому, что многие подростки, будучи в той или иной степени в состоянии аффекта, не всегда идеально выражают свои мысли и чувства. И это поможет вам лучше понять, что происходит. И, наконец, периодическое обращение за подтверждением, правильно ли вы все поняли, вынуждает вашего собеседника выслушивать вас, тем самым переводит фокус его внимания с собственных переживаний во внешний мир и за счет этого снижает остроту аффекта.

Во-вторых, высказывая свое отношение к тому, что вы услышали, апеллируйте и к чувствам, и к фактам: “Ты, конечно, огорчен, потому что она не позвонила”. Таким образом, чувство — “огорчен” — выступает как следствие реального факта — “она не позвонила”. В результате подросток получает от вас сообщение, что его состояние имеет под собой вполне

реальное основание и, следовательно, он не сумасшедший, что вы вполне серьезно относитесь к ситуации и считаете это основание достаточно веской причиной для проявляемых чувств. Тем самым вы даёте ему *разрешение на чувства*.

В-третьих, в таких беседах очень важно проявлять эмпатию, то есть сопереживать происходящему и давать об этом знать собеседнику: “Я понимаю, почему тебе сейчас так тяжело. В твоём положении я бы чувствовал то же самое”. Сделать это — значит не что иное, как разделить с близким человеком его боль. Принять какую-то её часть на себя.

И, наконец, самое сложное — как начать такой разговор. И что делать, если подросток не вылезает из своей комнаты и не желает вести ни душещипательные, ни душевспасительные беседы. Как это довольно часто бывает в жизни, хорошим решением для самого сложного является самое простое. А именно: просто подойти и спросить, нужна ли ему ваша помощь, и если да, то какая именно. Впрочем, вопрос “Чем я могу тебе помочь?” или “Могу ли я быть тебе полезен в этой ситуации?” хорош не только для начала, но и для завершения разговора. Тем самым вы даёте понять, что выступаете не в роли “большого брата”, а просто предоставляете в распоряжение подростка имеющиеся у вас ресурсы, при этом полностью полагаясь на его способность самому справиться с ситуацией и оставляя за ним право на принятие решения.

Если же в ответ вы услышите, что ваша помощь не требуется или что сын или дочь просто не хотят в данный момент говорить об этом, — что ж, давайте уважать их выбор. Любой человек, и подросток в том числе, имеет право какое-то время побыть наедине со своими чувствами, включая боль, страх, тоску и иные негативные переживания. Такая уважительная реакция родителей сама по себе тоже является поддержкой, так как повышает самооценку подростка. Кроме того, внимательное и спокойное отношение взрослых является ещё и сообщением о том, что при всей серьёзности положения ситуация не является безвыходной и всё рано или поздно окончится хорошо.

Как-то тринадцатилетний сын моих друзей упал во время игры и сильно разбил колено. В травмпункте врач сделал снимок и, покачав головой, сказал, что кость не просто сломана, но раздроблена. Понятно, радости от такого известия мало. Вполне реальная возможность, что мальчишка останется хромым. Дня через два после этого события я позвонил своим друзьям. Трубку взял мальчик: “А мама с папой уехали в гости!”.

— Не сказали, когда будут?

— Не знаю, наверное, поздно!

Понимаю тех чувствительных дам, которые, прочитав этот диалог, удивятся и даже возмутятся. Признаюсь, в первый момент я тоже слегка опешил. В самом деле: у ребенка два дня назад случилась серьёзная травма, а мать с отцом на весь вечер оставляют его одного?!

Но давайте посмотрим, что произошло на самом деле. Каким бы тяжёлым ни был перелом, он зафиксирован, помощь оказана. При всем желании ни мать, ни отец в этой ситуации ничего больше сделать не могут. Если у мальчика нет острых болей, если он знает, по какому телефону найти родителей в случае необходимости, то с физической точки зрения нет никаких объективных оснований отказываться от приглашения в гости. Другое дело эмоциональный, психологический аспект. Конечно, если, бросив мимоходом что-то вроде: “Ну, не скучай! Мы скоро”, — родители хлопают дверью, бедняга вряд ли почувствует себя лучше. Но если мама скажет, например: “Как ты себя чувствуешь, дорогой? Что скажешь, если мы с папой вечером съездим к тете Ире?” — то подросток ни в коем случае не почувствует себя несчастным и брошенным маленьким мальчиком. Наоборот, это хорошая поддержка. “Меня считают настолько взрослым и сильным, что оставляют одного даже со сломанной ногой! Мне по-настоящему доверяют!”. Это именно то, что надо! Но в таком поведении родителей есть и ещё один очень важный положительный момент. Как мы знаем, глубоко внутри нашего самостоятельного и амбициозного подростка сидит маленький ребенок, который напуган тем, что с ним случилось. И внимательная, спокойная реакция мамы — послание для этого “малыша”, что с ним всё будет в порядке, что не произошло ничего непоправимого, что всё заживет.

А теперь представим себе, что бледная, чуть не плачущая мать не отходит от постели сына. Одного этого достаточно, чтобы “внутренний ребенок” весь съежился от ужаса. Ведь если мама так напугана, значит, действительно происходит нечто ужасное, значит, надежда на выздоровление очень слаба, значит, он скорее всего никогда не сможет уже бегать и прыгать, как раньше.

Так при какой модели родительского поведения кости срастутся лучше и быстрее? Между прочим, очень символично закончилась история, которую я вам только что рассказал. Поскольку мои знакомые по-настоящему любят своего сына, не забывая при этом себя, то, сходя в воскресенье в гости, в понедельник они отвезли его на консультацию в ЦИТО. Там

профессор посмотрел рентгеновский снимок и, слегка усмехнувшись, забрал у мальчика костыль и снял гипс. То, что районные эскулапы приняли за сложный перелом, оказалось просто сильным ушибом. Итак, правило второе:

Столкнувшись с реальной проблемой, связанной с нашими детьми-подростками, будем серьезны и внимательны. Мы ни в коем случае не отнесемся к ней как к чему-то малозначительному, не станем ее игнорировать. Но при этом также не будем ее драматизировать и делать страшнее, чем она есть в действительности.

А если, не приведи Бог, случилось нечто такое, что само по себе достаточно страшно? Я знаю несколько таких историй. Вот одна из них. Родители узнают о беременности своей пятнадцатилетней дочери. Вряд ли найдутся родители, воспитанные в европейской культуре, которые с энтузиазмом воспримут подобное известие. В нашем случае родители не просто были воспитаны в европейской культуре, но считали себя глубоко верующими людьми. Надо сказать, что, обратившись в достаточно зрелом возрасте к христианству, эти очень образованные люди не просто стали ходить в церковь, но внимательно читали не только Евангелие, но и труды многих святых отцов. По какой-то причине от их внимания все же ускользнуло то, что сказано в Благой вести и написано отцами Церкви о прощении, искуплении, милосердии, любви к ближнему. Зато очень подробно и ясно, хотя, возможно, и несколько своеобразно, отложилось учение о грехе, наказании за него, посмертном воздаянии. Не стану пересказывать все то, что довелось выслушать их дочери о происшедшем и о том, что ожидает ее в будущем. Скажу лишь, что дело кончилось криминальным абортom с последующими осложнениями и тяжелым психическим срывом у матери девочки.

Я рассказал эту историю не для того, чтобы судить этих людей. Бог им судья. Тем более, что за свои ошибки они уже тяжело наказаны. Просто случай этот — очень яркий пример того, как своими руками очень серьезную проблему можно превратить в трагедию. Что сделали эти люди, узнав о беременности дочери? Прежде всего они в точности повторили ту самую ошибку, которую, наверное, допустила их дочь. А именно: они позволили себе действовать исключительно под влиянием сильных чувств, возникших в определенный момент и при определенных обстоятельствах, совершенно не думая о возможных последствиях своих действий. И если подобное поведение пятнадцатилетнего подростка можно если не оправдать, то хотя бы понять, взрослый ответственный человек, столкнувшись с кризисной ситуацией, не должен позволять себе такой роскоши. Ведь как бы далеко ни зашло дело, всегда есть возможность хоть что-то исправить или, на худой конец, свести потери к минимуму. При условии, что ситуация правильно оценена, наши усилия и объект их приложения просчитаны, результат спрогнозирован.

Если бы родители девочки сделали над собой усилие и пошли таким путем, то они могли бы во благо всей семьи использовать то, что знали о грехе. Они, например, могли бы вспомнить, что грех детоубийства — еще более тяжкий, чем грех прелюбодеяния, и подумать о том, что упреки и угрозы могут толкнуть дочь на такой грех (что и произошло в действительности), что те же упреки и угрозы могут толкнуть и на еще более страшный грех — самоубийство (чего, к счастью, не случилось). Подумав обо всем этом, они, убежден, нашли бы более разумные способы поведения, в том числе и способы выражения своего недовольства и возмущения, чем произошло в действительности.

Кстати, о возмущении. Выговаривая дочери за то, что она сделала, и грозя ей небесной карой, родители рассуждали о том, *что уже случилось*, либо о том, *что, возможно, случится* в будущем, уходя таким образом от подлинной реальности и лишая себя возможности как-то изменить объективно сложившуюся ситуацию.

Впрочем, все живые люди, в отличие от героев боевиков, столкнувшись с обстоятельствами, воспринимаемыми как экстремальные, могут испытывать растерянность, безнадежность, отчаяние. Это наши чувства, которые “не картошка, не бросишь в окошко”. Но данное обстоятельство — ни в коем случае не повод заливать пожар керосином. Это повод сказать себе и другим, кто ждет от вас решения, что-то вроде: “Я действительно растерян и в данный момент не знаю, как поступить. Давайте вместе подумаем, что с этим делать”. Наконец, это повод обратиться за помощью к тому, кто компетентен в вопросе, поставившем вас в тупик. Очень часто мы сами лишаем себя такой возможности под влиянием сомнений или предрассудков. (Что могут подумать окружающие?!). Вообще-то могут, конечно. “Добрых” людей вокруг каждого из нас предостаточно. И все же, если приключилась история, по-моему, лучше обратиться в вендиспансер, чем умереть от сифилиса, но с хорошей репутацией. Отсюда правило третье — для экстремальных ситуаций:

Столкнувшись с чем-то чрезвычайным, всегда имейте в виду: как бы далеко ни зашло дело, по крайней мере что-то всегда можно поправить. Реагируйте не на то, что уже

случилось и, следовательно, осталось в прошлом, и не на то, что может случиться в будущем, а на то, что происходит здесь и сейчас, отдавая себе отчет в смысле и направленности ваших действий и прогнозируя их результат. Чувствуя себя в тупике, берите тайм-аут, необходимый для принятия решения, обращайтесь за помощью, советом и поддержкой к тому, от кого вы реально можете ее получить, игнорируя при этом социальные, семейные и иные предрассудки.

Глава 8
ВЕРА И ВЕРНОСТЬ. ПОИСК ПУТИ
*Конфликт между требованиями социума
и личной свободой*
и его российская специфика

Пройдет совсем немного лет, и позади останутся все волнения и открытия подросткового возраста. Все синяки, шишки, первая влюбленность и многое другое. Не за горами выпускной вечер. Подросток становится юношей или девушкой. На повестке дня вопрос: что делать дальше? Вопрос этот часто становится предметом забот, хлопот и тревог всей семьи. В действительности он еще сложнее и глубже, чем может показаться на первый взгляд, ибо не исчерпывается исключительно тем, где получить дальнейшее образование, какую специальность выбрать. Проблема, стоящая перед молодым человеком, гораздо шире. Если подросток искал место для своей индивидуальности и возможности для реализации своей частичной взрослости внутри семьи и в структуре семейных отношений, а также в относительно узких и функционирующих в сравнительно ограниченном жизненном пространстве социальных группах, таких как класс, школа, компания сверстников, то задача юноши и девушки — найти свое место и реализовать себя в гражданском и общечеловеческом социуме, *в жизни вообще*. Причем, если подросток, как правило, субъективно бывает убежден в своей абсолютной или почти абсолютной дееспособности, а семья и общество — отчасти по реальным основаниям, отчасти исходя из существующих архаичных представлений и предрассудков — отказываются считаться с этой убежденностью (что, как мы с вами видели, является источником многих конфликтов), то в юношеском возрасте ситуация зачастую меняется на противоположную. В определенный момент социум и государство, представляющее данный социум, признают за индивидом полный объем прав и обязанностей гражданина данной страны. Причем происходит это совершенно автоматически по достижении определенного возраста. Никто не спрашивает молодого человека, готов ли он к исполнению своих гражданских обязанностей, нужны ли ему те или иные права и вообще желает ли он быть гражданином данной страны. В этом смысле свобода выбора личности ограничивается обществом.

Между тем для многих молодых людей юность — это период поиска и сомнений, пришедших на смену подростковой уверенности и безапелляционности. Если подросток субъективно “на все готов”, юноша или девушка часто не имеют ясности не только относительно своих реальных возможностей, но и относительно своих целей и желаний. Они ищут. Для процесса поиска желательна и даже необходима максимальная свобода выбора. В этой ситуации ограничения и требования, налагаемые на личность обществом и государством, неизбежно вступают в конфликт с субъективными потребностями молодых людей, даже если эти требования и ограничения не рефлексированы (не осознаны) индивидом как вопиющая несправедливость и бесцеремонное нарушение его личностных границ.

Данный конфликт, характерный для всех стран, относящихся к европейской цивилизации, в современной России имеет особенно питательную почву. Это связано с двумя обстоятельствами.

Во-первых, полная гражданская дееспособность и ответственность, за исключением, если не ошибаюсь, права “работать с документами” в Кремле в качестве Президента и в Думе в качестве депутата, наступает в нашей стране по достижении восемнадцатилетнего возраста людьми, родившимися здесь. Между тем во всем западном мире молодых людей этого возраста еще сплошь и рядом относят к категории “тинэйджеров”, сиречь подростков. И это очень понятно. Все данные современной науки говорят о том, что в восемнадцать лет процесс психофизиологического формирования человеческого организма ни в коем случае нельзя считать завершенным. И в полном соответствии с такими данными пресловутое “совершеннолетие” в большинстве развитых стран наступает по достижении личностью 21 года. В восемнадцать же лет молодое поколение в массе своей объективно еще не готово к полномасштабному участию в общественной и государственной жизни.

Во-вторых, предъявляя гражданину определенные требования и декларируя некие права, современное российское общество и государство очень часто не имеет ни возможности, ни желания обеспечивать реальное соблюдение этих прав. Я не призываю к пресловутой уравниловке и превращению страны в гигантский собес. Сторонников рыночного либерализма (если они где-то встречали таковой в современной российской действительности) прошу не волноваться. Но бесспорный, по-моему, факт заключается в том, что сегодня государство не обеспечивает ни личную безопасность своих граждан, ни защиту их собственности. Чего стоит публичное замечание Президента о том, что криминальные структуры обеспечивают

восстановление справедливости в конфликтах между гражданами и организациями быстрее и эффективнее, чем органы прокуратуры и суд!

Правда заключается в том, что, становясь в 18 лет налогоплательщиком, юноша или девушка практически не имеет реальной возможности самостоятельно обеспечить себе необходимый уровень материального достатка, если не включается в такие специфические виды деятельности, как криминальный бизнес или проституция. Возможности же получения дальнейшего образования и профессиональной подготовки в избранной области часто бывают избирательны и во многом детерминированы такими не зависящими непосредственно от личности обстоятельствами, как место жительства, финансовый и социальный статус родителей и т.п.

Право вступать в брак и создавать семью, признаваемое обществом за молодыми людьми, также не подкреплено реальным уровнем жизни в стране и необходимыми социальными условиями.

Более того, государство и общество не создают необходимых условий даже для выполнения законопослушными гражданами предъявляемых к ним обязанностей! Статьи в прессе о пухнувших с голоду, одетых в обноски и почти безоружных солдатах российской армии воспринимаются сегодня как нечто само собой разумеющееся. Для того чтобы честно “заплатить налоги и спать спокойно”, надо дать взятку чиновнику, если, конечно, нет желания день, а то и другой торчать в душных коридорах налоговой инспекции.

Кстати сказать, ни для кого, в том числе и для молодежи, сегодня не секрет, что требования по выполнению своих обязанностей перед страной и обществом предъявляются в современной России к гражданам также весьма выборочно. Стало аксиомой, что дети высокопоставленных родителей могут не служить в армии, отдельные олигархи могут не платить налоги, главари мафиозных кланов не несут наказания за свои преступления и т.д.

Ответ на вызов.

Специфика молодежного бунта

Все это накладывает дополнительный отпечаток на объективно существующий конфликт между потребностью в максимальной свободе выбора молодого человека и ограничениями, накладываемыми на эту свободу обществом, членом которого он становится. Реальная несправедливость, существующая в социуме, и то, что воспринимается таковой на субъективном уровне, толкает юношество на протест и сопротивление тем или иным общественным и государственным установлениям. В этом заключается главный потенциальный источник молодежного бунта против существующих порядков. Причем, если бунт подростка против учителей и родителей носил исключительно личный характер, требовал признать личность бунтаря в качестве более или менее равноправного партнера и тем и ограничивался, то протест, по крайней мере части молодежи — и, замечу, не худшей ее части — против подлинной и мнимой несправедливости носит куда более широкий характер. Этот бунт имеет метафизический аспект. Его цель не просто обеспечение для себя лично лучших условий жизни в социуме (с этой точки зрения бунтарь чаще всего добивается прямо противоположного результата и, решаясь на свое выступление, он обычно в той или иной степени отдает себе в этом отчет), но переустройство мира на более справедливых основаниях. Помните, у “Машины времени”:

“Ты стал бунтарем, и дрогнула тьма,
Весь мир ты хотел изменить...”

Отсюда радикализм, категоричность и масштабность требований, предъявляемых молодым поколением не только к обществу, но и к мирозданию вообще, к самому Господу Богу.

Дело усугубляется еще и тем, что к пониманию справедливости как “предметно-обоснованного неравенства”, к мысли о том, что “справедливость не может требовать одинакового обхождения с неодинаковыми людьми”¹ и что “в основе ее лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям”², люди обычно приходят в более зрелом возрасте. Для молодежного же сознания лозунг “свободы, равенства, братства”, выдвинутый специалистами по эксплуатации человеческих слабостей, доверчивости и верхоглядства еще во времена французской революции, в той или иной форме сохранял свою привлекательность на протяжении всего минувшего столетия. Это можно видеть и на примере русских студентов начала XX века, и на примере западноевропейских студентов начала 1970-х.

В наши дни и в нашей действительности такое примитивное понимание справедливости в молодежной среде по-прежнему сохраняется, хотя чаще находит свое выражение на менее масштабном, бытовом уровне. Скажем, шестнадцатилетняя дочь моей знакомой как-то возмущенно заявила маме приблизительно следующее: “Я не понимаю, почему у всех моих знакомых молодых людей есть машина, а у Сергея нет? Хотя все они его мизинца не стоят!”. От

слов девушка перешла к делу: бросила своего тогдашнего “бой-френда” — отличного, между нами говоря, парня и ушла к “несправедливо обделенному”. Я думаю, что не последнее место в этом “революционном действии” играл мотив бунта против “вопиющего социального неравенства”. Здесь уместно заметить, что “бунтовщиком становится отнюдь не только сам угнетенный. Бунт может поднять и тот, кто потрясен зрелищем угнетения (подлинного или мнимого — *В.И.*), жертвой которого стал другой”³.

Однако смысл бунта у молодого поколения не исчерпывается идеей протеста против несправедливости, существующей в обществе, и ограничения своей личной свободы. “Бунтарский порыв возникает у него как требование ясности и единства. Самый заурядный бунт парадоксальным образом выражает стремление к порядку”⁴. Точно так же как у подростка наряду с претензией на полный контроль над собственной жизнью присутствует глубокая, неосознанная потребность в наличии внешнего авторитета, в глубине личности молодого человека кроется, как правило, ясно не осознаваемая потребность в чем-то, к чему можно и нужно принадлежать, чему можно служить и подчинять себя и свою жизнь. В глубине подсознания присутствует много раз подтвержденная историческими трагедиями человечества мысль о том, что “лучше пользоваться более ограниченной системой субъективных прав, крепко огражденных и действительно обеспеченных, чем видеть, как твоей безграничный круг субъективных притязаний попирается произволом соседей и деспотической властью”⁵. Это то самое чувство, которое Иван Ильин называл “естественным правосознанием”, присущим каждому человеку⁶.

Таким образом, внутри человека, вступившего в юношеский возраст, происходит борьба двух начал: стремление в максимальной степени оградить свою личную свободу от посягательств со стороны общества и переустроить мир на более справедливых началах. И одновременно — потребность в порядке, стабильности, принадлежности и подчиненности. И то, и другое парадоксальным образом часто находит свое выражение в молодежном бунте. Однако акт бунта сам по себе, в какой бы конкретной форме он ни реализовывался, не может дать полного и удовлетворительного разрешения данного внутриличностного конфликта. Если же юноша или девушка выбирают путь абсолютного конформизма, что также не редкость в современной жизни и к чему подталкивают молодых людей некоторые родители и общественные учреждения, то это не только приводит к личностным расстройством, но и может создать сложности и обернуться крахом в тех сферах жизни, где конформизм призван обеспечивать благополучие — например, в карьере. Самый простой и очевидный пример такого развития событий — когда не разрешенный в юности конфликт прорывается наружу у человека, всю жизнь старавшегося “соответствовать”, лет в сорок. Вспомните героя Леонида Филатова в фильме “Забытая мелодия для флейты”. “Лояльность, законопослушность — опасное бремя, если только оно не взваливается на плечи с чувством независимого самостоятельного выбора и не переживается как верность”⁷.

Другой путь разрешения конфликта

Я не случайно привел здесь эту цитату. Именно в чувстве *верности* Э. Эриксон видел залог успешного разрешения обозначенного конфликта юношеского возраста. “Относительно юности и вопроса о том, что находится в центре ее наиболее страстных и беспорядочных стремлений, я сделал вывод, что *верность* — это та витальная сила, в которой нуждается юность, чтобы стремиться к чему-то, бороться за что-то и за что-то умереть”⁸. Само понятие “верность” и по звучанию, и по смыслу тесно связано с *верой*. Кстати сказать, в английском языке, как и в русском, это очень похожие слова. Понятие “faith”, означающее веру, религию, вероисповедание, credo, употребляется и в значении “верность”, “преданность”, “лояльность”. Другое английское слово, которое используется для обозначения верности — однокоренное с ним “faithfulness”. И это, естественно, не случайно. Вера и верность действительно неразрывно связаны друг с другом не только в словообразовании, но и в человеческой жизни. Точнее сказать, одно прямо происходит из другого. И в этом смысле, на мой взгляд, вера безусловно первична по отношению к верности не только в фонетических конструкциях, но и по сути дела. Никакая верность даже на уровне внешней лояльности немыслима без веры в то, по отношению к чему она имеет место быть. Скажем, проявляя внешнюю лояльность по отношению к некоей организации или государственной системе исключительно из карьеристских устремлений или по соображениям личной безопасности, но совершенно не разделяя при этом целей и методов предмета своей лояльности, индивид *верит* по крайней мере в то, что данная система достаточно могущественна и дееспособна для того, чтобы обеспечить ему желаемый уровень материальных благ или, наоборот, покарать в случае неверности.

Тем более не может родиться и жить без веры верность глубокая, подлинная — та, о которой Э. Эриксон говорил как о витальной силе, необходимой для того, “чтобы стремиться к чему-то, бороться за что-то и за что-то умереть”.

Без веры, пожалуй, вообще немислима *никакая человеческая личность* — ни великий святой, ни великий преступник, “ибо вера есть не что иное, как *главное и ведущее тяготение человека, его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки*”⁹. Я живу, следовательно, я верю. Человек, *совершенно разуверившийся вообще во всем*, обычно сам кончает счеты с жизнью, либо быстро угасает в результате болезни или без видимых поверхностному взгляду причин.

Другое дело, что верить можно в самые разные вещи, например в то, что “все люди равны”, или в то, что московский “Спартак” — самая великая футбольная команда всех времен и народов. И первоисточником веры могут выступать как положительные утверждения, так и отрицания. Можно верить в господа Бога и в то, что его не существует. Можно верить в то, что коммунизм есть царство Божие на земле, и в то, что он таковым не является. Однако вера, даже возникшая из отрицания, не может существовать исключительно этим отрицанием. Объектом веры и предметом верности непременно выступает некая *идея* — то есть в буквальном переводе с греческого “то, что видно”, образ. Она же — “философский термин, обозначающий “смысл”, “значение”, “сущность” и тесно связанный с категориями мышления и бытия”¹⁰. И потому идея по определению несовместима с пустотой, являющейся неизбежным, закономерным результатом последовательного отрицания. Наоборот, она призвана ликвидировать пустоту, образовавшуюся как следствие отрицания, чем-то заполнить ее. Другой вопрос, чем именно. Сокровищами земными или небесными. Жизненно необходимыми вещами или мусором и ядовитыми миазмами. Само понятие идеи в наиболее полном, высшем ее проявлении тесно связано с *жизнью* в широком смысле этого слова.

“Живое существо — это наиболее наглядное проявление **идеи**. Однако не всякое восприятие “**животного**”, [...] а только то, которым воспринимается **жизнь** его, [...] выводящее за пределы “*здесь*” и “*теперь*”¹¹.

Чистое же отрицание несовместимо с жизнью. Отрицание, ничего не предлагающее взамен отрицаемого, есть смерть. Ощущение этого факта заложено в подсознании человека. Поэтому люди, чья вера возникла из отрицания чего-то, несогласия с чем-то, сознательно или бессознательно начинают искать нечто, какую-то идею, которую делают объектом своей веры и предметом верности вместо отвергнутого. Атеист, начав с отрицания Бога, неизбежно приходит к вере в материю, в человечество, в науку. Человек, отрицающий коммунистический рай, придумывает или ищет рай иной — подлинный или мнимый. Я помню, как в старших классах школы мы, представители советской молодежи начала 1980-х, начав свои поиски с критики и отрицания всех “прелестей” “самого справедливого и прогрессивного общественного устройства в истории человечества”, пришли к абсолютной идеализации “западного образа жизни”, о котором в то время имели представление в основном по передачам ВВС, “Голоса Америки” и джинсам, которыми торговали фарцовщики у “Детского мира”.

Итак, молодому поколению, реально вступающему во взрослую жизнь, витально необходима идея как предмет веры, объект верности. Идея, которой можно служить. Идея, ради которой молодой человек был бы готов добровольно принять ограничения личной свободы, налагаемые на личность обществом. Идея, к которой он готов стремиться. Для достижения которой он готов преодолевать трудности, прилагать силы, идти на жертвы.

Витальность идей: от чего она зависит и как влияет на судьбу человека

Старшему поколению это достаточно хорошо известно. Поэтому во всем мире общество, желая включить молодежь в свою структуру, использовать ее энергию для достижения своих целей и по возможности свести к минимуму реальные и потенциальные конфликты, связанные с этим, предлагает ей те или иные идеи в качестве предмета веры. Это одна из важнейших функций государственной идеологии. Однако следует иметь в виду, что идея, подобно большинству живых организмов, имеет определенный жизненный цикл. В какой-то момент она становится нежизнеспособной и умирает. Помните бендеровское: “Идея себя изжила”. Это может происходить, например, в том случае, когда идея реализована, провозглашенная цель достигнута. Можно создать новый автомобиль, более совершенный, чем все созданные ранее, как частное воплощение уже осуществленной идеи. Но нельзя вновь *изобрести* автомобиль вообще — он давно изобретен. Это может случиться также, если имеются некие условия, в которых данная идея существовать попросту не может. Скажем, идея всеобщего равенства по вполне очевидным причинам нежизнеспособна в обществе, строящем свою жизнь и убеждения на принципах кастовой системы. Другое дело, что есть вечные,

универсальные или, я бы сказал, подлинные идеи и непреходящие ценности, но о них чуть позже.

Пока же вернемся к тому, что предлагается молодежи обществом. Идеи, которые пытается внедрить в ее сознание государственная идеология, тесно связаны с целями и задачами данного государства. И с тем, как они понимаются и формулируются государственной элитой. История знает немало примеров, свидетельствующих о том, что государственная жизнь и само существование государственной системы обусловлены жизнеспособностью и актуальностью господствующих в данном обществе идей. Кризисы государственной идеологии и самой государственной системы тесно связаны друг с другом. Если возникший идеологический кризис не находит удовлетворительного разрешения: скажем, если на смену полностью реализованной и, таким образом, изжившей себя идее, не приходит новая, отвечающая актуальным потребностям времени, — это означает конец данного государства в том виде, в котором оно существовало. Например, упадок и гибель Римской империи тесно связаны с умиранием идеи “римского мира”, максимально реализованной в создании гигантской мировой державы и, таким образом, исчерпавшей себя. То же самое происходит, если общество по тем или иным причинам строит свою жизнь и веру в соответствии с изначально нежизнеспособной идеей. Третий рейх был обречен на гибель, ибо идея нацизма в своем крайнем проявлении неизбежно противопоставляла немцев не просто евреям или славянам, но *всему* человечеству. В этих условиях его не могли спасти ни жестокость Гимлера, ни полководческие таланты Манштейна, ни “чудо-оружие” доктора Брауна.

И, напротив, если государственная идеология находит ясный и точный ответ на вызов времени, созвучный традициям общества и архетипам, укоренившимся в коллективном бессознательном, система выживает в самых неблагоприятных обстоятельствах. Скажем, Сталин и его окружение, потерпев страшное поражение на фронте в 1941 г., столкнувшись с фактами массовой паники и сдачи в плен в действующей армии, отбросили, как изношенную тряпку, идею мировой революции и “освободительного похода” в Европу, настойчиво внедрявшуюся в сознание советской молодежи в предвоенные годы. Взамен во главу угла поставили идею патриотизма, за которую еще недавно можно было отправиться на лесоповал, заговорили о славе и традициях русского оружия, деяниях предков, в том числе таких отъявленных контрреволюционеров, как А.В. Суворов, о былом величии империи. Прекратились гонения на Церковь. Более того, осенью сорок первого вокруг Москвы на самолете обносили икону Владимирской Божьей матери. Армии вернули погоны. Саму войну объявили Отечественной. По сути, провозгласили старое доброе: “За веру, царя и отечество!”. Правда, говорят, Иосиф Виссарионович не сам до этого додумался, а напуганный до смерти разразившейся катастрофой, лишь скрупулезно выполнил все то, что рекомендовал ему сделать в личном послании митрополит гор Ливанских. Но в нашем контексте это не так уж принципиально. Важно, что идея оказалась верной и нашла отклик в сердцах. Принеся в жертву не поддающееся подсчету количество жизней, народ вырвал победу в, казалось бы, безнадежно проигранной войне.

То, что сегодня российская государственность и национальная идеология переживают глубокий и затянувшийся кризис, не требует доказательств. Необходимость поиска “государственной идеи” была провозглашена лет восемь назад, а воз и ныне там. Все потуги что-то сделать на этом поприще “политологов”, “экспертов”, “представителей творческой интеллигенции”, обслуживающих власть, а точнее, холуйствующих перед ней и одновременно использующих ее, пока ни к чему не привели. Нельзя же, в самом деле, всерьез воспринимать как государственную идеологию невнятное бормотание о том, что “Россия была и остается великой державой”, о “нашей верности принципам свободы и демократии”. Или видеть воплощение общенациональной идеи в песнопениях под музыку гимна Советского союза о том, как “российский орел совершает полет” в сочетании с партийно-правительственными стояниями на церковных службах в дни великих праздников. Все это только подтверждает очевидную мысль: пустое сердце не способно породить подлинно глубокую и великую идею. Недалекий ум не в состоянии создать привлекательный для массового потребления и внушающий доверие суррогат такой идеи.

Таким образом, значительная часть современной российской молодежи фактически лишена каких-либо ясных и разумных ориентиров со стороны общества и государства в своих поисках источника личной веры и предмета личной верности. А если и семья не в состоянии ничего предложить молодому человеку, что, увы, сегодня не редкость, то он вынужден делать это на свой страх и риск, полагаясь на собственный инстинкт и ощущения, жизненный опыт, врожденные и приобретенные за предыдущие годы качества собственной личности.

Если все предыдущие возрастные кризисы, о которых мы с вами говорили, в свое время не получили более или менее положительного разрешения, если элементы личностной идентичности остались несформированными или результатом предыдущего развития стала отрицательная идентичность, то очень велика вероятность, что решением юношеского кризиса станет уход в невроз, в наркотики или алкоголизм. Если же развитие и формирование личности протекали благополучно, то раньше или позже молодой человек найдет или сформулирует для себя идею, в которую он готов верить, верность которой он готов хранить. Если хотите, жизненное кредо. От качества, глубины и жизнеспособности этой идеи будет во многом зависеть его последующая жизнь — во всяком случае, в обозримом будущем.

Чем глубже и качественнее идея, тем больше ее витальная сила. Верность такой идее не есть бремя, даже если она требует жертв от личности, но источник вдохновения и дееспособности, необходимый для подлинных жизненных свершений и достижений. *“Жить стоит только тем и верить только в то, за что стоит бороться и умереть”*¹², — на первый взгляд эта сентенция кажется мрачноватой, но я считаю ее глубоко оптимистичной и жизнеутверждающей. Ведь “человек верит в то, что он воспринимает и ощущает как *самое главное* в своей жизни”¹³. И если самым главным в своей жизни он считает нечто подлинное, стоящее такой страшной и высшей цены, как человеческая жизнь, то и награда за верность будет соответствующей. Я вовсе не имею в виду идею загробного воздаяния, хотя это далеко не последнее дело. И уж тем более не памятник на братском кладбище, пусть даже и с почетным караулом. Я говорю о вещах более приземленных и материальных. Прежде всего о том, что тот, кто верит в истинные ценности, строит свою жизнь в соответствии с этой верой, стремится к ним, имеет реальный шанс на успех в этой жизни. Тот же, кто присягает на верность идеям ложным, мелким, малоценным и готов за такие идеи бороться и служить им, обречен на поражение и крах. Человек, который *искренне* верит в коммунизм, как показывает практика, скорее всего окончит свои дни в концентрационном лагере — неважно, сталинском или гитлеровском. Человек, который верит, что московский “Спартак” — лучший клуб всех времен и народов, и, храня верность этой идее, тратит время, силы и деньги на разъезды вместе со “Спартаком” по Европе, будет раз за разом испытывать жестокое разочарование.

Вот еще один распространенный пример. Представим себе девушку, выросшую в российской глубинке, среди нищеты, грязи, мата и безысходного пьянства. Вот она вступает в юношеский возраст. И первое, что может возникнуть в душе такой девушки, — чувство возмущения и протеста против окружающей действительности: “Почему я должна здесь жить, терпеть все это?! Я не хочу! И не буду!”. И из этого возмущения, весьма возможно, возникнет бунт. Бунт этот, скорее всего, найдет свое материальное воплощение в том, что наша девушка соберет сумку и уедет. Куда? Конечно, в Москву. Если дело бунтом и ограничится, то по приезду в столицу она, по всей видимости, помыкавшись какое-то время, устроится на вещевом рынке продавцом в палатку, принадлежащую “лицу кавказской национальности”. Либо, что тоже не исключено, поступит в бригаду уличных жриц любви. Снимет дешевую комнату. Или квартиру на паях с другими такими же девушками. Если все пойдет нормально, то со временем выйдет замуж без особой любви за “не нового русского”. Нарожает ему детей. Лет через десять мы встретим ее, подурневшую и постаревшую, во дворе дома в спальном районе, ворчащую на то, что муж выпивает, что денег хватает только на еду, что на кухне не повернуться... Если же не сложится, то через какое-то время вернется домой, окончательно разочарованная и озлобленная. Или закончит свой путь в грязном наркоманском притоне...

Теперь представим, что наша девушка пойдет в своем протесте несколько дальше и скажет себе что-то вроде: “Я сделаю все что угодно, но вырвусь из нищеты!”. В этом случае ее жизнь, скорее всего, сложится иначе. Стремление стяжать земное богатство или, по крайней мере, состояние, обеспечивающее определенный уровень материальных благ, — это уже не просто бунт. Это идея. Не Бог вещь такая глубокая и оригинальная, но идея. Такая девушка не пойдет ни на рынок, ни на панель. Там недостаточно платят. Весьма вероятно, что ее можно будет разыскать в увеселительном заведении “для состоятельных господ”. Теоретически можно представить себе, что, проработав там какое-то время и постоянно откладывая деньги из очень немаленькой зарплаты, которую получают сотрудницы подобных учреждений, на банковский счет, она постепенно накопит сумму, достаточную для покупки квартиры и подержанной иномарки, и найдет какое-то иное занятие. Опять-таки теоретически нельзя исключить, что в веселое заведение заглянет молодой, красивый, богатый и неженатый. И мы станем свидетелями истории любви в лучших голливудских традициях. Но в реальности все обычно складывается иначе. Истории любви остаются уделом экранных героев. Необходимая же сумма упорно не скапливается — в сегодняшней Москве можно потратить любые деньги. Да и аппетит приходит во время еды... Если же и скапливается, то когда тебе за тридцать, тяжело менять привычное,

пусть и порядком “доставшее” занятие на что-то другое и все начинать с нуля. Таким образом, “обеспеченная жизнь” оборачивается бесконечными бессонными ночами и треугольником: будуар — тренажерный зал — солярий. “Блага же земные” сводятся в основном к дорогому белью и косметике. Не Бог весть какой результат...

Но возможен и третий вариант. Некоторые девушки из провинции не просто говорят: “Я уеду отсюда. Я вырвусь из нищеты!”. Они идут еще дальше и заявляют: “Я поеду в Москву и покорю ее!”. И если это не просто декларация, если это становится идеей, даже если хотите, идеей фикс, тогда держись все и вся! Потому что это идея, заслуживающая самого серьезного отношения. Потому что в ее основе, даже если наша героиня не отдает себе в том отчета, лежит идея могучая, глубоко коренящаяся в коллективном бессознательном человечества и проходящая красной нитью через всю его историю. Идея, наполнявшая ветром паруса колумбовой “Санта-Марии”, идея, толкавшая вперед, в неизведанное североамериканских пионеров и русских первопроходцев. Идея земли обетованной. Между прочим, согласно библейскому повествованию, евреи не просто пришли в землю обетованную и поселились в ней. Они именно *завоевали, покорили* ее, отчасти уничтожив, отчасти поработив или вытеснив жившие там до них народы (см., например, книгу Иисуса Навина). И подобно ветхозаветному Израилю, наша девушка, движимая идеей земли обетованной, приехав в Москву, начинает покорять, завоевывать ее. Не брезгуя при этом никакими средствами, расталкивая и вытесняя конкурентов, где локтями, где бедрами, где иными частями тела. И очень часто достигает желаемого. Назовите мне среди нынешних кумиров толпы, среди тех, покорил Москву, а вместе с ней и всю Россию, хоть одного коренного москвича. Я, например, затрудняюсь это сделать. Думаю, вы тоже. В подавляющем большинстве они приехали из глубинки искать земли обетованной и покорять ее. Прямо скажу: стать “звездой” современной российской “масс-культуры” или политики — не тот жизненный результат, которого я бы пожелал для своей дочери. И тем не менее, последняя из наших трех девушек — безусловно, победительница в жизни по сравнению со своими землячками. Вот она, сила идеи! Не случайно, говоря о всемогуществе идеи, Э. Фромм писал:

“Она открывает людям глаза. Она вырывает их из глубокой спячки. Она заставляет людей активно мыслить и чувствовать, заставляет увидеть то, что прежде было недоступно взгляду. Идея обладает способностью пробуждать все то, для чего она предназначена, так как она апеллирует к разуму человека и к другим проявлениям свойств человека... Когда идея проникла в самое нутро человека, она становится мощнейшим оружием, поскольку идея пробуждает в нем жажду борьбы, удесятеряет его энергию и указывает ему нужное направление приложения своих сил”¹⁴.

Об одной вечной идее и ее главном символе

Продолжим разговор об идеях вечных, бессмертных, о которых я вскользь уже упомянул. Все, что я скажу, ни в коем случае не является апологией христианства. Таких апологий существует достаточно. Тем, кто идентифицирует себя с христианством, еще одна ни к чему. Тех, кого не убедили все предыдущие, вряд ли убедит очередная.

Поэтому я совершенно сознательно хочу взглянуть на христианство на символическом уровне. С самой поверхностной, сугубо мирской и, если угодно, прагматической точки зрения. Не касаясь ни смысла таинств, ни глубин мистического и догматического богословия, ни величия и драматизма христианской истории. В контексте нашего разговора я хочу показать лишь некоторые основания, которые дает христианство для мирской жизни, и то, как влияют присутствующие в нем вечные идеи и символы на судьбу человека. Начну с самого начала.

Начало христианской жизни есть обряд крещения. Это не только омовение от первородного греха и грехов, совершенных человеком в жизни до момента свершения таинства. Это *принятие креста*. Не только в метафизическом, но и в буквальном смысле. На крещенного одевают крестик. Крест, воздвигнутый на Голгофе, возвестил миру о победе над смертью. Крест был и есть центр, главный символ, квинтэссенция христианства на протяжении всей его истории. Две тысячи лет назад Господь обратился с призывом к каждому представителю рода человеческого: “Возьми крест свой и следуй за мною!”¹⁴. Сознание, усматривающее в этом призыве лишь некое бремя и самоограничение и потому отвергающее его, очень поверхностно, архаично и атавистично. Берусь это утверждать. И дело тут не только в заповедании Христа: “Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко”¹⁵. Человек, отвергающий крест как символ страдания, жизненных неудобств и невзгод, уподобляется древним римлянам и представителям других давно исчезнувших народов, видевших в кресте орудие позорной казни.

Сознание такого человека по тем или иным причинам вытесняет тот факт, что Воскресение превратило крест в орудие победы, надежды, спасения.

Крест обращен в мир, открыт миру, в отличие от замкнутой на самой себе окружности, ставшей символом многих других религий, философских и мистических учений.

“Забавно, что многие наши современники (и наши тоже — *В.И.*) — и скептики, и мистики — объявили своим гербом некий восточный символ, знак дурной бесконечности. Они представляют себе вечность в виде змеи, кусающей свой хвост. Убийственная насмешка видится мне в столь нелепой трапезе. Вечность фаталистов, восточных пессимистов, вечность суеверных теософов. Вечность высоколобых ученых — эта вечность вправду подобна змее, пожирающей свой хвост; выродившееся животное уничтожает себя самое”¹⁶.

Принимая крест, человек получает возможность смотреть на мир по-детски широко открытыми глазами, подобными глазам святых на православных иконах. Принимать мир таким, каков он есть, во всей его полноте, а не через бесконечное самокопание и личный опыт, который всегда остается замкнутым и ограниченным, сколь бы обширен он ни был. Видеть подлинную ткань, сущность бытия. Видеть не только и даже не столько внутри себя, но и вовне, в окружающем мироздании источник жизненной силы и надежды.

“Христианство возвестило со всей яростью, что надо глядеть не внутрь, а наружу — надо принять с удивлением и любовью общество и опеку Бога”¹⁷.

Человек, принявший столь избранное и вечное общество, по определению не может страдать от экзистенциального одиночества, ставшего, как хорошо известно всем моим коллегам, источником столь многих личностных трагедий в наши дни — и в первую очередь в молодежной среде.

“Стать христианином было тем и радостно, что ты уже не один со своим внутренним светом, что есть свет снаружи — блистающий, как луна, светлый, как солнце, грозный, как полки со знаменами”¹⁸.

Крест устремлен в бесконечность и вечность подлинную. Его горизонтальная перекладина соединяет прошлое с будущим, вертикальная — небо с землей. Их пересечение — подлинное бытие, центр мироздания, в котором соединяется опыт прошлого и надежды будущего. Райское блаженство и земная, даже подземная адская страсть. Помещая крест в свое сердце, человек сам становится центром мироздания, точкой сосредоточения этих могучих сил.

Крест есть орудие достижения цели. Вспомним, да простят мне верующие люди такое сравнение, перекрестие прицела. Человек, поместивший крест перед своим внутренним, духовным зрением, обретает возможность ясно видеть, осознавать то, что для него действительно важно, — свою жизненную цель и пути ее достижения.

Охватывая небо и землю, прошлое и будущее, крест парадоксальным образом соединяет в единое целое, казалось бы, несоединимое. Причем в максимальном, абсолютном его проявлении. Сохраняя при этом во всей полноте неповторимость, целостность каждого компонента, его тождественность себе самому. Помещая крест в свою душу, человек тем самым соединяет в единое целое разные, зачастую прямо противоположные и на первый взгляд несовместимые личностные качества и чувства. И при этом храбрость остается храбростью, страх — страхом, боль — болью, радость — радостью, доброта — добротой, ярость — яростью. Это, так сказать, бескомпромиссное единство противоположностей и подлинная идентичность и интегрированность личности. Это то, что необходимо в жизни, чтобы добиться успеха, а то и просто выжить.

“Любящий жизнь свою погубит ее, а ненавидящий сохранит. Это не мистическая абстракция, а бытовой совет морякам и альпинистам; его можно напечатать в путеводителе по Альпам или в строевом уставе. [...] Человек, отрезанный морем, спасется, только если рискнет жизнью. Солдат, окруженный врагами, пробьется к своим только в том случае, если он очень хочет жить и как-то беспечно думает о смерти. (На мой взгляд, точнее сказать, думает совсем даже не беспечно, но готов при этом умереть. — *В.И.*). Если он только хочет жить — он трус и бежать не решится. Если он только готов умереть — он самоубийца; его и убьют”¹⁹.

Наконец, крест — символ самого великого чуда, известного человечеству, — Чуда воскресения. И тот, кто верит в Крест, верит в это чудо и чудеса вообще. Те же, кто утратил веру во все чудесное, лишают себя многого. Жизнь без чудес не просто скучна и однообразна. Без чудес невозможны подлинно великие свершения и достижения. Люди, отрицающие факт воскресения и объясняющие исцеления, совершенные Господом, его “экстрасенсорными способностями”, отнюдь не лишают Христа Его божественности. Они лишают человека надежды и шанса. Без веры в чудо Золушка вряд ли оказалась бы на балу. Будучи по-настоящему скромной и смиренной девушкой, она без этой веры скорее всего просто не стала бы беспокоить крестную своими глупыми и даже бредовыми с сугубо рационалистической

точки зрения мечтами. И по сей день перебирала бы бобы на кухне у злой мачехи. Без детской и наивной веры в волшебные сказки провинциальная девушка никогда не станет кинозвездой ни в России, ни даже в Америке. Она очень реалистично и логично рассудит, что для поступления в театральный институт надо дать большую взятку, что для получения хорошего контракта нужны большие связи, что “звезд” шоу-бизнеса и без нее пруд пруди. И останется дома среди унылых строений и грязных проулков либо отправится торговать на рынок или в “веселое заведение”. И символично, на мой взгляд, что материализовавшиеся из адских глубин существа типа Бен Ладена и ему подобных, персонифицировавшие абсолютную деструктивность, некрофилию, аннигиляцию жизни как таковой, в своих воззваниях в первую очередь ставят задачу отнюдь не борьбы с какой-либо государственной или политической системой, скажем, с Израилем или “американским империализмом”. Нет, прежде всего они призывают уничтожить *крестоносцев*.

Завершая этот разговор, хочу обратить ваше внимание еще на два аспекта, говорящих в пользу христианства как вечной и нетленной ценности, по-настоящему достойного и истинного предмета веры и верности.

О жизненной силе христианства свидетельствует прежде всего сам факт того, что Церковь Христова выстояла и сохранилась в первоизданном, *нетленном* виде, несмотря на все ереси, расколы, гонения, войны и иные катаклизмы человеческой истории.

Второе обстоятельство, быть может, не столь очевидное и величественное, но именно в этом-то, на мой взгляд, и заключается его прелесть, — это то, что, по меткому замечанию героя одного из произведений Г.К. Честертона, “христианство всегда не модно...”²⁰. Такое бытовое, если угодно, наблюдение — прекрасное свидетельство вечности христианских идей и ценностей. Ведь само понятие моды с вечностью несовместимо. Если бы мода вдруг стала вечной и неизменной, она перестала бы быть модой. Одна мода сменяет другую несколько раз на протяжении жизни одного только поколения. То, что модно сегодня, завтра будет казаться архаичным и даже смешным и нелепым.

“Церковь же всегда как бы отстает от времени, тогда как на самом деле она — вне времени. Она ждет, пока последняя мода мира увидит свой последний час, и хранит ключи добродетели”²¹.

Не знаю, достаточно ли сказанного, чтобы убедить скептиков в том, что молодые люди, приобщенные семьей к христианской традиции, имеют лучшие стартовые возможности и легче и успешнее справляются с кризисом юности, особенно в специфических российских условиях, но, по-моему, тут есть над чем задуматься.

Об одной специфической особенности “загадочной русской души”

Заканчивая разговор о кризисе юношества, об идейном воспитании и развитии молодежи, я хочу обратить внимание на одну часто встречающуюся ошибку, порой влекущую за собой самые негативные последствия. Я имею в виду характерную — особенно для российского менталитета — склонность к абсолютной персонализации любых идей, учений, событий. Эта тенденция начинает проявляться еще в школьные годы. Спросите у российского школьника: какой предмет ему нравится больше других? (Для чистоты эксперимента исключим физкультуру — это совершенно иной тип деятельности по сравнению со всем процессом обучения и потому разговор о ней отдельный). После длительного размышления наш школьник назовет какой-то предмет, например, географию. Тогда задайте следующий вопрос: а чем этот предмет тебе нравится? Почти не задумываясь, большинство школьников скажут что-то вроде: “Ну, учительница хорошая. Веселая. Интересно рассказывает. Просто так двойки не ставит. Не выгоняет из класса. И вообще, она ничего...”. Иными словами, критерием оценки *предмета* для ученика в нашем примере является *личность* учителя.

С годами у многих людей такой подход к оценке сложных и многомерных явлений становится преобладающим. И положительное, и отрицательное отношение к явлению остается *абсолютно субъективным*. То есть на него проецируется отношение к личности, с данным явлением ассоциирующейся. Во времена, которые официально принято называть “культом личности”, все достижения страны и народа связывали с товарищем Сталиным и только с ним. При этом игнорировался тот очевидный факт, что “вождь всех народов” лично не только не строил, скажем, ДнепрогЭС, но даже не проектировал его. Когда с началом перестройки партийные историки принялись дружно обличать преступления того времени, во всех них оказался виноват опять-таки товарищ Сталин. Хотя вообще-то диктатор самолично не расстреливал политических заключенных. И не обеспечивал своим непосредственным участием каторжный режим в лагерях.

Подобное мнение можно встретить и сегодня применительно к любой идее. Очень ярко этот механизм проявляется опять-таки в отношении к христианству и церкви. Причем чрезвычайно похожие доводы выдвигаются в обоснование и положительного и отрицательного личного отношения к христианству.

“О чем вы говорите! — воскликнет страстная, слегка истеричная противница религиозного воспитания в семье. — Какая вера?! Какие там заповеди?! Вы только посмотрите на настоятеля нашего храма отца Онуфрия! Это же совершенно необразованный, косноязычный тип! Пьяница, стяжатель. Вы посмотрите, на какой машине он разъезжает! Не зря вокруг него все время крутятся представители криминалитета. А еще я слышала про него такое!.. Даже язык не повернется повторить! И это — православный священник”. При этом, обличая (возможно, во многом вполне справедливо) подлинные и мнимые грехи и даже преступления отца Онуфрия, наша страстная дама незаметным для себя образом уподобляется человеку, купившему на рынке незрелый или гнилой арбуз и сделавшего из данного неприятного случая вывод, что все арбузы несъедобны. Очевидно, что человек, пришедший к такому выводу, лишает не только себя, но и *своих детей* какой-то частички жизненных радостей и большого количества жизненно необходимых организму витаминов группы В.

И потом, пусть отец Онуфрий стяжатель, вор, прелюбодей, аморальный тип. Но причем тут Бог? Таким образом, личность, вообще не заслуживающая какого бы то ни было внимания, личность ничтожная, становится настолько гигантской в индивидуальном сознании, что заслоняет собой, вытесняет великую идею. Поистине дьявольское наваждение в чистом виде! Приведенный пример ни в коем случае не является абстракцией. Именно такого уровня аргументацию можно встретить сплошь и рядом. Причем, что особенно удивительно, в среде людей образованных, не чуждых философии и, следовательно, знакомых с формальной логикой и правилами построения силлогизмов.

Хуже того, “разочаровавшись” в христианстве, сведенном в личном восприятии к фигуре отца Онуфрия, наша дама, именно потому, что она образованна и не чужда философии, часто начинает искать выход из “духовного кризиса” во всевозможных восточных культах и мистических учениях. Еще хуже, если она с энтузиазмом, достойным лучшего применения, начинает “строить” свою семью, руководствуясь “мудростью”, почерпнутой из какой-нибудь “Бхагават-Гиты, как она есть” или у “гуру Кришнамурти”, и транслировать ее своим детям. Я бы искренне порекомендовал тем, кто чувствует разочарование и духовный кризис, не спешить. Взять паузу и в этот период обратиться к чему-нибудь не очень серьезному, например, к хорошему детективу. Это не только отдых и развлечение. Там вы можете обнаружить, например, монолог патера Брауна, имеющий непосредственное отношение к описанной ситуации:

“Не стану отрицать, бывают хорошие люди в дурной религии и дурные — в хорошей. Но одну вещь я усвоил из опыта вполне реального... Вряд ли мне попался хотя бы один философствующий преступник, который не философствовал бы о Востоке и перевоплощении, о колесе судьбы и круговороте вещей, о змие, закусившем собственный хвост. Я на деле убедился, что над слугами этого змия тяготеет рок — они и сами обречены ходить на чреве своем и есть прах. На такие темы может болтать любой шантажист и любой злодей. Первоисточки этого учения, быть может, иные; но в нашем реальном мире оно стало религией негодяев”²².

Быть может, кому-то покажется, что это сказано чересчур сильно и чересчур категорично, но зато по существу. Вот пример из той же серии, но противоположный по форме. Предельно экзальтированная и опять-таки слегка истеричная дама с придыханием сообщает знакомой: “Я вчера была в Храме. Какую удивительную проповедь сказал отец Любомудр! Какая глубина мысли! Какой необыкновенный батюшка! Какой внимательный! Как выслушивает каждого! Какие необыкновенные глаза! Тебе обязательно надо к *нему* сходить!”. И к этой даме у меня возникает все тот же вопрос: а где здесь Бог? Я вполне допускаю, что отец Любомудр прекрасный человек и яркая личность. Но Храм-то — *дом Божий*. Туда приходят поклоняться и исповедоваться Богу. Отец Любомудр же — лишь свидетель и служитель. Но в сознании нашей дамы его фигура вытесняет Бога на второй план, а то и вовсе не оставляет Ему места. Вновь личность, пусть даже вполне достойная, заслоняет идею. Между тем именно так *верят* многие поклонники бесспорных и многочисленных талантов покойного протоиерея Александра Меня и ныне здравствующего дьякона Андрея Кураева, среди которых, кстати, много именно молодых людей. Если вернуться к нашему примеру с арбузом, то “верить” таким образом — это все равно что выбрать на рынке самый большой и красивый арбуз и, принеся покупку домой, бесконечно любоваться его внешним великолепием, забывая при этом разрезать и съесть. Патология, пожалуй, еще более тяжелая, чем в первом случае. Впрочем, результат, по

сути, тот же самый. Такой человек и *его дети* тоже лишены полезных свойств, заключенных в арбузе, несмотря на то, что последний физически присутствует у них дома. Надо только взять нож и протянуть руку.

Итак, любая самая великая идея, воспринимаемая *исключительно субъективно, крайне персонифицированно*, неизбежно подвергается ограничению и искажению. Она в значительной степени утрачивает свою витальность и, более того, может превратиться из движущей силы развития личности в цепь или паутину, опутывающие человеческую душу.

Если вернуться к символу креста, то можно сказать, что крест в этом случае перестает быть таковым. Он утрачивает свою открытость и безграничность. На его перекладины, устремленные в бесконечность, накладывается предел, ограничение. Они как бы подламываются. Крест превращается в свастику...

Вот почему так важно, на мой взгляд, при выборе объекта веры и верности сохранять способность видеть весь лес целиком, даже если взгляд упорно тянется к одному и тому же дереву. Вот почему важно, стремясь уловить всю гамму оттенков, не утратить незаметно для себя способность отличать белое от черного и свет от тени.

Мне нередко приходится слышать в группах, на семинарах и в частных беседах возражение, что ведь в любых философских, религиозных, мистических учениях и системах есть что-то правильное и полезное. Наверное, это действительно так. Вопрос в том, делает ли частность целое достойным веры и верности. Я всегда вспоминаю при этом эпизод из фильма “Телохранитель” с Кевином Костнером в главной роли. Момент, когда он ночью в лесу вступает в перестрелку с убийцей. При этом герой Костнера падает на колени, закрывает глаза и начинает стрелять. Смотря фильм, я не сразу понял, что происходит, почему он закрыл глаза. Потом до меня дошло: ведь подразумевается, что в реальной-то ситуации дело происходит в темном зимнем лесу, где нет софитов и ничего не видно на расстоянии вытянутой руки. Он стреляет из пистолета по-дзэнски!

Безусловно, если вы оказались в ночном лесу один на один с вооруженным противником, способность стрелять по-дзэнски, с закрытыми глазами — очень полезный, даже жизненно необходимый навык. Теоретически нельзя исключить, что любой из нас может оказаться в таком положении. Вопрос все тот же: является ли гипотетическая возможность подобной ситуации достаточным основанием для ухода в буддистский монастырь и стремления к нирване?

Глава 9

ДРЕВО ЖИЗНИ

Идея рода и ее смысл

До сих пор мы говорили о семье в узком смысле слова. О семье в двух поколениях — родителях и детях. И лишь временами, по мере надобности, обращались к третьему поколению — бабушкам и дедушкам. Это было вполне оправданно, пока речь шла о *непосредственном* влиянии на формирование личности. Но наш взгляд остался бы очень узким, если бы только этим и ограничился. Для придания ему полноты, глубины и некоторой законченности я хочу коснуться *опосредованных* влияний на судьбу человека.

И здесь необходимо подробнее поговорить еще об одной идее, также созвучной вечности и по-настоящему витальной. Идее, присутствующей в жизни каждого человека вне зависимости от его вероисповедания, национальности, культурной традиции. Идее, в полной мере отвечающей потребности людей “чувствовать, что они представляют некоторый особый род (клан или нацию, класс или касту, семью, профессию или тип), чьи знаки отличия они будут носить с тщеславием и убежденностью и защищать”¹. Речь идет об идее принадлежности к конкретной родовой традиции, об осознании себя не просто сыном (или дочерью) и наследником определенных людей, но потомком и продолжателем дел огромного числа поколений. Поколений, связанных между собой не только кровными узами, но и выполнением некоей общей задачи, общим усилием, направленным к единой цели. Мы поговорим о восприятии себя как жизненного воплощения родовой идеи на данном отрезке истории всего человечества.

“Жизненная задача всякого — познать строение и форму своего рода, его задачу, закон его роста, критические точки, соотношение отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего этого — познать собственное место в роде и собственную задачу, не индивидуальную свою, поставленную себе, а свою — как члена рода, как органа высшего целого”².

Разительный пример того, насколько важно осознание своего места в истории рода и своей роли в выполнении общеродовой задачи для личной судьбы человека, дает нам евангельская история. Как известно, Иосиф, муж Пресвятой Девы, принадлежал к очень древнему и славному роду, давшему ветхозаветному Израилю таких великих правителей, как царь Давид и Соломон³. Он, безусловно, осознавал свою родовую принадлежность. На это есть прямое указание в Евангелии. На перепись населения, предпринятую Квиринием, он отправился вместе с женой своей, Девой Марией, из Назарета, где проживал, “в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова”⁴. Вместе с тем, будучи прямым потомком столь славных предков, сам Иосиф довольствовался скромной ролью назаретского плотника. Можно предположить, что он объективно не обладал ни талантами и красотой Давида, ни мудростью Соломона и отдавал себе в том отчет. И тем поразительнее, что именно Иосиф, не наделенный выдающимися личностными качествами, занимавший невысокое место в социальной иерархии, не имевший особых личных амбиций, стал высшей точкой в истории своего рода, реализовал его подлинное предназначение. Соломон на пике своей славы и богатства был удостоен того, чтобы воздвигнуть храм Богу. Иосиф, в глубине своего смирения и бедности, оказался призван служить воплощенному Богу, заботиться о нем и даже в каком-то смысле воспитывать его в детские и юношеские годы жизни Спасителя. Давид, начав в ранней юности с карьеры пастуха, стал царем Израиля. Иосиф, всю свою жизнь оставаясь плотником, стал отцом Спасителя Израиля и всего человечества по Его человеческому естеству.

К пониманию значения опосредованного влияния жизни предков и родовой традиции на личность в целом, во многом схожему с высказанным Павлом Флоренским, приходят и многие представители самых разных современных психотерапевтических школ и направлений. Среди них можно упомянуть Э. Эриксона и Э. Берна, крупнейшего представителя системной психотерапии Б. Хеллингера и его последователей, А. Шютценбергер, много работающую с так называемым “синдромом годовщины”, автора методики психодраматической реконструкции семейной истории Елену Лопухину и многих других. Сам факт близости в обсуждаемом нами вопросе столь разных, часто противопоставляемых друг другу направлений человеческой мысли, как русская религиозно-философская традиция и современная психотерапия — типичное детище западной культуры, является хотя и косвенным, но весьма ярким подтверждением его глубины и важности. Между тем вопрос этот часто не просто выпадает из поля семейного зрения, но и вовсе находится за его пределами. За подтверждением далеко ходить не надо. Достаточно задать вопрос первому встречному: “Что вы знаете о ваших прабабушках и прадедушках?”. Большинство современных россиян в лучшем случае припомнят имена своих предков и тем ограничатся. Многие же и того, увы, не знают. А ведь знание семейной истории, своего генеалогического древа — очевидный и необходимый шаг к

обретению родовой идентичности. Не случайно в своей работе “Детство и общество” Э. Эриксон указывает на неразрывность личностной идентичности и наследия предков. Описывая поведение индейского ребенка во время обряда “раздаривания”, Эриксон замечает: “Он буквально излучает нечто такое, что позднее мы сформулируем как чувство *идеальной идентичности* (курсив мой — *В.И.*): Я действительно такой, каким вы меня видите сейчас, и такими же всегда были мои предки”⁵.

Причины утраты родовых корней.

Разрыв родственных связей

Многие современные исследователи связывают такое отношение к истории своего рода с причинами, лежащими на поверхности, — с историческими и социальными катаклизмами, переполнявшими историю России в XX веке. Разумеется, отрицать влияние практически на каждую российскую семью и родовую память двух мировых войн, революции, сталинских репрессий, пожалуй, еще более чудовищных ленинских репрессий — просто невозможно. Исторические потрясения, столь масштабные и трагические, неизбежно приводят к многочисленным разрывам связей между представителями рода — как в вертикальной (связь между поколениями), так и в горизонтальной плоскости (связь между представителями одного поколения). При этом первый, наиболее очевидный уровень разрыва родственных связей — уровень физический. Гибель людей на фронте и в результате репрессий, болезни и смерти, связанные с тяжкими условиями жизни, ссылки, эвакуации, переселения... Этот список можно продолжить. Однако физический отрыв от рода кого-то из его членов, даже если он пропал без вести, не сохранилась его могила или вообще неизвестно, жив он в настоящий момент или умер, сам по себе еще не создает пробела в семейной истории и не ведет к неизбежному искажению или повреждению общеродовой идеи в метафизическом смысле. Это происходит в том случае, когда по каким-то причинам сама память о человеке стирается. Его образ в душе родичей меркнет или вовсе исчезает. Личность сознательно или неосознанно пытаются лишить права принадлежности к данному роду. Не случайно на заре человечества самым страшным наказанием у многих племен считалась не смерть, а лишение “права на огонь и воду” — изгнание и забвение. Такой человек вычеркивался из жизни и истории племени не только на физическом уровне, но и как духовная сущность. Даже на произнесение вслух его имени накладывалось строжайшее табу. Образно говоря, это тот случай, когда у дерева (в нашем контексте у семейного древа) не просто отрубают или отпиливают ветку, но тщательно шлифуют и замазывают само место, из которого эта ветвь произрастала. Как будто там никогда ничего и не было. К чему приводит подобная вивисекция применительно к человеческому роду и какое влияние она оказывает на судьбу его представителей, мы увидим чуть дальше. Сейчас же постараемся ответить на вопрос, почему и как это происходит.

Самый простой и очевидный пример, когда кто-то из представителей рода или группа родственников совершенно сознательно принимают решение об изгнании и забвении кого-то из членов рода, вычеркивая его или ее из семейной истории. Скажем, на том основании, что “это паршивая овца в семействе”, попирающая, на взгляд тех, кто принимает такое решение, некие семейные, моральные, социальные или иные нормы и правила, считающиеся безусловно ценными и обязательными для членов данного рода. Если решение об изгнании принимается, то за ним следуют определенные санкции, обеспечивающие его выполнение. Подвергнувшемуся остракизму отказывают от дома, ему не подают руки при случайной встрече. О нем не принято говорить и даже упоминать на семейном собрании и рассказывать детям. Такой духовный и психологический отрыв, пожалуй, наиболее традиционен. Он напрямую происходит от упомянутого древнего обычая лишения “права на огонь и воду”. Не случайно примерами подобных ситуаций изобилует мировая литература. Действовавшее на протяжении многих веков практически во всех европейских странах правило престолонаследования, согласно которому принц, вступивший в мorganатический брак, лишается права на престол, тоже не что иное, как вариант именно такого подхода. И хотя в этом случае все семейные связи не порываются и личность не вычеркивается из семейной истории, ее роль и предназначение в рамках родовой идеи и цели кардинально меняются.

Если же от истории царствующих домов обратиться к современности, то более простым, бытовым, но психологически и структурно близким к описанному механизму разрыва является вариант, когда мужчина и женщина разводятся “не как порядочные люди”. В такой ситуации женщина порой принимает решение вычеркнуть бывшего супруга не только из своей жизни, но и из жизни своих детей. На том основании, что “он негодяй, развратник и пьяница”. Мужчина, в свою очередь, может не только постараться исключить “эту шлюху” из своего круга общения, но и вычеркнуть ее из собственной памяти. Аналогичным разрывом нередко

заканчиваются и другие семейные конфликты на бытовой почве или, например, из-за наследства между братьями и сестрами.

Еще одно частное основание для отвержения кого-то из родичей, возможно, наиболее уродливое с человеческой точки зрения, но характерное именно для нашей страны в силу исторических причин — это политическая борьба и политические убеждения. То, что в результате революции брат поднялся на брата и сын на отца — не выдумка историков и не метафора писателей. Это, увы, факт. В результате из многих семейных историй были вычеркнуты уже не отдельные члены, но целые группы родичей, а то и все предшествующие поколения. В последнем случае родовое древо уже лишалось не отдельных ветвей. У него отрубали корни... Из всех бесчисленных сатанинских действий русской революции это, возможно, самое сатанинское.

Но попытки сознательного исключения кого-то из семейной истории не всегда и не обязательно обусловлены негативным отношением к этому человеку. Скажем, в семьях репрессированных уста людей нередко запечатывал страх за себя и за детей. Именно поэтому имена “врагов народа” не произносились вслух. Зачастую взрослые сознательно старались не говорить при маленьких детях о погибшем на фронте отце, дабы не травмировать их. Происхождение подобного поведения так же связано с “преданиями старины глубокой”. Представители многих первобытных племен избегали произносить вслух имена сородичей, с которыми произошло нечто ужасное, дабы не накликать беду на других соплеменников. В сущности, это не что иное, как разновидность примитивной оберегающей магии. Таким образом, всякий раз, когда речь идет о попытке сознательного исключения кого-то из родовой традиции и семейной истории, вне зависимости от того, какими соображениями руководствуются люди, предпринимающие такую попытку, в дело вступают *наиболее темные, архаичные структуры подсознания*, берущие начало в глубине мрачных веков *дикости* человечества.

Несколько сложнее дело обстоит в тех случаях, когда отрыв, вычеркивание из семейной истории происходит неосознанно. Этот процесс растянут во времени и иногда проходит через несколько поколений, поскольку не является следствием ясного, принятого в какой-то определенный момент волевого решения. Обычно его причиной является подсознательное желание избежать, например, боли от не пережитой до конца потери близкого человека или воспоминания о каком-то ином тяжелом и травмирующем жизненном событии, связанном с кем-то из родственников. При этом упоминания о человеке, с которым связана боль потери и другие тяжелые чувства, не являются табуированными. Они скорее нежелательны, неуместны, нетактичны. Для данного механизма отрыва характерно то, что у его инициатора чаще всего нет не только сознательного намерения вычеркнуть отвергаемого родственника из семейной истории, но наоборот, последний представляется чрезвычайно значимым и ценным и занимает важное, может быть, самое важное место в душе инициатора отрыва. Налицо типичный конфликт между сознательным намерением и механизмом реального функционирования личности под воздействием неосознаваемых побуждений.

Образно говоря, если механизмом реализации сознательного решения о вычеркивании кого-то из семейной истории было либо изгнание, либо погребение данного родственника где-то глубоко в недрах индивидуальной и родовой памяти, то при рассматриваемом варианте личность заключается в “башню из слоновой кости” — святилище до такой степени неприкосновенное, что для большинства родственников, особенно для представителей младших поколений, доступ туда закрыт. Конечный же результат в обоих случаях одинаков — изоляция личности от других родичей. Если изоляция сохраняется достаточно долго, за ней следует забвение. В семейной истории образуется лакуна. Ветвь родового древа обрублена.

Характерно, что в варианте со святилищем тоже можно проследить отголоски древнейших культов и суеверий. Особенно показательным в этом смысле ограничение доступа к изолированному родичу и памяти о нем, в первую очередь для представителей младших, так сказать, не прошедших инициацию поколений. Буквально то же самое происходило вокруг языческих капищ, куда допускались избранные — старейшины и жрецы. Всем же остальным, и в первую очередь молодежи, доступ в такие места был категорически воспрещен под страхом смерти или изгнания. Следовательно, можно предположить, что и в этом механизме отрыва от рода определяющую роль играют, быть может, не столь древние и дикие, как в случае сознательного изгнания и забвения, но тоже крайне архаичные пласты бессознательного.

Отсюда следует важный вывод: *подлинные, глубинные причины забвения, вычеркивания из родовой истории отдельных членов рода, и тем более целых поколений, кроются не в социальных и исторических катаклизмах, но в возобладавших в человеческой душе первобытных начал и инстинктов*. Определенные социальные и исторические условия могут лишь

способствовать выдвижению подобных инстинктов на первый план, служить катализатором для их пробуждения.

Правомерность такого умозаключения подтверждается и тем фактом, что применительно к России кризис родового самосознания, отрыв от родовых корней отмечался задолго до трагического XX века. В частности, Павел Флоренский указывал, что нечто подобное происходило в 60-е годы XIX столетия. Среди причин отрыва от родовых корней в тот период он выделял:

“а) Нарушение традиций, связей, родов... Нигилизм. Или точнее, это-то и есть нигилизм в точнейшем смысле слова.

б) Разорение уклада жизни, быта, гнезда, оседлости...

в) Дурное чувство зависти к родовым фамилиям. Вместо того, чтобы изучать прошлое, завидовали тем, у кого оно изучено. Вместо того, чтобы делаться родоначальниками, ненавидели тех, у кого они есть.

г) Разрыв с отцами. Не любили отцов, дедов и хотели детей своих лишить родового имущества, генеалогии, традиций... Отрекались от титулов, от предков, от имени”б.

При внимательном рассмотрении за всеми причинами, указанными Флоренским, можно увидеть действие все тех же механизмов возобладания в человеческой душе архаичных, диких начал. Скажем, нигилизм есть не что иное, как “отрицание общепринятых ценностей: идеалов, моральных норм, культуры, форм общественной жизни”⁷. Иначе говоря, возвращение человека к своему первобытному состоянию в буквальном смысле слова. Не случайно Вольтер как-то заметил, что при чтении творений Руссо, призывающих “быть ближе к природе”, ему порой хотелось встать на карачки и убежать в лес. Из такого положения вещей неизбежно происходят малоприемлемые для нормального человека следствия не только морально-этического и нравственного, но и сугубо практического порядка.

***Механизм и виды негативного влияния
повреждения родовой структуры
на жизнь семьи и ее членов***

Повреждение родовой структуры, искажение родового самосознания, отказ от родовой истории как результат влияния на отдельную личность или родовую группу наиболее темных и архаичных структур личного и коллективного бессознательного неизбежно оказывают негативное воздействие на весь род и личную судьбу каждого его члена. Как же конкретно может проявляться такое влияние?

Первый, наиболее очевидный и самый тяжелый случай — это полный отрыв от родовых корней, утрата связи не с одним или несколькими представителями рода, а с предшествующими поколениями вообще. В этом случае трудно, если вообще возможно говорить об обретении человеком его родовой идентичности, об осознании им себя уникальной частью единого целого, о понимании своей роли в достижении общеродовой цели. Такой человек, особенно в первые годы жизни, уподобляется побегу на засохшем дереве. Каждый из нас не раз наблюдал в природе подобную картину. Перед таким ростком, лишенным корневой системы, питательных соков, возможности опереться на могучий ствол, укрыться от порывов ветра в разветвленной кроне, с самого момента его появления на свет встает выбор: погибнуть или начать трудную борьбу за жизнь, пустить собственные корни. Многие выбирают смерть и погибают. Не случайно наркоманы, бомжи, беспризорники зачастую не могут вспомнить ни отца, ни матери или не желают иметь с ними ничего общего.

Другая категория лишенных корней отростков пытается выжить, паразитируя на более здоровых и мощных растениях. В человеческом обществе также можно порой наблюдать нечто подобное. Результатом таких попыток и в растительной, и в человеческой жизни является образование симбиотической зависимости, если не происходит отторжения паразита или, наоборот, паразит в конечном счете не уничтожает своего носителя. Но если в лесу симбиоз может быть продуктивным и полезным явлением, то в социуме он неизбежно порождает несчастные семьи и несчастные судьбы. Таким способом можно *выживать* и *существовать*, но ни в коем случае не *жить*.

Наконец, самые жизнелюбивые и по-детски верящие в чудеса побеги сухого дерева принимают мужественное решение именно жить и для этого вырастить собственные корни взамен утерянных. И если это удастся, то такой росток становится началом нового могучего ствола или — применительно к людям — *родоначальником*.

Но сколько препон и опасностей подстерегает хрупкий зеленый росток на этом пути! Его могут, даже не заметив, безжалостно втоптать в землю беззаботные туристы. Им могут закусить животные. Наконец, даже если ничего подобного не произойдет, ту энергию, время и жизненные силы, которые молодые ростки, появившиеся на могучих деревьях, используют для

роста ввысь и вширь, ему приходится тратить, вгрызаясь сантиметр за сантиметром в твердую неподатливую почву, по каплям вытягивая из нее необходимые для жизни соки.

Так же и человек, оказавшийся в подобной ситуации, вынужден до всего доходить, всего добиваться сам, в одиночку бороться с жизненными невзгодами. Ему не на кого опереться, не у кого получить совет и поддержку. Он вынужден рассчитывать исключительно на себя, на свой личный жизненный опыт. Даже если речь идет о зрелом и уже состоявшемся человеке, за его плечами знания и опыт всего лишь нескольких десятков лет, в то время как его более счастливые в этом смысле сверстники могут опереться на мудрость своих предшественников, помощь и понимание живых родственников. Помните арию мистера Икс в кальмановской “Принцессе цирка”:

Сквозь мрак и ветер, мне идти суждено,
Нигде не светит, мне родное окно.
Устал я греться у чужого огня.
Но где же сердце, что полюбит меня?
Живу без ласки, боль свою затая.
Всегда быть в маске — судьба моя!

В оригинале оперетты история мистера Икс — это история русского белогвардейца, основанная на подлинных событиях, рассказанных Имре Кальману его женой. И если таково душевное состояние и мироощущение бесстрашного трюкача, кумира толпы, потомка знатного рода, прошедшего через ужасы революции и перипетии гражданской войны в России, волею судьбы оторванного от своих корней и лишённого родового имени, то что уж говорить о ребенке, вообще не знающем своих предков?

Поэтому очень часто дети, оказавшиеся в такой ситуации, пытаются справиться с ней, придумывая себе предков и семейную историю. Многие обитатели детских домов и приютов изо всех сил стараются убедить себя и окружающих, что мама их ни в коем случае не бросила, что она вот-вот появится и заберет их домой. До определенного момента эти фантазии играют положительную роль — вселяют надежду, помогают выжить. Однако в дальнейшем они могут привести либо к жестоким разочарованиям (мама так и не появилась), либо к отказу от любых попыток что-то узнать о своих предках, даже если такая возможность реально существует (так проявляется детская месть за предательство). Или же, наоборот, фантазия обрастает все новыми персонажами и подробностями, становится виртуальной реальностью. Так рождается совершенно особый вид семейной мифологии. Мифы существуют едва ли не в каждой семье и могут оказывать на ее жизнь и историю как негативное, так и позитивное влияние. Чаще всего имеет место и то и другое. Это напрямую связано с двойственной природой большинства мифов. В каждом из них происходит некое изменение реальности, ее приукрашивание, героизация или, наоборот, обесценивание и негативизм — в зависимости от субъективного отношения автора мифа или его транслятора. Вместе с тем миф чаще всего бывает основан на подлинном событии и является его отражением, его героем становится, как правило, подлинный персонаж. Однако в случае, когда миф о предках является исключительно порождением фантазии ребенка, полностью лишённого родовых корней, он чаще всего в итоге оказывает негативное воздействие на взрослую жизнь человека и его потомство. Если ребенку эти фантазии давали надежду, помогали выжить и, следовательно, играли продуктивную роль, то для взрослого, пытающегося справиться с реальной проблемой отрыва от предков таким же способом, он становится контрпродуктивным, тормозящим развитие, а зачастую и просто опасным для жизни.

Цепляние за детские фантазии, их развитие и культивирование, так же как и жестокое разочарование, приводит к отказу от попыток восстановить подлинную историю своей семьи, обрести реальную связь с реальными предками. Разница лишь в том, что в первом случае причиной отказа была месть брошенного ребенка предкам за то, что с ним так обошлись, здесь же на первое место выступает страх утраты виртуальной связи с виртуальными предками, что, впрочем, не исключает и мотив мести.

Кроме того, поскольку данный специфический вид семейной мифологии целиком является продуктом личной фантазии и начисто лишен сколько-нибудь значимой связи с подлинной реальностью, то героизация либо, наоборот, демонизация действующих лиц и событий, их подгонка под требования субъективных убеждений, социальных предпочтений, модных поветрий приобретает абсолютный, порой даже абсурдный характер. Тем самым создаются не просто нереалистичные, а несовместимые с реальной жизнью программы, которые транслируются последующим поколениям.

Поясню на примере. Мне довелось знать нескольких людей, не состоящих в родственных отношениях (хочу оговориться, что все сказанное далее вовсе не означает, что это

были плохие или недостойные люди), которые в начале восьмидесятых с придыханием рассказывали о том, что их дедушки и прадедушки занимали крупные посты в сталинских наркоматах и лично общались с самим Иосифом Виссарионовичем либо с кем-то из его “ближнего круга”. Несколько позже, в разгар перестройки, они добавляли, что эти самые дедушки и прадедушки пали жертвами репрессий, пострадав за свои убеждения. Встретившись с некоторыми из этих знакомых спустя еще лет пять, я с удивлением узнал, что, оказывается, дедушки и прадедушки боролись с “красной заразой” в рядах белой гвардии и были типичными “золотопогонниками”, ведущими свое происхождение от известных аристократических родов. Нисколько не удивлюсь, если вы сами сталкивались с чем-то подобным. Сейчас эта волна как-то поутихла, а еще года три-четыре назад потомков Воронцовых, Толстых, Голицыных (во всяком случае, в Москве) было, пожалуй, не меньше, чем отпрысков Маркса, Кропоткина и Розы Люксембург во времена Шуры Балаганова.

Но давайте повнимательнее посмотрим, о чем эти явно виртуальные мифы. При всей противоположности социально-исторического антуража деникинского полковника и сталинского наркома, они очень похожи своим внутренним, психологическим содержанием. И то, и другое — миф героический. И то, и другое — миф, связанный с личным достижением, другое дело, с каким. Если, например, отправить столь внешне непохожих друг на друга героев в баню, где они снимут с себя мундиры с погонами и аксельбантами, френчи и партийные кепки, то мы, получив возможность взглянуть на персонажей, не отвлекаясь на яркую внешнюю атрибутику, легко убедимся, что судьбы их, по сути своей, не просто схожи, но практически одинаковы. И тот, и другой сумели очень высоко подняться по социальной лестнице своей эпохи. Достичь практически ее вершины. И тот, и другой провели жизнь в борьбе за некую идею. И тот, и другой скорее всего погибли насильственной смертью в расцвете лет. И тот, и другой в конечном счете потерпели поражение и не достигли цели своей борьбы. Полковник не остановил большевизм. Нарком не построил коммунистический рай даже в “одной отдельно взятой стране”. Таким образом, обе модификации данного мифа, во-первых, задают чрезвычайно высокую, почти нереалистичную планку социальных достижений, учат приносить жертвы ради идеи и умирать, не дожив ни до старости, ни до торжества идеи, за которую боролись. Как может сложиться жизнь человека, воспринявшего в детские годы такой миф как реальное наследие своих предков и пытающегося бессознательно реализовать подобную жизненную программу? Что ожидает последующие поколения этой семьи, если впитываемая ими в детстве виртуальная история рода получит реальное подкрепление в судьбе их родителей?

Тенденция к героизации, повышению уровня притязаний и достижений вообще свойственна семейной мифологии. С ней нередко можно столкнуться и в тех случаях, когда речь идет о мифах, отражающих реальную историю семьи. По-человечески это очень понятно. Приятно чувствовать себя и выглядеть в глазах окружающих носителем и продолжателем славных и даже великих традиций. Потомком людей признанных и незаурядных. Тем более, если для этого имеются более-менее реальные основания. Я бы назвал такую тенденцию до определенных пределов здоровой и продуктивной. Но именно до определенных пределов. Тут как с парфюмерией — важно не переборщить. А главное, даже самые изысканные духи не заменят ни чистой воды, утоляющей жажду, ни доброго вина, веселящего сердце.

Но вернемся к последствиям подмены родовой истории ее суррогатом, связанной с полной утратой корней. Еще один негативный результат такой подмены заключается в том, что виртуальная семейная история, лишая человека доступа к ресурсной, позитивной части истории подлинной, ни в коей мере не исключает влияния на жизнь последующих поколений реальных негативных событий и программ из жизни предков. В частности, уже упоминавшегося “синдрома годовщины”. Под этим в современной психотерапии понимают повторение, передачу из поколения в поколение значимых негативных событий, связанных с явной угрозой для жизни и физического здоровья. Речь идет о тяжелых заболеваниях, в частности, о раке, авто- и авиакатастрофах, мертворожденных детях, выкидышах, абортах и т.п. Попросту говоря, несчастье происходит с человеком в тот день недели, число, месяц или в том возрасте, когда это случилось с кем-то из его предков. Очень часто передача такой негативной программы происходит через поколение — то есть внуки повторяют судьбу дедов. Нередко это бывает связано с неосознаваемым чувством вины или долга перед предками. Незнание семейной истории или исключение из нее кого-то из родичей часто порождает подобные чувства. В этом случае многие люди пытаются избавиться от чувства вины или ощущения невыполненного долга, бессознательно воспроизводя жизненный путь своего предшественника, копируя прежде всего негативные или трагические события этого пути. Практика психотерапевтической работы показывает, что данное специфическое “проклятие” может быть снято при воссоздании реальной семейной истории, ее принятии и осознании человеком происходящего. Например,

поняв и приняв, что его дедушка был замечательной и талантливой личностью, но при этом алкоголиком и погиб пьяным во время пожара на даче, а вовсе не спасая детей из огня, как об этом, отводя глаза, очень неохотно рассказывала в детстве бабушка, он получает свободу выбора. И может принять решение любить и уважать своего дедушку за то хорошее, что в нем было, и при этом не спиваться в его честь. Либо прийти к выводу, что дедушка не сделал в своей жизни ничего, что заслуживало бы уважения. Но внуки его ничуть не виноваты в том, что он именно так распорядился своей жизнью, и, следовательно, не должны искупать несуществующую вину собственной гибелью на пожаре или при иных трагических обстоятельствах.

“Обсуждение сходств и повторений: несчастных случаев, болезней, имен, возрастов, дат, связей между рождением и смертью — производит сильное впечатление на клиента. Кроме того, через подобную работу выясняются его идентификации и невидимые лояльности; становится очевидной “красная нить” семейной истории и ее связь с болезнью или другими травматическими событиями.

Работая над своей геносоциограммой (одна из наиболее распространенных в психотерапии техник работы с семейной историей — *В.И.*) аналитически и психодраматически и обнаруживая повторения в поколениях, клиент часто получает некоторое представление о “спрятанной правде” в истории своей семьи, ее секретах и “невидимых призраках”. Все это позволяет ему осознать, что происходит в его актуальной семье и в нем самом; освобождает от навязанных повторений и помогает избежать нездоровых тенденций к смерти”⁸.

Очевидно, что, отказываясь от попыток обратиться к реальной истории своей семьи и подлинным родовым корням как результату культивирования виртуальной семейной истории, человек лишается самой возможности избежать влияния “синдрома годовщины” не только на собственную жизнь, но и на жизнь своего потомства.

Кроме того, отказ от обращения к реальной истории своего рода делает проблематичной, если вообще возможной передачу детям в родительской семье культурной и исторической традиций, о чем мы говорили в начале книги как о важнейшей функции семьи. “Представьте человека, сидящего всю жизнь над вопросами культуры, истории и не знающего, не желающего знать собственного прошлого. Неужели про такого можно сказать, что он понимает то, чем занимается?”⁹.

Это также препятствует внутреннему принятию человеком естественного хода вещей, правопорядка родовой традиции, того, что Б. Хеллингер обозначил как закон приоритета более раннего и выделил в качестве одного из необходимых условий для процветания рода:

“В развитых отношениях господствует ранговый порядок, ориентированный в первую очередь на раньше и позже, то есть тот, кто приходит раньше, стоит выше, а пришедший позже — ниже. [...] Поэтому родители идут перед детьми, а рожденный первым — перед рожденным вторым”¹⁰.

Важно понимать, что речь идет не просто о соблюдении родовой иерархии, а гораздо шире — о том, что каждый представитель рода и каждое поколение имеет свою специфическую задачу, свое предназначение внутри общеродовой идеи. И никто другой кроме данной личности или данного поколения не в состоянии выполнить их предназначение и, более того, не вправе претендовать на это.

“Если нижестоящий вмешивается в область стоящего выше, к примеру, сын пытается искупить вину отца или быть лучшим мужем для мамы, то он считает себя вправе делать то, на что права не имеет, и на подобную самонадеянность этот человек часто неосознанно реагирует потребностью в крушении или гибели. [...] Подобные взаимосвязи всегда играют некую роль там, где есть плохой конец, когда кто-то, например, сходит с ума, совершает самоубийство или становится преступником”¹¹.

Хочу добавить, что деструктивный результат, как правило, неизбежен и в том случае, когда последовательность нарушается в обратном направлении, то есть вышестоящий пытается занять место, выполнить предназначение нижестоящего. Скажем, женщина в супружеских отношениях играет роль маленькой девочки, пытаясь быть по отношению к мужчине не женой и партнером, а эксплуатировать его отцовские чувства, претендуя на место дочери. Точно так же и мужчина может выступать по отношению к женщине в качестве объекта материнской заботы и опеки — то есть ребенка, но никак не супруга.

Подобные деформации часто являются прямым следствием того, что человек был лишен возможности с детства воспринять порядок следования как нечто естественное и само собой разумеющееся, повторяющееся в его роду из поколения в поколение, а также идентифицироваться с личной задачей в рамках общеродовой идеи.

Все сказанное в большей или меньшей степени относится и к семьям, не в полной мере утратившим контакт со своими родовыми корнями. Частичная утрата связи с семейной историей или исключение из нее отдельных лиц либо целых поколений может порождать такие же негативные влияния на судьбу последующих поколений. Вместе с тем, отрыв от рода отдельных его членов и их потомков порождает и свои специфические формы отрицательных последствий для рода в целом. В этом случае происходит нарушение еще одного необходимого для процветания рода условия, сформулированного Бертом Хеллингером — права на принадлежность. “Все принадлежащие к одному роду, обладают равным правом на принадлежность, и никто не может и не имеет права отказать им в этом. Как только в системе появляется кто-то, кто говорит: “У меня больше прав принадлежать к этой системе, чем у тебя”, он нарушает порядок и вносит в систему разлад”¹². Следствием такой попытки искажения естественного хода вещей, по сути, попытки сделать сказанное несказанным, сделанное — несделанным, рожденное и сущее — несуществующим, является неизбежная расплата. Она может наступить как в опосредованной форме, скажем, в неосознанном воспроизведении потомками негативных жизненных сценариев своих предшественников (в данном случае — судьбы родственника, которого лишили права на принадлежность), так и в виде негативных событий, непосредственно связанных с фактом отторжения.

***Что общего в семье
английского аристократа
и русского крестьянина***

Прекрасная иллюстрация подобной расплаты — история о собаке Баскервилей. Читателям, не открывавшим сочинения сэра Артура Конан Дойла со времен детства, напомню, что преступление, послужившее причиной визита доктора Мортимера на Бейкер-стрит, совершил натуралист Стэплтон, который был прямым потомком, точнее, сыном родного брата убитого им сэра Чарльза Баскервиля. Отец Стэплтона Роджер “считался в семье паршивой овцой. [...] В Англии Роджер не ужился и был вынужден скрыться в Центральную Америку, где и умер в 1876 году от желтой лихорадки”¹³. Налицо типичный случай сознательного отвержения одного из членов рода. О том, что у изгоя имеется сын, никто из Баскервилей и их близких даже не подозревал. Я не берусь судить, как развивалась бы вся эта история и что *было бы*, если бы сын Роджера, при всей своей испорченности, воспринимал бы дядюшку Чарльза не как одного из тех, кто не желал подавать руки его отцу, но как своего близкого родственника. Или если бы добряк сэр Чарльз узнал о том, что у него где-то есть родной племянник. Неблагодарное это дело — гадать, что было бы, если бы... Но я точно знаю, чего бы *не было*, если бы последствия давнего лишения права принадлежности и связанный с ним пробел в семейной истории были устранены хотя бы на самом поверхностном, формальном уровне. Если бы сэр Чарльз и его окружение хотя бы знали о том, что у изгнанного Роджера есть сын и что он и Стэплтон — одно и то же лицо, то не было бы самого преступления, во всяком случае в том виде, в котором оно произошло. Преступление стало бы просто невозможным. Ведь основой замысла Степлтона являлось именно то обстоятельство, что никто не подозревал о его принадлежности к роду Баскервилей. В данной истории мы видим, как преступление метафизическое, преступление против естественного порядка, наносящее ущерб и искажающее родовую структуру, непосредственно порождает преступление уголовное. Порочный круг замыкается. Кто-то, быть может, скажет, что все это базируется на литературном вымысле, и потому слишком умозрительно. Однако подобную трагическую взаимосвязь можно проследить и в реальных событиях, имевших место в истории.

Представителям моего поколения хорошо знакомо имя Павлика Морозова. Причем сталкивались мы с ним дважды — в разных ипостасях. Во времена пионерского детства на сборах и классных часах он преподносился как герой и пример для подражания. Причем акцент делался на “героической” гибели подростка от рук родного деда. Это вполне понятно. Во-первых, при брежневском “развитом социализме” даже преданным “бойцам идеологического фронта” было уже очевидно, что преподносить как великие деяния исключительно стукачество и доносительство не совсем удобно. Во-вторых, без факта зверского убийства Павлик вряд ли имел шансы стать символом для советской пропаганды и во времена “отца народов” — мало ли кто тогда доносил на своих родственников!

Второй раз мы столкнулись с Павликом и его семьей во времена перестройки. По каким-то не вполне очевидным причинам он становится одним из любимых антигероев для писателей и публицистов, специализирующихся на разоблачениях преступлений времен культа личности. (Кстати, если как следует разобраться в этом явлении с точки зрения психоанализа, можно прийти к весьма любопытным выводам относительно скрытой мотивации и прошлой жизни упомянутых писателей и публицистов, но сейчас не об этом.) Важно, что в этих

“произведениях” акцент также делался на преступлении и его чудовищности. Только теперь в центре внимания было преступление самого Павлика, “заложившего” собственного отца. Правда, в большинстве подобных статей и брошюр отсутствовал ответ на два важнейших, на мой взгляд, вопроса. Во-первых, в чем конкретно, с точки зрения *права*, состояло преступление пионера Морозова? Какой именно и кем установленный закон или кодекс он нарушил, сообщив об определенных действиях своего отца “органам”? А во-вторых, почему оно расценивается как столь необыкновенно тяжкое? Почему, с точки зрения авторов, “настучать” на отца более чудовищно, чем “сдать” соседа по парте или коллегу по работе? Думается, мы с вами можем ответить на эти вопросы, имея в виду все сказанное выше и взглянув на эту историю и ее внутреннюю подоплеку в целом, не закликаясь на отдельных аспектах, как это свойственно создателям околосторических мифов, отвечающих политической конъюнктуре.

Очевидно, что преступление самого Павлика не носит юридического характера не только с точки зрения тогдашнего советского законодательства, но и мировой правовой практики. Законодательство многих цивилизованных стран предоставляет гражданам право не свидетельствовать против своих близких родственников, но и не запрещает делать этого. Оценка его действий с морально-этической точки зрения, особенно учитывая то, что речь идет о ребенке, — вещь очень субъективная и противоречивая. Например, многие из тех, кто искренне возмущается поступком Морозова, нередко воспринимают похожие эпизоды из ранней римской истории как проявления силы духа и гражданского мужества.

По всей видимости, подлинный смысл данного преступления заключается в явной попытке Павлика лишить собственного отца права на принадлежность к семье. В попытке его физического удаления, изгнания из семьи. Приняв такое решение, но не будучи в состоянии реализовать его собственными силами, ребенок прибегает к помощи силы внешней — карательной системы государства. Не берусь судить, осознавал ли мальчик все последствия своего поступка, да это не так уж и важно. Важно, что факт попытки отторжения, очень действенной и энергичной, имел место. Преступление против права на принадлежность свершилось. Существенно также то, что причины, толкнувшие Павлика Морозова на такой шаг, следует искать не в перипетиях “классовой борьбы в деревне”, а в его семье. И в этом смысле важно понять, а что, собственно, представлял собой отец Павлика. Сразу оговорюсь, что я специально не занимался изучением истории семьи Морозовых и исхожу из образов, созданных пропагандистами советской идеологии брежневской эпохи и публицистами времен перестройки. И в контексте того, что доподлинно известно об историческом периоде “великого перелома”, о социальной среде, в которой происходили рассматриваемые события, образ отца Павлика, созданный советской пропагандой (деревенский люмпен, пьяница и туняец, ставший председателем колхоза и за взятки оформлявший нужные документы зажиточным соседям, а дома изводивший жену и нещадно лупивший детей), представляется куда более реалистичным и адекватным эпохе, чем светлый лик борца с системой, с риском для жизни укрывавшего “врагов народа”, выписанный перестроечными публицистами. То есть в глазах подростка он выглядел той самой “паршивой овцой”, которую можно и даже необходимо изгнать, удалить из семьи. По мере того, как это изображение овладевало мальчишкой, его поступки все больше определялись воздействием тех диких и архаичных пластов подсознания, о которых мы уже говорили. Он все дальше уходил от культурного наследия своих предков. В частности, от таких характерных для русской деревни норм, как безусловное уважение к старшим, особенно к родителям, и прежде всего к отцу, подчинение им, признание их авторитета. Это уже не только преступление против права на принадлежность, а открытый бунт против закона приоритета более раннего над более поздним. Подросток не просто хочет удалить из семьи своего отца, но, ограждая семью от того, что воспринимается им как издевательство, пытается тем самым выступить в роли хорошего мужа для своей матери и хорошего отца для младших детей в семье. Нюансы же политического и идеологического характера выступают в этой истории лишь как сопутствующие факторы, хотя и придают ей специфический характер, послуживший причиной широкой огласки этой типично семейной трагедии.

Итак, преступление Павлика Морозова — преступление по преимуществу метафизического порядка. Как и баскервильская история, это преступление против родовой структуры, идеи рода. И точно так же, как в произведении Конан Дойла, в реальной жизни прямым следствием такого преступления становится преступление уголовное — убийство. Убийство, совершенное родным дедом и дядей Павлика Морозова и тем более зверское, что его жертвой становится и младший брат Павлика. Налицо все тот же порочный круг и крайняя степень проявления *дикости и зверства* в действиях участников трагедии. Но и это еще не конец истории. Я не знаю, как точно происходил и чем закончился уголовный процесс по этому делу, но, думаю, не ошибусь, если предположу, что в те времена приговор за двойное убийство

детей, получившее широкий общественный резонанс и явную политическую окраску, мог быть только один. Итак, конечный итог: представитель старшего поколения семьи Морозовых наверняка расстрелян, его дети либо тоже расстреляны, либо оказались в сталинских лагерях на срок, после которого обычно не возвращаются, внуки — убиты. Налицо крушение рода, во всяком случае, его пресечение по мужской линии.

Таким образом, попытки лишить кого-либо из членов рода права принадлежности, даже если для этого имеются видимые основания, влекут за собой негативные последствия для всех членов рода, а при определенных обстоятельствах могут приводить к настоящим кровавым трагедиям и даже гибели рода в целом.

Семейная история внутри нас

Ладно, убедил, скажете вы, все это важно и интересно, но как быть, если на самом деле важные моменты семейной истории утрачены и восстановить их невозможно? Прежде всего позвольте вам не поверить. “Нет” генеалогии — этого быть не может. Всякий от кого-нибудь родился и, следовательно, имеет генеалогию. Даже у подкидышей можно установить ее, но не сразу, с трудом¹⁴. За этим “нет” чаще всего кроется подсознательное нежелание заниматься историей своего рода. На одном из моих семинаров по семейной истории молодая женщина (назовем ее Даша) заявила о своем желании, чтобы ее супруг обрел свои корни в ее родительской семье, поскольку о его собственной семье почти ничего неизвестно. Я объяснил, что таким образом, исходя из благих побуждений, она, по сути, лишает мужа шанса воссоединиться со своими подлинными корнями, и попросил ее к следующей сессии собрать по возможности полную информацию о собственных предках и предках супруга. Через неделю Даша смогла сообщить кое-какие подробности о родителях мужа и его бабушках и дедушках. Интересно, что, отвечая на вопрос о том, с какими трудностями пришлось столкнуться при сборе информации, Даша отметила, что узнать о семейной истории мужа оказалось проще, чем уточнить и дополнить свою собственную, поскольку ее родители и другие родственники на даче и в данный момент просто не к кому обратиться за дополнительными сведениями. Про родителей же мужа она узнала у его сестры. Когда я спросил, почему именно у нее, а не у самого супруга, Даша ответила: “Он не желает иметь со своими родителями ничего общего”.

Другая причина дефицита информации об истории семьи и своих предках — это внутрисемейное блокирование прохождения такой информации. Например, другая моя студентка рассказала о том, что ее отец серьезно занимался историей своей семьи, даже обращался в архивы. Но почему-то не считал нужным поделиться с дочерью результатами своих исследований, пока она сама об этом не спросила. Мы уже говорили о возможных глубинных причинах подобных поступков и нет смысла к ним возвращаться. Я просто хочу, обратившись к данному примеру, отметить, что *прямой обязанностью, если хотите, долгом родителей перед своим родом, родовой традицией является приобщение детей к семейной истории, предоставление им всей имеющейся информации об их предках вне зависимости от собственного отношения к тем или иным персонажам или событиям*. При этом хочу еще раз подчеркнуть, насколько важна передача подлинной семейной истории и *подлинной* семейной традиции, в максимальной степени свободной от мифологем и семейных тайн — пресловутых “скелетов в шкафу”.

Обязанность же детей — интересоваться своей семейной историей, стремиться собрать максимум информации из любых доступных источников.

Последнее, на мой взгляд, особенно важно, поскольку, как бы плохо ни обстояло дело с источниками информации, всегда есть возможность узнать о своем происхождении хотя бы чуть больше. Предпринимая шаги в этом направлении, люди иногда делают настоящие открытия.

Еще один случай из практики. Выполняя задание по воссозданию семейной истории, одна из участниц семинара обнаружила, что имеет множество двоюродных братьев и сестер, о которых раньше даже не слышала, и высказала желание обязательно с ними встретиться. Это не что иное, как движение к реальной ликвидации реального разрыва между двумя родовыми линиями.

Но даже если действительно нет никаких источников информации о предках, ничего не сохранилось, все равно стоит обращаться к этой теме. Ибо история нашего рода запечатлена в нас самих, в нашей душе. Она существует, даже если этому нет материального подтверждения в виде семейных фотоальбомов и архивных справок. Потому что она — отражение вечности и не зависит от того, что тленно и зыбко. Она зависит только от нас. Мы ее порождение и мы же ее творцы. В этом смысле каждый человек есть “альфа и омега” своего рода.

“Каждое частное состояние человека, каждый момент его роста, каждое движение его, слабее или сильнее, но светится лучом его лика, его “вида”. [...] Род и его **виды** — это

сущности, из коих род безвиден сам, но имеет в себе виды, и видами своими сквозит в членах рода.

Этим-то высвечиванием определяется значение родичей для вечности. Член определенного рода — **родовит**; он — определенной “породы”, породист, т.е. одновременно “**породистый**” и “**благородный**”. Это значит, что род в нем **явно** сквозит. [...] Ведь благороден тот, в ком **вид** определен, целен, невозмущен, т.е. зрим четко обрисованным. Благороден тот, в чьем виде зрим род его, т.е. в чьем лице видно вечное и вселенское”¹⁵.

Важно дать себе возможность прикоснуться к этой внутренней родовой сущности и воссоединиться с ней. Важно позволить ей жить в нас, в наших детях. И помнить, что мы ее порождение и ее же творцы.

Кстати, о памяти и семейной истории. Помнится, наш разговор начался со счастливых и несчастливых семей. Мы поговорили о том, как встречаются мужчина и женщина, как в результате такой встречи порой возникает новая семья. Мы видели, как в семье рождается новая жизнь и с нею новая история. Как жизнь эта растет, крепнет, преодолевает кризисы, обретает свою собственную уникальность и неповторимость и одновременно несет в мир, в жизнь наследие своих родителей и всего своего рода. Мы вплотную подошли к моменту, когда новые принцы и принцессы, простившись с детством, отправляются в самостоятельное путешествие по жизни на поиски приключений и друг друга. Рано или поздно они встретятся, и у семейной истории появится продолжение. Пусть оно будет драматичным и непохожим на другие истории. И обязательно со счастливым окончанием.

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

1. Ильин И.А. Путь к очевидности. М. 1998. С. 184.
2. Там же.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. 1996, с.28.
4. Флоренский П.А. Сочинения. Т. 3(2). М., 1999. С. 23.
5. Лопухина Е.В., Лопатин Г.С. Видеотренинг трудных ситуаций в деловом общении хозяйственных руководителей. М., 1986. С. 24.

К главе 1

1. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1998. С. 117.
2. Там же.
3. Там же, с. 118.
4. Фромм Э. Кризис психоанализа. СПб., 2000. С. 81.
5. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1998. С. 119.

К главе 2

1. Калиновский П.П. Переход. М., 1991. С. 31.

К главе 3

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 115.
2. Дружинин В.Н. Психология семьи, Екатеринбург, 2000. С. 5.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 105.
4. Там же, с. 204.
5. Флоренский П.А. Сочинения. Т. 3(2). М., 1999. С. 196.
6. Там же, с. 196.
7. Юнг К.Г. К вопросу о подсознании // Человек и его символы. М., 1998. С. 56.

К главе 4

1. Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 130.
2. Зеньковский В.В. Психология детства. М., 1996. С. 86.
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 106.
4. Морено Дж. Л. Психодрама. М., 2001. С. 95.
5. Лейтц Г. Психодрама. Теория и практика. М., 1994. С. 89.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 107.
7. Добсон Дж. Родителям и молодоженам. М., б.г. С. 106.
8. Лейтц Г. Психодрама. Теория и практика. М., 1994. С. 89.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 109.
10. Морено Дж.Л. Психодрама. М., 2001. С. 134.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 110.
12. Там же, с. 111.

К главе 5

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 117.
2. Там же, с. 119.
3. Зеньковский В.В. Психология детства. М., 1996. С. 151.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 120.
5. Там же.
6. Там же, с. 122.
7. Там же, с. 123.
8. Там же, с. 124.
9. Там же, с. 126.
10. Конан Дойл А. Весь Шерлок Холмс. Т. 1. СПб., 1994. С. 535—536.
11. Более подробно о типологии Майерс-Бриггз можно прочитать в книге О. Креггер “Типы людей” (М., 1995).
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 129.
13. Там же, с. 127.
14. Там же, с. 132.

К главе 6

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 134.
2. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М., 1992. С. 18.
3. Сатир В. Вы и ваша семья. Руководство по личностному росту. М., 2000. С. 12.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 137.
5. Там же, с. 136
6. Там же, с. 137.
7. Софт Маркет, № 42, 22.12.1997, с. 127.

К главе 7

1. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М., 1992. С. 166.
2. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 127.
3. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М., 1992. С. 164.
4. Чалдини Р. Психология влияния. СПб., 2001. С. 50.
5. Лопухина Е.В., Лопатин Г.С. Видеотренинг трудных ситуаций в деловом общении хозяйственных руководителей. М., 1986. С. 39.

К главе 8

1. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1998. С. 530.
2. Там же.
3. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 129.
4. Там же, с. 135.
5. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1998. С. 267.
6. Там же, с. 272.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 248.
8. Там же, с. 245.
9. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1998. С. 87.
10. Философский словарь. М., 1991. С. 153.
11. Флоренский П.А. Сочинения. Т. 3(2). М., 1999. С. 91.
12. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1998. С. 96.
13. Там же, с. 87.
14. Фромм Э. Революция надежды. СПб., 1999. С. 227—228.
15. Евангелие от Марка. 8.34.
16. Евангелие от Матфея. 11.29., 11.30.
17. Честертон Г. Вечный человек. М., 1991. С. 373.
18. Там же, с. 412.
19. Там же.
20. Там же, с. 425.
21. Честертон Г. Сочинения. Т. 2. СПб., 2001. С. 55.
22. Там же.
23. Честертон Г. Сочинения. Т. 9. СПб., 2001. С. 295—296.

К главе 9

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 246—247.
2. Флоренский П.А. Сочинения. Т. 3(2). М., 1999. С. 50—51.
3. Евангелие от Матфея. 1.1—17.
4. Евангелие от Луки. 2.4.
5. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 2000. С. 117.
6. Флоренский П.А. . Сочинения. Т. 3(2). М., 1999. С. 28—29.
7. Советский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 897.
8. Лопухина Е.В. Разработка и опыт проведения психодраматического семинара “История семьи”. М., 1997. С. 21.
9. Флоренский П.А. . Сочинения. Т. 3(2). М., 1999. С. 33.
10. Вебер Г. Кризисы любви. М., 2001. С. 131.
11. Там же.
12. Там же, с. 130.
13. Конан Дойл А. Весь Шерлок Холмс. Т. 2. СПб., 1994. С. 301.
14. Флоренский П.А. . Сочинения. Т. 3(2). М., 1999. С. 30.
15. ТАМ ЖЕ, С. 123.

СОДЕРЖАНИЕ

Родительский день. *Предисловие Е.Л. Михайловой*

От автора

Сказки счастливые и не очень

Несколько слов о психоанализе и кое о чем еще

Глава 1

ВЕЛИКИЕ СУМАСШЕДШИЕ

Крымская прелюдия, или Один день из жизни отдыхающих

Мифы и реальность, или Какое отношение имеет поэзия “медового месяца” к прозе семейной жизни

Философия, найденная на помойке

Шанс

Глава 2

ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА. КРИЗИСЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Что об этом думают семейные терапевты

Принятие ответственности

Рождение ребенка

Дети покидают родительский дом. Кризис взросления

Старение и смерть

Глава 3

ОТ ЗАЧАТИЯ ДО РОЖДЕНИЯ

Когда и сколько?

Четыре принципа семейного воспитания

Что следует иметь в виду будущим мамам

Батюшка бес и матушка ведьма, или Несколько слов о нетрадиционных способах принятия родов

Магия имени

Глава 4

ГОД ПЕРВЫЙ

Скрытый смысл первого крика, или Краеугольный камень в фундаменте жизни

Как вы пеленаете своего младенца? Процесс формирования базового доверия

Еще несколько слов о бесах

Самый простой способ сформировать чувство базового доверия у ребенка — доверять ему самому

Язык детского плача

Первая жизненная задача: потреблять и присваивать. Чему и как при этом учатся наши дети

Глава 5

ДО ТРЕХ И СТАРШЕ

Новая жизненная задача: учимся не только присваивать, но и отдавать

“Нет!”, “Не хочу!”, “Не буду!”, или Первые проявления свободной воли и автономии

Что со всем этим делать?

Коротко о преступлении и наказании

Еще раз о том, как адекватно и продуктивно реагировать на “кризисные” ситуации

“Как тебе не стыдно реветь? Ты уже большая девочка!”, или “Мужчины не плачут!”

“Штурм и натиск” — проявления детской инициативы и ее влияние на жизнь семьи

Подготовка к переговорам. К какому типу личности принадлежит ваш ребенок?

Оценка возможных рисков и определение границ вторжения. Выяснение условий и ожиданий

Заключение контракта. Правила и санкции

Первые проявления сексуальности. Как говорить с ребенком на “скользкие” темы

Глава 6

РЕБЕНОК ВЫХОДИТ В СВЕТ

Бумажные самолетик и деревянные кораблики, или Потребность в созидании

Самооценка как признание собственной компетентности
Простой способ обесценить деятельность ребенка, очень популярный у мам и бабушек
Что ждет его в школе?
Брюс Уиллис как “последний бойскаут” и “русский джентльмен”. Специально для родителей мальчиков
“Стрелялки” и “ходилки”
Подготовка к пубертату. Продолжаем разговор на “скользкие” темы

Глава 7
ЭТОТ БЕСПОКОЙНЫЙ ПОДРОСТОК
Возраст, трудный для всех
Что ими движет?
А что движет родителями?
“Испорченный телефон”
Что надо иметь в виду, чтобы договориться с подростком
Как вести переговоры с подростком
Три правила, полезные в экстремальных ситуациях, связанных с проблемами подростков

Глава 8
ВЕРА И ВЕРНОСТЬ. ПОИСК ПУТИ
Конфликт между требованиями социума и личной свободой и его российская специфика
Ответ на вызов. Специфика молодежного бунта
Другой путь разрешения конфликта
Витальность идей: от чего она зависит и как влияет на судьбу человека
Об одной вечной идее и ее главном символе
Об одной специфической особенности “загадочной русской души”

Глава 9
ДРЕВО ЖИЗНИ
Идея рода и ее смысл
Причины утраты родовых корней. Разрыв родственных связей
Механизм и виды негативного влияния повреждения родовой структуры на жизнь семьи и ее членов
Что общего в семье английского аристократа и русского крестьянина
Семейная история внутри нас

Примечания

Валерий Александрович Ильин
АРХЕОЛОГИЯ ДЕТСТВА
Психологические механизмы семейной жизни

Редактор И.В. Тепикина
Компьютерная верстка С.М. Пчелинцев
Главный редактор и издатель серии Л.М. Кроль
Научный консультант серии Е.Л. Михайлова

Изд.лиц. № 061747
Гигиенический сертификат
№ 77.99.6.953.П.169.1.99. от 19.01.1999 г.
Подписано в печать 15.06.2002 г.
Формат 60S88/16. Гарнитура Оффисина
Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 11,5

М.: Независимая фирма “Класс”, 2002.
103062, ул. Покровка, д. 31, под. 6
E-mail: igisp@igisp.ru
Internet: <http://www.igisp.ru>

ISBN 5-86375-047-2 (РФ)

www.kroll.igisp.ru
Купи книгу “У КРОЛЯ”